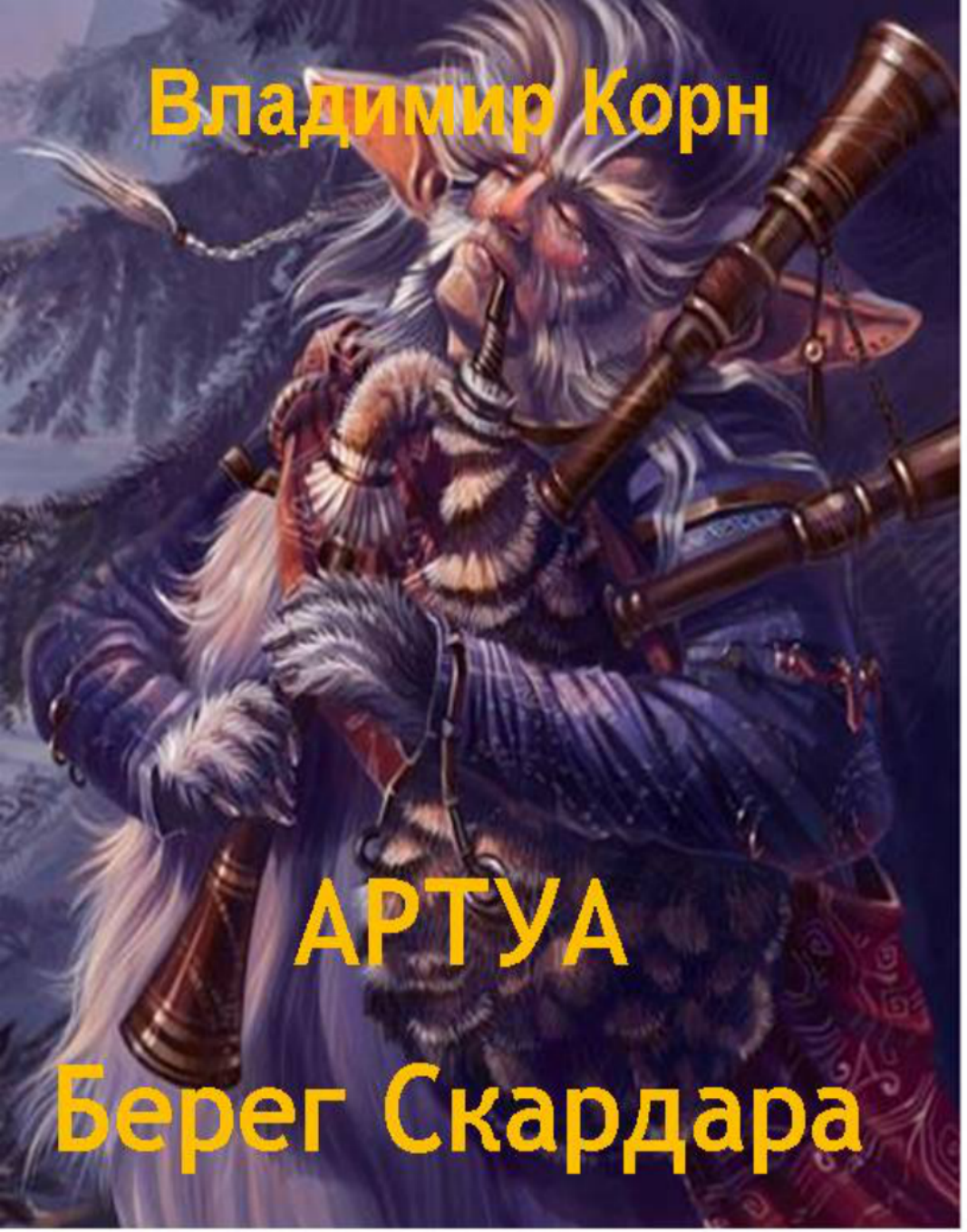
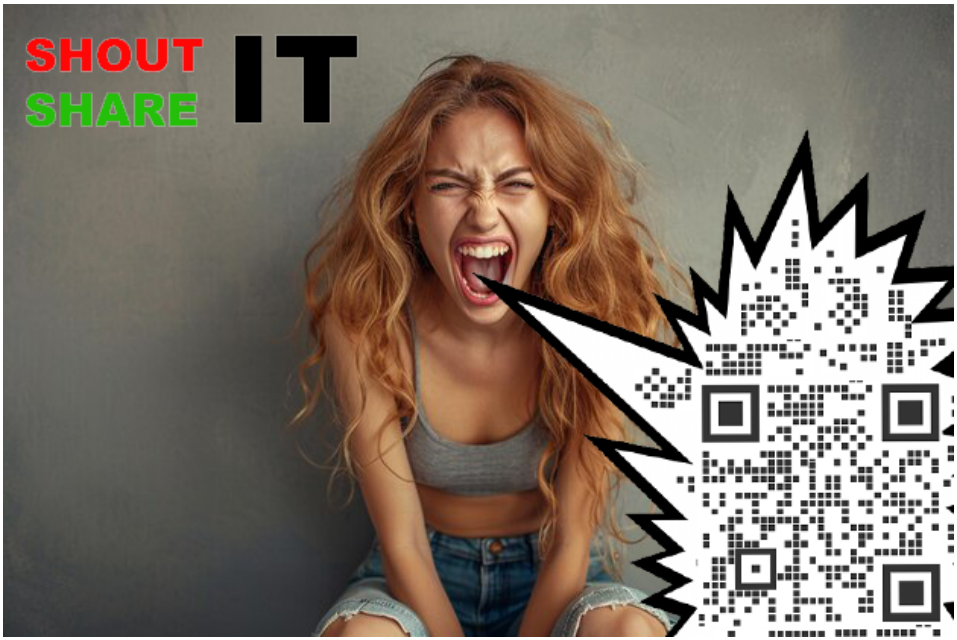

Владимир Корн
АРТУА
Берег Скардара


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Судьба, отправив в чужой мир, одаривает всех по-разному. Кому-то она дает уникальную память, кому-то магические способности, кому-то способность к быстрой регенерации, а кого-то вживляет в новое тело. Артуру не повезло, и ему досталось лишь обостренное чувство справедливости. А если добавить к этому талант как магнитом притягивать к себе проблемы и неприятности, то спокойной жизни не жди. Жди другое – придя в сознание, обнаружить себя пленником на борту идущего неизвестно куда пиратского корабля всего за пару недель до того, когда все вокруг станут называть тебя "ваше величество". И чуть ли не всё приходится начинать сначала. Но возможно это и к лучшему, ведь ему так не хочется быть при любимой консортом.

- Владимир Корн
  - Глава 1 Любимец судьбы
  - Глава 2 Букашка
  - Глава 3 Богиня ветров
  - Глава 4 Муимбус и мбака
  - Глава 5 Тунлоский язык
  - Глава 6 Два капитана
  - Глава 7 Атэми противоположных сил.
  - Глава 8 Блистательный кавалер
  - Глава 9 Одинокий пират
  - Глава 10 Удача по имени Биглоуз
  - Глава 11 Сила слова
  - Глава 12 Он всегда есть, выбор.
  - Глава 13 Костыль из золота
  - Глава 14 Родина – мать
  - Глава 15 Морская дьяволица
  - Глава 16 Рим и гуси
  - Глава 17 Седло
  - Глава 18 Что позволено Юпитеру…
  - Глава 19 Принц конюшни
  - Глава 20 Техника выживших
  - Глава 21 Обычай викингов
  - Глава 22 Мешок для ушей
  - Глава 23 Четвёртый сын
  - Глава 24 Берег Скардара
  - Глава 25 Паштет из соловьиных язычков
  - Глава 26 Её императорское величество
  - Глава 27 Эй, моряк…

○ Глава 28 'Следую своим курсом'
○ Глава 29 Ночная атака

Владимир Корн
Артуа. Берег Скардара

Глава 1 Любимец судьбы

Я пришел в себя от удара сапогом в лицо. Нет, скорее это был даже толчок, а не удар, поскольку от удара мне пришлось бы уйти из себя еще дальше.

Болело все. Руки, ноги, живот, спина, ребра, но больше всего болела голова. Зубы все оказались целы, проверил я языком, только два из них заметно шатались. А вот левый глаз открываться отказывался. Не очень удачно получилось, за неделю до свадьбы.

Острая боль в боку от удара ногой совпала со словами:

– Ну и долго ты будешь валяться?

Сейчас встану, больно же. Перед одиноким глазом виднелись доски палубного настила, должен признать, довольно чистые, и несколько пар ног, частью в высоких сапогах, частью босые. Сколько их? Два, четыре, восемь….

Черт, ну больно же! Очередной удар пришелся по тому же боку. Нужно вставать, иначе забьют ведь на смерть, ироды.

Меня шатало и не потому, что качалась палуба. Я провел ладонью по левому глазу, вытирая со слипшихся ресниц кровь. Цел глаз, цел, а это уже повод для оптимизма.

Вот только куда мне с такой рожей на собственную свадьбу. На чужой как-то в таком виде побывать пришлось, не думал, что и на своей придется.

Так, двухмачтовый парусник, такие катласами называются. Косое парусное вооружение, очень маневренный и довольно ходкий.

Идет круто к ветру, вон, сколько парусов зарифлено.

Человека, что передо мной, вижу в первый раз. Рост высокий, борода кучерявая, взгляд с улыбкой. Вот только не нравится мне его улыбка, потому что нет в ней никакого радушия. Ничего разберемся.

– Что, благородный ты наш, не нравится?

Еще бы, конечно нет. Кому же такое обращение понравится? Я себя в склонности к мазохизму никогда не замечал.

Сейчас мы спокойно поговорим, и, надеюсь, договоримся. Моя любимая не какая-нибудь там прачка или булочница. Если проблему невозможно будет решить при помощи золота, найдутся и другие рычаги воздействия. Любой человек чего-нибудь боится, а возможности у моей будущей супруги!.. Так что непременно рычаги найдутся, нисколько в этом не сомневаюсь.

И я сказал, устремив свой одноглазый взор за его спину:

– Грота-брасы прослабли.

– Чего? – от неожиданности мой собеседник посмотрел туда же, слегка обернувшись назад.

Грота-брасы действительно прослабли, корабль менял курс, ложась на другой галс, так что я не лгал. Маневр в этих узостях необходимый.

Вот только очень трудно, почти невозможно в такой позе равномерно распределить вес на обе ноги, даже если очень стараешься это сделать, все равно одна нога станет опорной. Этого я и добивался, обращая внимание своего собеседника на такелаж. Удар в колено опорной ноги чреват тяжелой травмой и в тот момент я мечтал именно об этом.

Приятно, когда мечты сбываются, пронеслось в голове по дороге к воде.

Не стану я с вами договариваться, выкупая себе свободу, и не потому что мне жалко золота. Очень трудно любить мужчину, прячущегося от своих проблем за женскую спину.

В воду, не успев сгруппироваться, я вошел боком. Не беда, тут и лететь то пришлось менее пары метров.

Вдоль любого борта идущего корабля существует три зоны. По носу и корме вода отталкивает, а посередине, на миделе, имеется обратный эффект.

Впервые это обнаружили, по-моему, англичане, когда два их паровых корабля столкнулись в простейшей ситуации. Один из них решил обогнать другого, пройдя вдоль борта на минимальном удалении. Внезапно нос обгоняющего резко повело в сторону, в результате чего и произошло столкновение.

Парусники так близко не сходятся, мешает рангоут.

Почему я все это вспомнил? Да потому что моей задачей и стояло оказаться под днищем катласа. Ход катлас, идущий против ветра, имел минимальный, поворачивал он в мою сторону, так что со своей задачей я справился блестяще, умудрившись при этом не задеть заросшее ракушками и водорослями днище. Такое чревато, можно здорово оцарапаться. Само по себе, может быть, это не очень страшно, вот только акул здесь как килек в банке и это не хорошо. А очень даже плохо, потому что обоняние у них – ищейка с зависти удавится, и даже на самый легкий запах крови они явятся незамедлительно.

Вероятно, потому мне и удалось так легко покинуть корабль, выпрыгнув за борт, ведь никому и в голову не могло придти, что можно сделать такое добровольно. Мне бы и самому такое не помыслилось, вот только выбора у меня не было.

Яна была против моей поездки в Монтерно, вероятно предчувствуя что-то недоброе, но мне все же удалось ее убедить. До свадьбы целых три недели и времени мне хватит с лихвой. А

этот человек мне нужен, очень нужен, убеждал я ее.

И что в итоге? Меня, наверное, вернули бы, если не за золото, так существуют и другие способы убеждения. И предстал бы я перед своей любимой с разбитым лицом и заплывшим глазом.

«Извини, свет моих очей – сказал бы я – такой вот у меня мальчишник получился».

Нет, уж лучше к акулам за борт.

Кстати, купание благотворно повлияло на зрение, теперь я вижу и вторым глазом. Правда, пока через узкую щель. В следующий раз, если будут подобные проблемы, выберу местечко, где этих зубатых тварей побольше, и опять сигану за борт…

Удача мне благоприятствовала, потому что за перо руля я ухватиться сумел. Кормовой подзор надежно защищал от любопытных взоров сверху и у меня появилось немного времени для того чтобы определиться со своими дальнейшими действиями. Самое простое, добраться до шлюпки, следовавшей за катласом на буксире. Вот она, рядом. А в ней, как и положено, неприкосновенный запас воды и пищи. Не сразу конечно, лучше подождать до темноты. До нее не так далеко, да и легкая зыбь поможет скрыть голову плывущего человека. Еще находясь на палубе, я успел заметить, что боканцы пустуют, так что выходит, это единственное спасательное средство на катласе.

Вот только одно большое но.

Перед тем как прыгнуть за борт, я успел увидеть лежащего у фальшборта человека со связанными за спиной руками. И эта спина была мне очень хорошо знакома.

Много раз она маячила передо мной, прикрывая от опасностей. Так что нет мне ходу, вернее сказать, плавания к шлюпке.

Уцепившись двумя руками за руль и выждав еще какое-то время, я вскарабкался на кормовую надстройку. Удалось это достаточно легко, по буксирному канату, и единственное, что меня тогда беспокоило, могут увидеть с юта.

Одно из иллюминаторов было приоткрыто и это тоже иначе как удачей не назовешь. В каюте, занимавшей весь ют корабля, стоял полумрак, и даже мощный храп не мог его разогнать.

Так, это, что мне и необходимо, каюта капитана. Вот он и сам, на своей постели и прикрытый почти до подбородка одеялом. Спи зайчик, спи, а я пока постараюсь найти пару подходящих предметов для того чтобы сделать твое пробуждение наиболее радостным.

Ага, удача сегодня явно на моей стороне. На одном из столов лежали вещи, которые я привык постоянно иметь при себе. Пистолет работы Гобелли, шпага толейской стали и «Уродец».

Нет, сейчас это уже не «Уродец», назовем его лучше «Последним шансом», так будет правильнее. И держал я его при себе только последнее время.

Вот, еще пистолет хозяина каюты, теперь кинжал и, пожалуй, все.

Обстановка каюты не впечатлила. Много дорогих вещей и предметов, а вот подобрано все было весьма безвкусно. Нет, я и сам не являюсь эталоном в этом смысле, но мне хотя бы хватает ума проконсультироваться при нужде.

А вот задвижка на дверях отличная, к этому никаких претензий нет. Мощная, впечатляющих размеров, еще и выполненная в виде диковинного морского зверя. Поскольку дверь открывается наружу, ее остается только рубить. Что очень меня устраивает. На этом экскурсию заканчиваем.

Рывком скинув с постели храпящего хозяина, я уселся ему на спину, пристав к горлу кинжал. Вот тебе и раз, он, как оказывается, даже проснуться не соизволил. Ковер с палубы, что ли, для этого нужно было убрать? Ну, тем проще. Теперь, со надежно связанными за спиной руками, он стал частью моего далеко не идеального плана.

Хозяин каюты только пробурчал что-то недовольное во сне. Вот же сон у человека, даже позавидовать можно. Это сколько нужно было выпить?

Покрывало на постели зашевелилось и на свет, вернее полумрак, царивший в каюте, появилась голова. Подскочив к кровати, я сдернул одеяло, держа кинжал наготове.

Девчонка, совсем молоденькая, голенькая, и сжавшаяся в комочек.

– Ты кто? – надеюсь, мой вопрос прозвучал достаточно грозно.

– Мириам. Меня хозяин в Гостледере купил. Приказал в каюте сидеть. Потом он пришел пьяный и велел раздеться, а сам заснул.

Голос у девчонки звучал тоненько, прямо писк какой-то.

Гостледер в Монтерно, порт большой, можно сказать огромный. Там я по башке и получил, перед тем как на этом корабле оказаться. А то, что в Монтерно до сих пор существует работорговля, для меня не новость. Так, не до воспоминаний.

– Быстро одевайся!

Мириам промелькнула мимо меня с похвальной скоростью.

«Славная фигурка – успел отметить я – что даже удивительно для девочки ее возраста».

Взрыв хохота, донесшийся через открытый иллюминатор с верхней палубы, напомнил, что нужно торопиться.

Мариам уже полностью одетая, застыла, прижав руки к груди, устремив на меня испуганные глазенки. Так, что же мне с тобой делать? С собой нельзя, если здесь оставить, может освободить хозяина. И убивать его тоже нельзя, он мне нужен живым.

– Не вздумай его развязать. Если придет в себя, стукни его по голове чем-нибудь тяжелым. Все понятно? – со всей доступной мне строгостью инструктировал я Мариам. Та только кивала головой вслед моим указаниям.

Оторвав кусок ткани, я повязал косынку. Нужная вещь, волосы все еще мокрые и в любой момент капля воды может попасть в глаз. Мне такое не нужно, мой левый до сих пор еще процентов на тридцать открыт. Теперь одеваем пояс, за него заткнем «Уродца», шпагу в зубы, в левую руку Гобелли, в правую пистолет хозяина каюты. Все, пора.

Нет, тяжеловато шпагу в зубах держать. Придется часть клинка тканью обмотать, там, где зубами держать буду. Вот теперь точно все.

В небольшом проходе, ведущем к двери, выводящей на палубу, не оказалось никого. По обеим сторонам прохода двери, не иначе в соседние каюты. Не до них, не зачистку делаю.

В дверях, выходящих на палубу, иллюминатора не было, а сама она открывалась наружу. Разумно, где в спешке ручку искать, не дай Бог пожар. А пожар на судне – это самое страшное. И сейчас так есть, и в будущем так будет. Кому как не мне об этом знать, если я сам из того самого будущего.

И шутка вспомнилась, из будущего, что гласила: раньше были деревянные корабли и железные люди, сейчас корабли железные, а люди, увы….

Но это ко мне не относится, я сплав из железа с никелем. Вперед.

Через щель в приоткрытой двери, я увидел следующую картину. На шканцах, в окружении десятка человек стоял Проухв. И я второй раз в жизни увидел его разъяренным. И было с чего. Люди, его окружающие, все как один имели в руках клинки. И стоило ему повернуться в какую-либо сторону, как тут же он получал укол сзади. По Прошкиным штанам текла кровь из многочисленных порезов. А чуть дальше, на бочке, сидел человек, тот самый, что сегодня осуществил мечту остаться хромцом на всю оставшуюся жизнь. Он болезненно морщился, наглаживая колено, а мое сердце наполняло радостью – получилось. Вот такой я мелкий пакостник, человеку больно, а меня это радует. Только боюсь, что забава скоро ему надоест, и он в любой момент махнет рукой – все, заканчивайте.

Крайне сомневаюсь в том, что собравшиеся здесь люди

образцы порядочности и добродетели, а сам корабль – спасательный, причем помощь оказывает совершенно бескорыстно. Так что разговор с ними будет на понятном им языке.

Я и сам выглядел как типичный корсар, по крайней мере, в том представлении, которое дают исторические фильмы подобной тематики. Босой, с косынкой на голове, с зажатым в зубах клинком, с пистолетами в обеих руках и почти одноглазый.

Шагнув на палубу, я приблизился к стоявшему ко мне спиной ближайшему пирату, прижал ствол пистолета к его правому боку и нажал спуск. Выстрел прозвучал достаточно глухо, но его услышали все.

Бах! – рявкнул Гобелли с левой руки в его соседа, так и не успевшего до конца ко мне повернуться.

Еще один, рыжеволосый верзила уже летел ко мне с короткой абордажной саблей, держа руку на отлете. Вот тут ты не прав, просто с твоего ракурса не видно, что пистолет двуствольный, с вертикальным расположением стволов.

Когда я направил на него пистолет, выражение его лица стало меняться. Но менялась и моя мина, потому что в случае осечки меня не спасет уже ничто. Рыжий попытался затормозить. Поздно. Пуля вошла в середину груди, отбрасывая его назад.

Теперь очередь «Последнего шанса» и если он не поможет…

– Раз – заорал я на родном языке, потому что все остальные вылетели из головы, когда очередной враг, получив пулю, схватился за живот, подгибаясь в коленях.

– Два – посылая следующую пулю в спину убегающего пирата.

– Три – и этот выстрел не прошел мимо.

Методика такой стрельбы весьма проста, но в этом мире ее еще придется создать. Сам пистолет является продолжением руки, а его ствол становится вытянутым указательным пальцем. Тогда достаточно всего лишь указывать таким пальцем на противника, а промахнуться с расстояния нескольких метров сложно, если только не страдаешь нарушением координации движений в результате психического заболевания.

– Четыре – уже в толпу шарахнувшихся от меня матросов катласа, выбрав самого толстого, чтобы наверняка.

Понять их ужас можно, не должен пистолет с одним стволом стрелять четыре раза подряд. А их уже ждал Прошка, подхвативший вымбовку еще после третьего моего выстрела. Деревянный рычаг от кабестана мало напоминал его любимый балот, но это уже ничего не значило. Еще раньше он подхватил одного из пиратов, подняв его как мальчишку над головой, и попросту выбросил за борт. Теперь он крушил обидчиков

вымбовкой, сполна вымещая свою ярость.

Я же застыл со шпагой и револьвером, в котором оставалось всего два заряда, стараясь подстраховать Прошку на тот случай, если кто-нибудь попытается ударить в спину. Таких не было, а были объятые ужасом люди, старающиеся спастись от страшного гнева Проухва.

Дверь, ведущая в кормовую надстройку, распахнулась от сильного удара ногой, и на палубе оказался хозяин этого корабля. В руках у него имелся абордажный топор, а на лице выражение ослепляющей ярости. И сразу становилось понятным, почему именно он капитан, а не кто-нибудь другой, из тех, кто в ужасе метался по палубе или карабкался по вантам на мачты.

– Восемь – таков был мой очередной рев, и я сам не мог понять, почему именно эта цифра пришла мне в голову, когда я стрелял навскидку.

«Наверное, восемь – это мое счастливое число» – пронеслась в голове глупая мысль, когда между его глаз образовалась аккуратная черная дырочка.

Жаль, очень жаль, потому что хозяин занимал в моих планах основную роль. А из мертвеца очень плохой, да что там, на редкость отвратительный заложник.

И теперь придется трудно, потому что на верхней палубе находилась только часть команды катласа, те, кому подобное развлечение могло доставить удовольствие. А ведь была еще и подвахта, и отдыхающая смена, находящаяся сейчас на жилой палубе корабля. И всем им не потребуется много времени, чтобы разобраться в ситуации и понять, что все не так уж страшно, что нас всего лишь двое, а в моем револьвере остался один патрон.

Я взлетел на полуют, туда, где находился штурвал, держа наготове шпагу. Здесь должны быть рулевой, вахтенный офицер, или как он тут называется. Ничего такого не было и в помине.

За кормой раздался вопль. Совсем рядом, в кильватерной струе, виднелся плывущий человек, а вокруг него кружили черные плавники акул. Затем там поднялась окрашенная в розовый цвет пена.

Вот человек исчез, в последний момент вытянув из воды во всю длину руку, будто пытаясь ухватиться ею за низкое хмурое небо.

Корабль, оставшийся без рулевого, уваливало под ветер и паруса захлопали, потеряв его.

– Прошка, ко мне! – заорал я снова на родном языке. Но слово «Прошка» звучит одинаково и на суахили, а понять смысл команды можно и по моему требовательному реву.

Проухв в два прыжка преодолел все восемь балясин трапа,

встав рядом со мной, весь заляпанный своей и чужой кровью, все еще держа в руках обломок вымбовки, свежеокрашенный в красный цвет.

-Подтягивай – указал я ему на канат, волочивший шлюпку на буксире. Прошка сильнее и поэтому подтянуть ее к борту у него получится значительно быстрее.

Сам я встал у единственного трапа, ведущего на полуют. Какое-то время у меня получится задержать их, пока еще будет свежи впечатления от пистолета, что может стрелять много раз подряд. Вот только когда они догадаются применить свои, все, пиши пропало.

Когда раздался душераздирающий скрежет и треск, палуба стремительно ушла из-под ног. Падая, я выпустил последний заряд в такое близкое небо. Корабль начал стремительно крениться на левый борт.

«Налетели на подводные скалы» – мелькнуло в голове, которой я успел здорово приложиться в падении к нактоузу.

А корабль продолжал крениться, и было слышно, как через пробоину в его чрево хлещет вода. В его чреве что-то прогромыхало, вероятно сдвинулся груз, заставляя катлас крениться все быстрее. Из дверей кормовой надстройки, на карачках, вылетела Мариам, оглушительно визжа от страха.

Девочка, а я ведь совсем про тебя забыл.

– Ваша светлость – послышался рев Проухва – быстрее сюда.

Так, шлюпка у борта и если сейчас ее не займем мы, то она достанется хозяевам.

Корабль уже касался ноками рей воды. Сейчас он достигнет точки неустойчивого равновесия и все, на ровный киль ему уже не встать. У него останется только один путь, перевернуться кверху дном. У нас это называется оверкиль, а вот как это называется здесь, я все еще не знал.

Мириам соскользнула по наклоненной палубе к самому фальшборту, и, не будь его, свалилась бы в воду. Туда, где у самого борта мелькали стремительные тени акул и виднелись их плавники.

Сейчас девочка, сейчас, мы ни за что тебя здесь не оставим. Ухватив все еще визжащую девушку за ворот, я чуть ли не волоком потащил ее за собой. Прошка был уже в шлюпке и бешено вращал глазами в поисках чего-либо, чем можно перерубить канат. Этого не требуется, морские узлы тем и отличаются от всех остальных, что надежны, легко вяжутся и не менее быстро их можно распустить. Местный узел ничем не отличался от знакомых мне по прежнему месту жительства на планете Земля.

– На весла – заорал я ему на имперском, отталкивая руками шлюпку от гибнувшего корабля.

Не хватало еще, чтобы по нам начали стрелять сейчас, когда мы совсем рядом. Не сомневаюсь, всем им сейчас не до этого, но я привык, что моя судьба всегда выбирает самый плохой сценарий.

Тресь – и в руках Проухва оказались две половинки весел. Мать твою, ты хотя бы немного соизмеряй свою силу с тем, что попало тебе в руки.

Ничего, шлюпка четырехвесельная и грести я умею.

– Держи румпель прямо! – это уже снова Прошке. Вот же моряк хренов, уж такие-то слова он должен знать. Очень трудно грести, держа направление, когда перо руля прижато к транцу кормы.

– И-и раз, и-и раз, – командовал я сам себе, гребя веслами и глядя на удаляющуюся корму катласа. На корме золотом горели буквы – «Любимец судьбы».

Глава 2 Букашка

Я сидел у ярко горящего костра, орудуя шомполом и заряжая нижний ствол пистолета. Хороший боцман был на «Любимце», хозяйственный. В шлюпке имелось все, что необходимо потерпевшему кораблекрушение моряку. Запас воды в анкерке, сухари, похожие на галеты, что-то очень напоминавшее пеммикан, соль, рыболовные снасти и даже порох с палочками свинца. Как это пришлось кстати.

Небо по-прежнему хмурилось, но Проухв успел соорудить шалаш из съемной мачты, паруса, весел и нарубленных похожим на мачете тесаком жердей, найденным там же, в шлюпке.

Над огнем весело бурлил, исходя паром котелок, источая запах рыбной похлебки и вокруг него хлопотала Мириам. Время времени девушка поглядывала не меня, но я старательно делал вид, что этого не замечаю.

Котелок тоже нашелся в шлюпке, так же как и багор, припасенный совсем уж непонятно для каких целей.

Наверное, мы поступили не по совести, лишив терпящий бедствие корабль единственного средства спасения. Вот только это меня нисколько не мучило, с чего бы. Не давал я своего согласия, побывать на его борту, получив по голове вместо пригласительного билета.

Все же глупо получилось в Гостледере, очень глупо. Прибыл я туда в поисках одного человека, талантливого кораблестроителя. Может быть и не Крылов, но для своего времени корабел выдающийся. Время того уже требовало, поскольку в Гроугенте, крупнейшем морском порту Империи, была у меня в собственности верфь.

Строить корабли мне хотелось давно, но не такие, что бороздили местные моря, а с учетом тех идей и технологий, что я принес из своего мира. Нет, на атомоходы я не замахивался, и даже до винтовых пароходов дело еще не дошло, но…

Что самое обидное, этого человека я найти не успел, взамен оказавшись на борту пиратского катласа. Королевство Монтерно относилось к пиратам очень терпимо, требуя лишь не трогать принадлежащие ему корабли. Что самое интересное, я так и не смог выяснить, случайно ли я попал на катлас, был ли это чей-то заказ или сошлись какие-то другие обстоятельства…

Я еще раз проверил состояние кремней на обоих стволах, насыпал на полки пороху, закрыл их и тщательно обернул пистолет куском просмоленной парусины.

Вот он следующий этап в развитии огнестрельного оружия,

«Уродец». Нет сейчас он не «Уродец», и даже не «Последний шанс» а «Спаситель». Не будь его, нетрудно представить, чем все бы закончилось на борту «Любимца судьбы». Вообще-то я рассчитывал захватить владельца катласа, сделав его заложником, затребовать в каюту Прошку и после этого переговорить с капитаном о наших дальнейших действиях, теперь уже с позиции силы.

Вот только Прошка был на срыве, пару мгновений и он бросился бы с голыми руками на обнаженные клинки. Или тот, кому я так удачно попал в опорное колено, махнул бы рукой, отдавая приказ. Словом, у меня попросту не выдержали нервы. Ну и еще повезло с тем, что меня не начали высматривать за бортом. Хотя это тоже легко объяснимо. Во-первых, обнаружить меня там, где я находился, было весьма затруднительно. Ну и главное, не принято здесь такое купание. Держась за перо руля, я пережил не самые приятные минуты в своей жизни, высматривая под ногами тени морских хищниц…

«Уродец» действительно выглядел уродцем, никакой изящности в линиях, с виду грубый кусок металла.

Мой ювелир, Альбрехт Гростар, напрочь отказался заниматься такой темой, как дизайн оружия. Нет, он настоящий мужчина, и при необходимости сможет защитить своих близких с оружием в руках. Вот только вдохновение ему работа с оружием не приносит, не его это, так он и заявил. Конечно, я смог бы настоять, но зачем насиловать человека, толку с этого обычно бывает ноль.

Мое лицо тронуло злорадная ухмылка, когда я вспомнил, как ему отомстил, пусть и совсем за другое.

Все началось с того, что я приехал к нему с благодарностями за одно дело, им произведенное. Однажды, когда был глубоко убежден, что покидаю Империю навсегда, я оставил ему кошель, полный драгоценных камней, фениксов, самоцветов, каждый из которых имел астрономическую цену, предложив использовать их по своему усмотрению.

Так вот, это негодяй исполнил из них потрясающую ривьеру, которую и преподнес от моего имени моей любимой, как мне тогда казалось, навеки утраченную мной.

В ответ на мою благодарность Альбрехт заявил, что это того не стоит, поскольку камни попали именно туда, где им и следовало быть, на прелестную шейку императрицы. Благодарить его нет нужды, но если я помогу решить одну его проблему, он будет сам бесконечно мне благодарен. Я с радостью ухватился за возможность отплатить за добро добром.

А проблема заключалась всего лишь в десяти тысячах

золотых имперских крон, на которые он хотел бы построить обсерваторию, поскольку всерьез решил заняться астрономией. Вот во что вылилось его увлечение оптическими приборами. Причем просил он деньги не то чтобы насовсем, нет, он хотел вложить их в очень выгодное дело, которое в самом скором времени даст самый серьезный доход. Тогда вернет он мне эту ничтожную сумму, причем с серьезными процентами, а на оставшиеся деньги воплотит свою мечту в жизнь. Глаза у него при этом откровенно смеялись. Ну-ну, епископом в монастырь. Поскольку епископ и есть наблюдатель, а мон астерион – счет звезд. Так оно когда-то и было, до того как…

Мерзавец, непременно он этому у Коллайна научился, пока я был в отлучке. Быстро они спелись, сборище негодяев. И это произошло тогда, когда до моей свадьбы с Янианной осталось меньше двух месяцев, и когда я считал чуть ли не каждый медный грош!

Мне пришлось пообещать ему подумать над этим всерьез.

На следующий день я заявился к нему домой. Когда мы прошли в его кабинет, открыл кофр, принесенный с собой и начал извлекать из него необходимые для мести предметы.

Стеклянную пирамидку, кинжал с вычурной ручкой, выполненную в виде нагой девы, маятник и, наконец, небольшую трубу, обтянутую черным шелком. Распахнув настежь окно, я расположил пирамидку в одном из углов кабинета, на большие, с боем, часы. Маятник занял место в другом углу, а кинжал безжалостно был воткнут в бюро, надо прямо сказать, очень дорогое. Гростар с любопытством наблюдал за моими действиями, сидя в глубоком кресле.

Затем пришла очередь свитка, который я бережно извлек из того же кофра, начав заунывно читать вполголоса.

Наконец, настало время и самой трубы. Посмотрев сквозь нее на свет и прокрутив несколько раз вокруг оси, отложил трубу в сторону, чуть сдвинул в сторону пирамидку, сильнее раскачал маятник. Затем, заглянув в трубу, удовлетворенно кивнул головой.

– Магия – заявил я ошеломленному моими действиями Альбрехту – очень древняя и очень сильная. Называется рефракцией. Извольте взглянуть самому.

С этими словами я протянул трубу Гростару. Тот недоверчиво взял ее в руки.

Отбирать трубу пришлось уже силой. Не надо и говорить, что зрелище его потрясло. Он не сводил с трубы глаз, когда я, размахивая ей, вещал:

– Вы обратили внимание, Альбрехт, на то, что узоры не

повторяются. Так вот, для того чтобы они все же начали повторяться, при условии того, что вы будете крутить трубу со скоростью десять оборотов в минуту, потребуется пятьсот миллионов лет. Да, да, вы не ослышались, именно этот срок.

Вот же ляпнул так ляпнул, местный год несколько длиннее земного. Это на Земле пятьсот, а тут вполне может быть такое, что на миллион, а то и на все десять миллионов меньше. Ничего, долго же ему придется проверять мои слова. Все остальное правда, при условии, что в калейдоскопе будет двадцать бусинок и осколков цветного стекла. Помню, я сам поразился такому факту, прочитав о нем.

– Представляете, сколько новых идей может извлечь из этого магического прибора ювелир! Бесценное приобретение для любого из них.

Гростар продолжал меня слушать, даже не пытаясь закрыть рот. Я переложил калейдоскоп в левую руку и отвел ее далеко в сторону. Затем произвел обратную манипуляцию. Бедный Альбрехт как сомнамбула переводил свой взгляд из стороны в сторону.

– Сам я приобрел это чудо за двадцать тысяч, но вам уступлю всего лишь за один щелчок по тому месту, которое вы считаете вместилищем своего ума.

Здесь я снял с трубы ткань, развернул плотную бумагу и высыпал на стол перед его носом все эти стекляшки, бусинки и полоски зеркал.

– И не забудьте внимательно прочитать заклинание – уже с порога заявил я.

Заклинание было необходимо, потому что в нем я написал примерно следующее:

« Я, Альбрехт Гростар, клянусь никогда не морочить голову серьезным людям, особенно в совершенно неподходящее для этого время. Кроме того, обязуюсь изготовить эту штуку в подарочном исполнении, заменив осколки стекляшек и бусинки жемчугом, лалами, яхонтами, диамантами и прочими смарагдами».

Яне калейдоскоп очень понравился. Она взяла его с собой на какое-то важное заседание. Время от времени, она заглядывала в него, когда думала, что на нее никто не обращает внимание. В конце концов, кто-то все же решился поинтересоваться, что же такое она там рассматривает. В итоге, заседание было сорвано.

Калейдоскопы сразу же приобрели бешеную популярность. Поэты о них слагали стихи, а ученые писали научные работы. Словом, произошло все то, что когда-то случилось и на Земле.

Скоро они и здесь станут детскими игрушками, но до этого

еще долгие десятки лет.

А Гростар был мною позорно посрамлен, хотя это и осталось между нами. Я никогда не напоминал ему об этом событии, лишь изредка называя его магическим магистром…

Как когда то и обещал, Коллайн нашел мне мастера Гобелли, одного из лучших оружейных мастеров Империи, лет пять назад ушедшего на покой.

Маэстро проживал на побережье недалеко от Гроугента в небольшом имении. Принял он меня в своем кабинете, и я сразу решил взять быка за рога, поинтересовавшись, где я могу продемонстрировать опытный образец оружия нового поколения.

Гобелли любезно распахнул одно из окон кабинета, ведущее в сад и указал на высохшее дерево, стоявшее метров в десяти. Ствол дерева был в весьма плачевном состоянии, видимо по той причине, что его с завидной регулярностью нашпиговывали свинцом.

Я снарядил каморы барабана патронами, стараясь чтобы Гоббелли было хорошо видно мое занятие. Затем взвел курок и выпустил все шесть пуль в бедное растение.

Револьвер был выполнен по самой простейшей схеме, при которой рама его не переламывалась, или барабан откидывался в сторону. В этом случае заряжание, как и экстрагирование гильз, требовало больше времени, но повышалась общая надежность. Схема полностью соответствовала револьверу системы Наган. Когда то в царской России изготавливались два варианта револьверов этой системы. Солдатский и так называемый офицерский револьверы. Офицерский считался самовзводом, то есть при нажатии на спусковой крючок проворачивался барабан, взводился курок… В солдатском варианте для каждого выстрела необходимо было взвести курок. Технологически они не сложнее друг друга, и разница между ними была сделана потому, что считалось, самовзводный вариант в руках нижних чинов приведет к повышенному расходу боеприпасов.

Мой «Уродец» был выполнен по самовзводной системе, и от Нагана отличался только тем, что имел шесть камор в барабане и действительно уродский вид. Калибр у него был… черт его знает, какой, но мизинец входил в ствол до первого сустава. А количество камор пришлось уменьшить из-за качества металла, на мой взгляд, довольно низкого.

Всего было изготовлено четыре экземпляра, из которых произвели по пятьдесят выстрелов. Один револьвер погиб из-за плохой обтюрации, один остался в Стенборо, моем имении, которое мне когда-то пришла в голову мысль превратить в центр инновационных технологий. Еще один экземпляр был отдан

Коллайну, страстному любителю огнестрельного оружия, а с последним я заявился к Гобелли….

Его кабинет наполнился дымом. Мой химик, Капсом, все не мог сделать порох бездымным, хотя и находился на верном пути. Правда, шел он по нему уже достаточно давно.

Когда дым немного рассеялся, я вопросительно посмотрел на оружейника.

– Впечатляюще, – произнес тот, хотя лицо его оставалось самым обычным. – И чтобы вы от меня хотели?

Вместо ответа я извлек двуствольный пистолет с кремневым замком и положил его на стол рядом с «Уродцем». Получилось очень наглядно, но дело было даже не в том, что уродство револьвера в сравнении с работой Гобелли выросло в несколько раз. На пистолете было очень интересное решение кремневого замка, что говорило о Гобелли, как о талантливом инженере.

– А, Марта – заявил Гобелли, увидев его – Как он вам достался?

Заметив мой недоумевающий взгляд, он пояснил:

– Это одна из моих последних работ, и я назвал ее «Мартой».

Что ж, теперь и мне нужно отвечать на его вопрос.

– Пистолет мне подарила одна замечательная женщина. И я бесконечно благодарен и ей, и его создателю.

Я сполна расплатился за подарок Аманды, но рассказ сейчас не об этом.

– Маэстро, вы мне нужны. Недалеко от Дрондера у меня есть имение. Так вот, я мечтаю собрать в нем лучшие умы Империи. Нет, не талантливых математиков или великих философов, а практиков. Таких на данный момент в Стенборо уже около двадцати человек. Не сомневаюсь, там вам будет очень интересно.

Скажите, что вам нужно, и я постараюсь сделать это незамедлительно. Титул, золото, дюжину молоденьких наложниц… Все что угодно.

Гобелли, сухой высокий старик с глубоко запавшими глазами, дребезжаще рассмеялся.

– Хочу быть герцогом, господин де Койн.

– Нет, мастер, герцогом я вас сделать не смогу – и я с сожалением развел руками. Всему есть свой предел. Бароном, быть может даже графом, вероятно получится. Надеюсь, я смогу уговорить Яниану. Гобелли дворянин, и личность в Империи известная. Но чтобы герцогом…

Гобелли рассмеялся вновь:

– Не нужен мне герцогский титул. Поверьте, я уже не в том возрасте, чтобы обращать внимание на такие мелочи.

Говоря это, он рассматривал револьвер. Чтобы разобраться, ему не потребовалось и пары минут. Причем мне даже не пришлось ему ничего подсказывать. Он внимательно рассматривал механизм, что-то неслышно бормоча себе под нос. Мне удалось расслышать лишь одну его фразу:

– Господи, как все просто – при этом Гобелли посмотрел на меня.

Я развел руками, увы, все это не моя заслуга.

А затем у нас пошел замечательный разговор, закончившийся далеко за полночь.

-… Вот тут вы не правы, маэстро. Такое вполне устранимо. Достаточно одеть ствол в водяную рубашку и все проблемы с теплоотдачей будут решены. Вот так это будет выглядеть на рисунке.

– В водяную рубашку говорите? А ведь верно…

-… Полноте вам, господин де Койн. Зачем все усложнять? Не проще ли будет сделать ход шептала чуточку длиннее?…

Устройство и преимущества унитарного патрона он понял мгновенно. Да и не удивительно, это я человек, нахватавшийся обрывков чужих знаний. Он же мастер, маэстро.

… Понимаете, господин Гобелли. Я думаю, что проблема с бездымным порохом будет решена в ближайшее время – заявил я с уверенностью, которую совсем не испытывал. Не знаю почему, но у Капсома с этим вопросом определенно не ладилось.

Гобелли поставил на стол тигель, насыпал в него немного мелкого серого порошка и поднес лучинку, подожженную от свечи. Комната озарилась яркой вспышкой, поднявшей к потолку слабую струйку дыма.

Гобелли победно посмотрел на меня и сказал с улыбкой:

– Что вы там говорили о дюжине молоденьких наложниц….?

От воспоминаний меня отвлек звонкий голосок Мириам:

– Ваша светлость, похлебка готова.

Не очень-то я сейчас похож на его светлость. С заплывшим глазом, по-прежнему босой, с распухшим лицом и плохо застиранными пятнами крови на белой рубашке. А похлебка у нее удалась на славу.

За ужином мы и вели неспешный разговор.

– Так, – произнес я голосом, от которого Мириам непроизвольно съежилась. – Ты зачем его развязала? Я же сказал тебе ударить его по голове, если он начнет шевелиться.

Девушка съежилась еще больше:

– Я ударила его…

– А он что?

– А он открыл глаза.

– А развязала-то зачем?

– Он сказал, что если я этого не сделаю, то привяжет веревку за ногу и выкинет меня за борт. А чтобы акулы сразу почуяли кровь, сначала отдаст меня команде.

Сейчас Мириам представляла собой сплошной комочек. Я погладил ее по голове, на что она ответила мне робкой улыбкой. Я ни в чем тебя не виню, девочка. Далеко не каждый мужчина нашел бы в себе мужества отказать этому человеку в его маленькой просьбе.

Немного помолчали, отдавая должное ухе, которая получилась у нее весьма недурственная.

– Ваша светлость, а куда вы меня теперь денете? – наконец поинтересовалась Мириам.

– Замуж отдам – не задумываясь, ответил я.

– Замуж? – поперхнулась девушка. Затем, немного помолчав, осторожно поинтересовалась – за кого замуж?

– Вот за Проухва и отдам – снова не замедлил я с ответом.

Мириам посмотрела на Прошку, повела плечиком, пару раз хлопнув ресницами:

– Проухв, возьмешь меня замуж?

Теперь поперхнулся Прошка. Вообще-то, как я уже успел заметить, не слишком он ровно дышит в ее сторону. Определено Мириам ему очень понравилась.

– Не сейчас, конечно – успокоил я их обоих – через пару лет. Подрастешь, ума наберешься…

Мариам разочарованно вздохнула:

– Через пару лет мне будет девятнадцать. Все приличные девушки к этому времени давно уже замужем и детишек имеют… – и она опять вздохнула тяжело.

На это раз поперхнулся я. Через два года девятнадцать лет? С другой стороны, когда в каюте она голенькая метнулась мимо меня к своей одежде, все у нее было не по-детски. Мириам, уловив мой взгляд, вспыхнула, видимо тоже вспомнив об этом.

Снова помолчали пару минут. Затем девушка невинно поинтересовалась:

– Ваша светлость, а спать мне с моим женихом ложиться?

Прошкина рожа стремительно покраснела.

Проухв, да что с тобой? Если я сейчас поставлю тебя вон на тот мысок, то твое лицо вполне сможет служить маяком, предупреждая корабли об опасности. Никогда бы не подумал, что такая невинная шутка тебя так смутит.

Насколько я знаю, с женщинами у Прошки проблем никогда не было. Проухв им нравился, высоченный плечистый парень, пусть и с несколько простоватым лицом. Неужели Мириам

приглянулась ему настолько?

Здесь я вспомнил очередность, согласно которой мы поперхнулись и сообразил, что краснеть сейчас моя очередь. Так, не дождетесь.

– Прошка, нарежешь розог и замочишь их в море. Будем твою невесту воспитывать.

Я рассчитывал, что Мириам испугается, ведь говорил это с самым серьезным выражением лица. Сейчас.

Мириам звонко рассмеялась.

– Прошка – букашка, Прошка – букашка.

Наконец, ей удалось объяснить, что слово «прошка» и означает букашку на каком-то знакомом ей наречии.

Ничего себе букашка. Проухв и так поперек себя шире, что при его росте смотрится очень внушительно, а в кирасе и вовсе достигает ужасающих размеров.

Перед сном я размышлял о наших дальнейших действиях. Пойдем на шлюпке вдоль берега, чтобы в случае опасности можно было отойти от него подальше, либо же высадиться на него и скрыться в лесу. Лес здесь густой, настоящая сельва. Так что лучше морем, чем по берегу ноги бить. На побережье обязательно отыщется селение. А там уже будем решать, что делать дальше. Да и не должны мы были далеко уйти от Гостледера, еще и суток не прошло.

Утром я проснулся от громкого шепота Мириам:

– Прошечка, букашечка, разведи костер, я замерзла.

Проухв сонно зашевелился, и она зашикала на него: тише, тише, господина разбудишь.

– Прошка – позвал я его.

Тот мгновенно вскочил на ноги.

– Да, ваша светлость?

– Ты розги вчера замочил? Так неси их сюда.

И тот поплелся за розгами. Ну нельзя же так, Проухв. Я же шучу, и даже Мириам это понимает. Но ведь прикажи я тебе высечь ее, и ты сделаешь это, сделаешь не из-за страха передо мной. Мне даже жалко иногда тебя становится из-за твоей потрясающей наивности и немного горделиво из-за преданности.

Прошка вернулся без розог. Надо же, сейчас, наверное, скажет, что их прибоем унесло.

– Ваша светлость, шлюпка исчезла, – сообщил он с таким видом, как будто сам был в этом виноват.

Глава 3 Богиня ветров

Шлюпки действительно не было. Осталась только ровная канавка в песке от ее киля, обрывающаяся на линии прибоя.

Прибоем унести шлюпку не могло, да и не настолько он здесь сильный. Шторма ночью не было тоже.

И потом, я достаточно надежно привязал шлюпку к толстому, выступающему из земли корню какого-то дерева. Сначала я положил выбленку, затем был штык, и уже после всего этого рифовый узел. Словом, перестраховался. Так что развязаться само по себе точно не могло. Кроме того, мы вытащили шлюпку за линию прибоя чуть ли не на весь корпус.

Следы! Что у нас с ними?

Так, это отпечатки от маленьких ступней Мириам, размером с мужскую ладонь. Вот здесь она сидела на поваленном стволе пальмы, дожидаясь, пока Прошка перенесет вещи из шлюпки. Вот и Прошкины следы, оставленные огромными, почти гигантскими подошвами его ботфорт. Он перенес все за две ходки, явно бахвалясь перед Мириам своей силой. Количество и размеры соответствуют.

А вот здесь топтался я, изображая собой вооруженное охранение, оставив после себя отпечатки босых ног изящного сорок четвертого размера. Все. Больше ничего не было.

Только цепочки птичьих перепончатых лапок. Но они имелись у самого края воды. Шарада.

И мой блестящий план рухнул как карточный домик. А как все было славно задумано!

Я хотел посадить Мириам на румпель, Прошка взялся бы за весла. Он греб бы, играя мускулами перед понравившийся ему девушкой, и его бы совсем не брала усталость.

А я бы скромно расположился на носу шлюпки, зорко высматривая неведомые опасности. Потом мы отошли бы от берега, поймали попутный ветерок…

И всего этого уже не будет.

Теперь серьезно.

Проухву больно сидеть по понятным причинам, и больно будет еще достаточно долго. Две раны на его филейных частях оказались вполне серьезны, да и множество мелких порезов давали о себе знать. Вчера Прошка старательно не поворачивался тылом к Мириам, даже кушал он стоя. Пришлось с ним серьезно поговорить, потому что он категорически отказывался от того, чтобы Мириам осмотрела и обработала ему раны.

– Я могу тебя перевязать,– сказал я ему с самым серьезным

видом. – Но после этого мне придется тебя убить. Потому что рано или поздно ты проговоришься, что я перевязывал твою задницу.

Прошка понятливо кивал головой, а подслушивающая Мириам безуспешно пыталась сдержать смех, уткнувшись лицом в ладошки.

Словом, раны обрабатывала ему она. Представляю себе его муки. Напоследок Мириам чмокнула его в макушку и что-то сказала, после чего Прошка в очередной раз густо покраснел. Я не расслышал всей фразы, но определенно последние слова в ней были – очень симпатичная.

Но все это мелочи. Самое противное в этой ситуации то, что теперь я даже теоретически лишаюсь всяческих шансов успеть на собственную свадьбу. Если еще вечером они имелись, правда, только при почти невероятно благоприятном стечении обстоятельств, то теперь все, абзац. Полный и окончательный абзац. И необходимо с этим свыкнуться. Тут я в очередной раз вспомнил, что когда-то курил и в очередной раз пожалел, что местные жители об этой дурной, но иногда такой необходимой привычке не знают, и даже не ведают о ее возможности.

Как бы не помешала мне сейчас пара бокалов бренди, чтобы успокоить дух и вернуть ясность мысли.

Но нет у меня его ни капли. Да и откуда он возьмётся, все осталось на борту 'Лолиты'. 'Лолита' же в Гостледере, морском порту Монтарно и очень надеюсь, что еще не ушла. Нет, такое вряд ли произойдет, они месяц меня будут дожидаться, и это как минимум.

Вот только добраться до нее еще надо. Потому что придется бить ноги пешком по практически непроходимой сельве, чтобы выйти на какое-нибудь селение, туда, где можно будет пристроиться пассажирами на любом из попутных судов до Гостледера.

О том, что у меня нет денег, я не волновался. Расплачусь в Гостледере, и порукой тому будет мое слово, этого вполне достаточно. Вот только добраться до него еще надо. И-эх!

'Лолита' была моим недавним приобретением, трехмачтовым критнером, кораблем, больше всего напоминающий земной корвет. Похожие обводы корпуса, три мачты с полным прямым вооружением…

Обычно корабли строят под заказ, так оно было и в этом случае. И мне очень повезло, что заказчик внезапно отказался от своего намерения его приобрести. Конечно, в этом случае ему пришлось бы заплатить судостроителю огромную неустойку, и поэтому он срочно искал покупателя. Тут, как нельзя вовремя,

подвернулся я.

Я даже не стал искать выгоды в его стесненных обстоятельствах. Тем более что он отказался от покупки, не внезапно передумав, нет.

Крилл Броунер, крупный купец, владелец весьма немалого торгового флота, решил, что вполне может осуществить мечту всей своей жизни – построить корабль для души. К тому же он пребывал к этому времени уже в таком мужском возрасте, когда женщины интересуют постольку поскольку, и когда каждый борется с этим по-своему. Да и дела настоятельно требовали его присутствия в нескольких крупных портах, как Империи, так и сопредельных государств.

Начинал он в далекой юности практически с ничего, приобретя в складчину немалой ветхости двухмачтовую посудину. Затем Броунер ее выкупил, продал, приобрел другую, следующую и в итоге сейчас их у него имелось целый десяток. До последнего времени имелось. Не так давно одномоментно он потерял их целых три. Причем два корабля везли попутный груз, ему не принадлежащий. Местного Ллойда здесь все ещё не нашлось, так что груз не был ничем застрахован, и расплачиваться за него пришлось ему самому.

Знал я Броунера достаточно давно, ведь он являлся основным поставщиком какао для моего Торгового Дома. Нашел его Герент Райкорд, управляющий моим Торговым Домом, да и все всем остальным тоже. Вот он и сообщил мне о ситуации, возникшей с Броунером. Мы как раз сидели с бокалами бренди, тем самым, что мне сейчас так не хватало. Нет, есть, конечно, способ нисколько не хуже. Как сказал один из героев герой одного популярного фильма: 'мне в этом случае помогают либо бабы, либо водка. А лучше, когда и то, и другое вместе'.

При этих мыслях я взглянул на Мириам.

Мы пообщались с Мириам взглядами еще тогда, как только оказались на этом берегу.

'Будет лучше, если ты обратишь внимание на Прошку. И, чем лучше ты будешь относиться к нему, тем лучше я буду относиться к тебе'.

Мириам все поняла отлично. Очень неглупая девочка и очень симпатичная.

Так что быть тебе, по всей видимости, Проухв, бароном и дворянином.

Это я так, к слову. С недавнего времени для Прошки это самая большая страшилка. Как-то в шутку я заявил ему, что, поскольку он постоянно находится при мне, то придется стать ему дворянином, чтобы мне не ронять свой статус, оставив того в

глубокой задумчивости.

Помню, на следующий день он подошел ко мне, пару минут помялся, что для него вполне обычно и, наконец, спросил:

– Ваша светлость, может как-нибудь по-другому можно сделать?

Сначала я даже не понял, о чем это он.

Как, оказалось, Проухв панически боялся, что я действительно сделаю его дворянином. Разговорившись, он привел тысячу доводов в пользу того, что ему нельзя им становиться. Среди них были и такие, что нужно разговаривать умными словами и даже уметь танцевать.

Тогда я успокоил его, сказав, что годик еще потерплю, на что он облегченно выпустил воздух. Ну не понимает человек шуток, над ним даже подшучивать неинтересно, все за чистую монету принимает.

Вот женю их, и тогда Мириам быстренько мозги ему вправит. А женить его придется, как это мне, в скором времени самому женатому, холостяка при себе иметь.

И из Мириам вполне симпатичная баронесса получится, по-новому оценил ее я.

Так вот, когда я увидел критнер в первый раз, у меня даже дух перехватило, настолько он был красив. Мы стояли на возвышенности вместе Герентом и Броунером, когда из-за одинокой скалы, торчавшей посреди водной глади Тускойского залива, показался корабль.

Темно-темно синий низкий корпус безо всяких надстроек на корме и носу, ведь они только препятствуют ходу, паруся, и сами паруса, почти белоснежные, на трех высоченных мачтах. Белая полоса, шедшая вдоль орудийных портов, коих было шесть по каждому борту. Красив он был, очень красив, мой будущий корабль.

Да уж, дорогую игрушку решил себе позволить на старости лет Броунер. Не так давно я сам долго скреб себе подбородок, набираясь решимости, пока, наконец, решительно им не махнул, беру.

Броунер с грустью смотрел на бумаги, когда пришло время их подписать. И вид у него был самый печальный.

Он мне нравился, Крилл Броунер, человек, который сделал свое состояние не сидя в конторке. Он и выглядел не как страдающий излишним весом купец, а как один из капитанов своих кораблей. Дубленое лицо, прорезанное многими морщинами, глаза, много повидавшие за свою жизнь… Даже немного неудобно было приобретать у него мечту его жизни.

Но расстались мы весьма довольные друг другом, это факт.

Броунер тем, что он так легко и быстро нашел покупателя, нисколько не потеряв при этом в цене. Ну и я тоже выглядел вполне счастливым человеком, критнер меня чрезвычайно впечатлил.

Вооружение его составляло двенадцать длинноствольных кулеврин, которых было более чем достаточно, поскольку основной их целью являлась борьба с рангоутом и такелажем вражеского корабля, а не нанесение ему смертельных повреждений.

По носу было установлено два погонных орудия, и еще два таких же смотрели в море за кормой. Но их задача была диаметрально противоположная.

Ну и пара фальконетов на мостике, позволяющих вести круговой обстрел. Они были нужны так, на всякий случай, для стрельбы картечью в упор. И еще для того, чтобы помочь подавить мятеж собственной команды.

Нужно только немного его переделать, усовершенствовать в какой-то мере. Прежде всего, это будет касаться рулевого управления, да и бизань я сделаю 'сухой'.

Тогда я еще подумал, что когда моя собственная верфь заработает в полном объеме, Броунер будет первым, кому я предложу гафельную шхуну, до которых в этом мире еще добрых пару столетий. Он оценит ее грузоподъёмность, легкость в управлении парусами и то, что людей для ее обслуживания нужно значительно меньше…

После покупки корабля возникла необходимость дать ему имя.

Почему-то при взгляде на корабль, мне в голову сразу приходила ассоциация с молоденькой девушкой, почти девчонкой. Той, что вошла в возраст экспериментов с собственным телом, когда уже хочется знать, но еще страшновато.

Не знаю почему, и даже самому себе объяснить такое было сложно.

Казалось бы, чего общего, почти боевой корабль, первоначально он и создавался именно таким и лишь потом в него внесли изменения.

'Лолита' – решил я – Назову корабль 'Лолитой'. И черт бы меня побрал, если я смогу хоть как-нибудь объяснить логику своего поступка.

Оставалось решить вопрос с носовой фигурой. Мне виделась красивая фигура расцветающей девушки, и никакие одеяния не должны были этого скрывать.

Вся сложность была в том, что этические стандарты Империи требовали, чтобы как живые женщины, так и их изображения

должны были быть полностью одеты.

А, учитывая то, обстоятельство, что длина женских подолов непременно достигала пола, все это ставило передо мной довольно трудную задачу.

Обычно, при очередной моей блажи, меня всегда выручал Гростар. Вот к нему я и направился.

Альбрехт поначалу встретил меня весьма настороженно, увидев в моих руках тот же кофр что и в прошлый визит. Надо сказать, настороженность в его глазах была в немалой степени перемешана с любопытством, а вдруг чего там?

Но нет, ничего такого там не было, лишь серия акварельных набросков моей красавицы, нет у них еще здесь фотоаппаратов.

Акварели выполнил один из моих недавних знакомых, друг моего друга, талантливого скрипача, молодого парня по имени Эрариа. Художник творил в духе сурового реализма.

Однажды, внимательно изучив этот вопрос, я с удовлетворением отметил, что до всех этих импрессионистов, сюрреализмов и прочих абстракций попросту не доживу. Казалось бы, такая мелочь, но было очень приятно.

Короче, Гростар за работу взялся, уверив меня в том, что фигура девушки будет выглядеть фигурой девушки его мечты, а в его жизни был и период увлечения резьбой по дереву. Кроме того, ему известен секрет пропитки древесины особым составом, после чего она не будет бояться ни сырости, ни соли, ни чего-либо другого. В течение нашего разговора я продолжал замечать его взгляды, те, что он время от времени бросал на кофр, видимо, все же надеясь на очередной сюрприз.

Нет, уважаемый Альбрехт. На этот раз не будет ничего. Нельзя постоянно держать на пике интереса, такое может наскучить, необходимо давать время отдохнуть. Главное во всем этом, не делать чрезмерного перерыва, иначе интерес угаснет совсем. И, если уж быть совсем честным, не идет мне в голову ничего, быть может, потом что-нибудь придумаю.

Когда я уже выходил из его кабинета, Гростар остановил меня словами:

– Господин де Койн, а какая у девушки должна быть грудь?

Я непроизвольно развел руки с разжатыми пальцами, посмотрел на одну кисть, затем на другую…

Как бы тебе объяснить, нет здесь ещё размеров для женской груди, ни третьего, ни пятого, ни нулевого. Затем обратил внимание на Альбрехта, сидевшего с совершенно серьезным лицом, но глаза у него определенно смеялись, чертыхнулся про себя и закрыл дверь.

– Вот же умище! – думал я уже дома, глядя на себя в зеркало

– Надо же так ловко придумать!

Как оказалось, Лолита в местном пантеоне древних богов являлась богиней ветров.

И пусть, согласно легендам, она и сама являлась весьма ветреной особой, такое простительно не только богиням. Дело вовсе не в этом. Что самое важное и необходимое для парусника? Конечно же, ветер!

Фигура девушки, выполненная Гростаром, мне очень понравилась. Красивая такая фигура, с озорным выражением лица и растрепанными из-за сильного ветра волосами. Еще ветер так сильно прижимал к ее телу платье, что не сразу можно было понять, одета ли она вообще. И краски он очень удачно подобрал, для платья и всех остальных частей тела. Кроме того, вставил на место глаз удивительно сработанные камни яркого изумрудного цвета.

Понравилась настолько, что я даже подумывал, не заказать ли еще одну такую же. Так и не придумав, куда ее поставить, я решительно отказался от своего намерения.

Вот только фигура носовой фигуры удивительно напоминала фигуру моей любимой. 'К чему бы это?' – думал я тогда, вспоминая его слова.

Так вот, моя девочка ждала меня в Гостледере, и мне предстояло туда добраться.

Глава 4 Муимбус и мбака

Сборы в дорогу заняли долгие полдня. Двигаться придется пешком, строительство плота было абсолютно лишено всякого смысла. Помимо того, что на это уйдет много времени, так еще и управлять им, заставляя плыть в нужном нам направлении, занятие в достаточное степени безнадежное.

И сразу встал вопрос с обувью. Потому что идти босиком по этим джунглям крайне глупо. Обувь же была только у Проухва. Не сомневаюсь, и он лишился бы ее, вот только размер его ноги настолько велик, что среди экипажа катласа просто не нашлось желающих.

Я с тоской вспомнил о своих сапогах. Легкие, прочные, удобные, они еще и пошиты были одним из лучших сапожников столицы.

Вообще, за своей внешностью и одеждой мне приходилось следить с особой тщательностью. Нет, никаких метро и юберов, просто я постоянно ловил мужские взгляды – что же такого она в нем нашла, чего нет во мне?

С женщинами проще, если без ума от него, значит, есть за что. Конечно же, кроме тех особ, что имели подходящих по возрасту и положению родственников мужского пола. И эти особы могли как бы невзначай заметить, что с моей внешностью, в отличие от дворцовых правил, что-то не так. Заметить таким образом, что Яниана могла услышать. Такое напрягало.

Прошка все порывался стянуть с себя ботфорты и отдать их мне. Ага, сейчас!

У меня из атрибутов, необходимых для того, чтобы войти в образ Кота в сапогах, нет ни шляпы, ни усов, только шпага.

Но ботфорты его пригодились. Из кожи, пошедшей на их голенища, с помощью иглы для штопанья паруса, вышло две пары вполне приличных пинеток для меня и Мариам.

Взять ли с собой 'Уродца', я раздумывал недолго. С одной стороны, таскать с собой кусок бесполезного железа, почти в килограмм весом, особого смысла нет. Пусть даже на 'Лолите', в моей каюте, имелась пара дюжин патронов для него, так до нее еще добраться нужно.

Но если посмотреть на ситуацию с другой стороны, только лишь благодаря револьверу мы и остались живы. Так пусть при он мне и останется, в качестве амулета, талисмана или оберега нашей удачи. С этими мыслями я и засунул револьвер в вещевой мешок, пошитый расторопной Мириам из куска всё того же паруса.

Я достаточно ясно представлял себе местность, ту, где мы оказались. Идти пешком вдоль побережья, тоже не было никакого смысла. Да и вряд ли мы сможем обнаружить в ближайшее время какое-нибудь селение, расположенное на берегу. Места пустынные, и на карте, насколько помню, не было обозначено ни одного. Отметки глубин были, несколько песчаных банок, но не более того. Карты выглядели не совсем как те, мне когда-то привычные, никаких тебе проекций, ни меркаторских, ни каких либо других, но были они достаточно подробны.

Я не изучал карту этой местности специально, так, пробежался по ней взглядом, на подходе к Гостледеру, будучи еще на кринтнере, больше из любопытства, но кое-что в голове задержалось.

Необходимо взять курс на юго-запад, и, таким образом, нам удастся значительно сократить расстояние до ближайших поселений. Затем следует пересечь Манойский залив строго на запад, поскольку Гостледер расположен на самой оконечности Эдуйского полуострова, далеко выступающего в воды Плиманского моря.

В путь мы отправились сразу после обеда, который представлял собой пару сухарей на всех и остатки вчерашней ухи. Накануне Прошка наловил так много рыбы, что часть ее даже пришлось оставить на месте нашей стоянки.

Впереди шел я, вооруженный двуствольным пистолетом и шпагой, за мной следовала постоянно что-то напевающая Мириам с узелком на палочке, положенной на плечо. Замыкал нашу скромную процессию Проухв, больше всего похожий на груженого верблюда, из-за многочисленных свертков и узлов, громоздящихся на нем.

Поначалу все было хорошо, наш путь пролегал среди кокосовых пальм, росших на песчаной почве. И, хотя ноги проваливались почти по щиколотку, двигаться было легко. Затем местность пошла в гору, мы перевалили невысокий холм и вот тут-то все и началось. Джунгли, настоящие джунгли, где шагу невозможно пройти без пары добрых ударов мачете. Одуряющая духота, мириады москитов, липкий пот и чуть ли не на каждом шагу паутина, почему-то всегда висящая на уровне лица.

Но это было только начало. Затем нам долго пришлось огибать чавкающее под ногами болото, полное то ли аллигаторов, то ли кайманов, один черт, зубастых и голодных.

Когда мы, наконец, выбрались на сухое место, Мириам повредила ногу острым сучком. Кровь удалось остановить тугой повязкой но ступать на нее она не могла.

Мириам так жалобно смотрела на нас, что я даже подумал:

'Господи, девочка, да как тебе пришла в голову мысль, что мы можем тебя здесь бросить'.

За время пути я не меньше сотни раз проклял себя за принятое решение идти напрямик. Если и получиться сэкономить три, четыре дня, то какой же ценой это дастся.

Там мы и заночевали, благо местечко оказалось подходящее, разделив ночное время с Прошкой пополам и по очереди сжимая в руках заряженный полуторной дозой пороха пистолет.

Всю ночь в темноте что-то ухало, визжало и рычало, заставляя оглядываться по сторонам и бросать в костер очередную охапку хвороста. К утру дрова начали катастрофически заканчиваться, и только внезапно показавшееся светило спасло от решения собирать их в обступившей нас полной темноте.

Следующим днем напоминали верблюдов мы оба, я просто загруженного, а Проухв еще и ездового, поскольку ему пришлось посадить Мириам на плечи.

Правда с местностью нам повезло, джунгли уступили место саванне, с высокой травой и одиноко стоявшими деревьями, очень похожими на баобабы.

Мириам быстро освоилась – применяя научный термин – с изменившейся высотой глаза наблюдателя и даже пыталась корректировать движение Проухва, крутя его голову или указывая курс рукой.

Прошка же шел весь красный, с неестественно вытянутой шеей и высоко задранным подбородком, желая не встретиться взглядом с голыми смуглыми коленками Мириам, показавшимися из-под сбившейся юбчонки.

'Привыкай Прошка – философствовал я – это бремя всех женатых мужчин. Мне и самому в скором времени придется такое испытать и почувствовать'.

Затем Мириам принялась о чем-то его уговаривать, шепча на ухо и даже целуя в макушку.

Когда по окрестностям пронеслось могучее Прошкино 'иго-го' спугнувшее птиц с ближайших деревьев и заставившее затрещать кусты справа по курсу, я ничком упал в высокую траву и долго не мог заставить себя подняться. Когда я, наконец, сумел встать на ноги и посмотреть на Проухва и на сидевшую с довольным видом у него на шее Мириам, то рухнул снова.

Когда умудрился подняться снова, мне сразу стало не до смеха, потому что обнаружил крайне неприятную картину – нас окружали люди.

Смуглые тела этих людей были покрыты сложными цветными узорами из красно-бело-зеленых полос, а кучерявые волосы

окрашены в желтый цвет. В руках они держали длинные копья а глаза их не выражали ничего хорошего. Моя рука медленно потянулась к рукоятке пистолета.

Не такие они уж и дикари, эти люди: наконечники копий выполнены из металла, одеты не в травяные юбки, в носовой перегородке не торчат украшения из кости. И самое главное, на мой жест они отреагировали сразу, пригрозив копьем – мол, это лишнее движение, охолони.

С Прошкиных плеч сползла Мириам, сразу опустившись на землю, следом, едва ее не накрыв, упала его поклажа. Сам же он встал ко мне спиной, так что Мириам оказалась между нами. Прошка повел плечами, как бы разминая их, перехватывая багор в обе руки. Он так и не бросил его за время пути, вооружившись им сразу же после того, как мы причалили к берегу, лишь выстрогал новый черенок, прежний показался ему коротким и тонким. С новым, длиной в его рост с вытянутой вверх рукой и толщиной с запястье крупного мужчины, багор смотрелся очень внушительно, хотя и в таком виде ему было далеко до балота, любимого оружия Проухва, представляющего собой гибрид японской нагинаты и древнерусской совни.

Вот и стояли, глядя друг на друга, мы и повстречавшиеся нам так внезапно люди.

Затем один из них, широкоплечий крепыш, из тех, что поперек себя шире, предложил обмен. Он помахал в воздухе бутылкой, сделанной из грушевидной тыквы, в которой что-то забулькало, и указал ею на девушку, махнем не глядя?

Я отрицательно поводил головой, надеясь, что этот жест им понятен, и в свою очередь ткнул пальцем в немалую кучку чьего-то довольно свежего помета, удачно расположенного неподалеку – разве что на это.

Глаза крепыша мгновенно налились бешенством, и сразу же он белозубо рассмеялся: неужели не страшно?

Да как тебе сказать? Не то чтобы страшно, попросту неприятно, что это случится так глупо, пронеслось в голове.

Затем все окружающие нас люди как по команде опустили копья. В голове снова пронеслось – вдруг это уловка, чтобы мы расслабились, и они смогли избежать лишних жертв. Но нет, незнакомцы рассыпались на несколько групп, одна из которых извлекала из ближайших кустов тушу животного, больше всего похожую на крупную газель.

– Так это же на их телах камуфляж! – догадался я. – Вполне разумное решение при здешнем климате, наносить его сразу на кожу. И расцветка удачная, вон как они сливаются с растительностью, только на открытой местности их и разглядеть.

Дальше мы пару часов следовали вместе с ними. Причем не под конвоем, а как бы в составе группы. Солнце уже пряталось за верхушки самых высоких деревьев, когда мы, наконец, пришли.

Деревенька туземцев, имела всего пару десятков хижин, крытых связками тростника. Сами хижины стояли на сваях, хотя до ближайшего источника воды было далековато. Сваи были невысоки, и, чтобы забраться в хижину, достаточно преодолеть всего лишь несколько ступеней.

'Наверное, такое предназначено для сезона дождей, которых здесь два и каждый продолжается не меньше месяца. Да и снизу поддувает, вон, пол какой щелястый, что в здешнем климате тоже немаловажно' – исследовал я предоставленное нам жилище.

Спартанская обстановка хижины нисколько не напрягала. Сплошной ряд лежанок вдоль трех из ее стен и небольшой стол под проемом в стене, должно быть изображающим окно. Вот с ним совсем уж непонятно, для чего он тут нужен, ведь ни очага, ни даже посуды не было. Да и в окошке особой надобности нет, удобней посмотреть сквозь щели в стенах, между трубками бамбука, пошедшими на их изготовление.

Ладно, будем считать это гостиничным номером где-нибудь в глубинке, там тоже, как правило, ничего подобного не наблюдается. И класс примерно соответствует.

Просидели мы там недолго, я лишь успел поменять повязку на ноге Мариам, а она, в свою очередь, осмотрела Прошкины раны, как мне показалось, немного по-хозяйски, потому что крутиться его заставляла довольно бесцеремонно.

Затем прибежал мальчишка и знаками куда-то нас пригласил.

Как оказалось, на ужин. Мне даже в голову не пришло оставить оружие в хижине, с чего бы это. Я засунул за пояс пистолет, взял в руку шпагу в бамбуковых ножнах, сооруженных еще в самом начале путешествия. Прошка вооружился мачете, выглядевшим в его руках кухонным ножом, поставив свой багор возле входа в хижину, поскольку внутри ему места не нашлось. Затем уже привычно подхватил на руки Мириам, и мы пошли.

Ужин удался на славу. Крепыш, которого звали Муимбус, оказался вождем этих людей, был на редкость веселым малым. Что даже удивительно, ведь обычно начальники всегда носят на себе кисло-строгое выражение лица. Наверное, такое приходит вместе с цивилизацией, решил я.

Он усадил нас недалеко от себя и постоянно предлагал нашему вниманию какие-то блюда, расположенные на застеленных вместо стола огромных листьях с толстыми мясистыми черенками. Особое внимание Муимбус уделял почему-то Мириам, отчего Прошка имел довольно таки мрачный

вид. Мириам принимал знаки внимания благожелательно, но у нее была своя задача.

Дело в том, что местные женщины проявляли к нам свой искренний интерес.

С этим-то все понятно. Женщина – продолжательница рода человеческого, и ее интерес к иностранцам сугубо утилитарный, осознает она этого или нет, заложенный на уровне генов, с целью иметь здоровое потомство.

Мириам то и дело просила Прошку что-нибудь ей передать, либо же сама подкладывала ему, то, что считала необходимым. Один раз даже нежно погладила его по щеке, отчего тот принял совершенно идиотский вид. Я еще тогда подумал, неужели и у меня такой же, когда Яна гладит мое лицо. Еще она запретила ему пить что-то мутно-белое, но довольно приятное на вкус и слегка дурманящее голову.

Словом, всячески показывала окружающим, что это ее собственность, и она никому Проухва не уступит.

Наши новые друзья пили мбаку, так назывался этот напиток, сколько душа пожелает и дело закончилось танцами при свете огромного костра. В этом мы участие не принимали, но поглазеть было приятно. Особенно на танцующих женщин, поскольку одежды на них был приятный минимум.

И Мириам увела Прошку в нашу хижину. Вернее, уехала на нем.

Во время одного из таких танцев Муибус подвел ко мне танцовщицу, молодую девушку, держа руку у нее на затылке, и подтолкнул ее ко мне. Красивая фигура и огромные глаза были хорошо заметны даже в отблесках далекого костра.

Я приложил раскрытую ладонь к сердцу, затем к голове и извиняюще развел руки, желая показать, что голова моя занята той, которую любит мое сердце.

Муибус хмыкнул, повел плечами и шлепком пониже поясницы отправил девушку обратно в круг танцующих.

Надо сказать, девушка не имела разочарованный вид, что меня даже немного расстроило. Затем мне пришла в голову другая мысль.

Все дело, наверное, в том, что нельзя же вот так, просто подчиняясь приказу старшего. Должно же быть немного романтики, гуляния под луной, красивого ожерелья из сверкающих ракушек, в конце концов. Она же свободная девушка свободного народа.

Успокоив себя такими мыслями, я тоже отправился спать.

Войдя в хижину, я первым долгом строго посмотрел на Мириам с Прошкой. Никакого блудства за своей спиной не

допущу, я и сам не такой. Но как будто бы нет, Мириам спала, тихая, как мышка. Прошка, устроившись на животе на противоположной от нее лежанке, посапывал, даже не проснувшись при моем прибытии.

Засыпая, я думал о том, что неплохо бы получить проводника до ближайшего поселения. Вот только как озвучить свои пожелания без знания их языка, и чем заплатить?

Глава 5 Тунлоский язык

Среди ночи я проснулся от какого-то шума, доносившегося сквозь тонкие стенки хижины.

Прошка был уже на ногах и стоял, согнувшись в проеме двери, прочно их закупорив. Снаружи раздался рев, оборвавший звучавший на очень высокой ноте визг. Затем шума резко прибавилось. Тревожные голоса мужчин, опять чей-то рык, снова женский визг, к которым добавились испуганные крики детей. Я выскочил на улицу, уже привычно держа пистолет в левой руке, потому что правая была занята тесаком. Почему-то сейчас он показался мне надежнее шпаги. Слева расположился Проухв, белея еще не успевшим потемнеть древком от багра. Темно, черт побери, небо хмурилось еще с вечера и сейчас можно было разгадать только смутные тени.

На слух не понять ничего, но на нападение не похоже. А похоже это… больше всего это было похоже на то, как будто в деревню ворвался крупный хищник и сейчас метался по ней, вызывая панику среди женщин и яростный рев у мужчин. Глаза немного привыкли к темноте, и предметы приобрели более отчетливые очертания.

– За мной – коротко бросил я Прошке и сам бросился туда, где раздавался весь этот шум. Встретились мы на полпути. Что-то огромное прыгнуло на меня, когда я пробегал миом двух стоявших почти вплотную друг к другу хижин. И мне оставалось только вытянуть обе руки в ту сторону, с ужасом понимая, что выстрелить не успеваю. Спас меня Прошка, подставив острие своего багра навстречу зверю, уводя его в сторону. Зверь приземлился на бок и тут же рывком встал на лапы, разворачиваясь. И Прошка крюком багра, дернув за его ручку, снова повалил его на бок, давая мне то мгновение, что необходимо для выстрела. Я попал, потому что хищник дернулся, заваливаясь на другой бок. Ранение оказалось не смертельным, и следующий мой выстрел поймал его уже в полете. Наверное, все сложилось бы чуть удачнее, будь в стволах обычный заряд пороха. Но выстрел с полуторным зарядом дал такую отдачу, что наведение пистолета после первого выстрела на цель, заняло чуть дольше времени, чем было необходимо. Второй мой выстрел тоже не прошел мимо и все же распластавшегося в прыжке хищника остановить не смог. Но на его пути встал Проухв держа багор поперек вытянутыми руками. Я ударил тесаком упавшего на землю зверя, целясь в голову, затем Прошка воткнул в него острие багра. Подскочивший Муимбус вонзил в тело все еще

дергающегося зверя длинный и широкий наконечник своего копья, провернул его, затем выдернул и с хекающим криком ударил еще два раза. Все. Тело было неподвижно.

И тут Муимбус начал ожесточенно пинать мертвого зверя, яростно что-то крича срывающимся голосом.

Затем он уселся на землю и его поникшие плечи часто вздрагивали.

Из темноты осторожно приблизилось несколько человек, один из них потрогал мертвую тушу копьем и они поволокли ее на расположенную посреди деревню площадку, туда, где еще вечером горел огромный костер, и было так весело.

Утром мы рассматривали мертвого зверя. Он был огромен, и даже мертвый внушал страх.

Женщины, собравшиеся на площади, боялись подходить к монстру, и рассматривали зверя издали, обсуждая ночные события.

Даже некоторые из мужчин опасались приблизиться к нему ближе определенного расстояния, которое сами же и определили.

Несуразно огромная голова с огромными желтыми клыками и короткой черной щеткой на загривке, куцый голый хвост, заканчивающийся кисточкой. Тело с непомерно широкой грудью, покрытое бурой шерстью с рыжими пятнами подпалин… Я не видел такого зверя раньше, и в моем мире их не было точно. Разве что когда-то давным-давно они вымерли.

В деревне погибло пять человек, еще несколько получили серьезные раны. И среди погибших была мать Муимбуса.

Что нужно было этому монстру в деревне, ведь он пришел не охотиться? Или у него волчья повадка, ведь те, когда начинают резать беззащитное овечье стадо, становятся такими пьяными от крови, что все не могут остановиться.

Я оглядел тушу. Вот следы от ударов копья Муимбуса, вот от Прошкиного багра.

Вот отметина от моего первого выстрела, пуля пробила левую переднюю лапу.

От второго выстрела осталась кровавая полоса на лбу, видимо пуля срикошетила от лобной кости. Да уж, Проухв, я опять должен тебе жизнью.

Сам Прошка отделался глубокой царапиной через всю грудь, оставленной когтем зверя и этой раной перед Мириам он мог гордиться.

Когда Мириам обрабатывала ему рану, она посадила его на лавку, но даже в таком положении возвышалась над ним едва на голову. Она хлопотала вокруг него, приговаривая – букашечка мой – а Прошка откровенно млел. И вид у него был такой, что он

готов один выйти на этого зверя, лишь бы все это повторилось. Затем их идиллия закончилась, потому что Мириам потребовала у него снять штаны, чтобы осмотреть раны и там. Тут я тактично вышел.

Объясниться с Муимбусом мне удалось достаточно легко с помощью жестов и рисунков на земле. Он не выглядел уже таким весельчаком, как еще вчера, но на его лице не было и тени смущения, от того, что люди видели, как он рыдал, горюя о своей погибшей матери.

А я сидел и думал, что зря мы вбили все в голову то, что умнее этих людей, дикарей по нашему мнению. И пусть сидящий передо мной человек понятия не имеет, что земля имеет форму шара, что существуют такие науки как генетика или астрофизика, и еще о массе других вещей… Разве от того, что это знаю я, я пользуюсь большим объемом мозга, чем он? Нет.

Но зато все его знания сопряжены с навыками и умениями, в отличие от того же меня, чья голова забита массой ненужной и никогда не могущей пригодиться мне информацией. Так кто же из нас более ущербен?

И что, от всего этого он не умеет любить, страдать или определить, что вот этот человек трус, вот тот негодяй, а вот тому можно доверить свою спину? Не может восхищаться красотой женщины, любоваться пламенеющим закатом, взять в руки своего только что родившегося ребенка глядя на него ласковой улыбкой, ощущая, как замирает сердце, и чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы?

Муимбус дал нам людей в сопровождение, и отправились мы на двух лодках, утлых суденышках с каркасом из жердей, обтянутых чьей-то толстой кожей и называемых бароси.

Прошка, когда уселся в одну из них, боялся даже пошевелиться, потому что от края борта до воды было не более ширины ладони. Но мы в полной мере оценили их малый вес, когда пришлось нести бароси на волоках, коих оказалось не меньше полудюжины.

К вечеру четвёртого дня пути, оставив лодки на берегу озера, которое пересекали чуть ли не весь световой день, мы поднялись вслед за нашими проводниками на высокий холм.

Перед нашими взорами предстала бухта со стоявшей посреди входа в нее одинокой скалой. На берегу бухты расположилось селение, я бы сказал, весьма немаленькое, больше похожее на городок. На одном из мысов, перед ходом в бухту, даже присутствовал форт.

Что особенно порадовало, возле причала и на водной глади залива имелось несколько кораблей, некоторые из которых были

даже двухмачтовые.

– Нгбочи аика – указывая рукой на селение, произнес один из проводников, тот, что имел боку так похожий на мачете тесак. Да, мы отдали многие из имеющихся у нас вещей, даже Прошкин багор. Отдали не то чтобы в уплату, скорее в благодарность. Взамен багра Проухв получил во временное пользование копье, на которое сейчас и опирался.

Помню, я даже хохотнул, представив следующую картину:

– Я граф Артуа де Койн – обращусь я к владельцу парусника, на котором буду рассчитывать добраться до Гостледера. – Да, да, то самый де Койн, жених Ее Императорского Величества Янианны I, горячо ею любимый. И только нелепое стечение обстоятельств вынуждает меня расстаться со многими дорогими моему сердцу вещами, которые я хочу предложить вам в уплату за проезд.

Такими как котел, мешки, сшитые из парусины, иглы для штопки паруса… Прошкиным багром и даже пинетками, сшитыми из голенищ его ботфорт…

– Нгбочи… чего? – недоумевающе спросил я.

– Большая деревня, Ваша светлость – сказала Мириам.

Теперь я недоумевающе посмотрел на нее. Ты что, знала их язык и молчала? Ты у Проухва таким вещам научилась?

Мириам смутилась под моим взглядом.

-Там, откуда я родом, тунлоси много. Тунлоси – это они сами себя так называют.

Теперь понятно. Видимо и в тебе есть толика крови тунлоси, вон ты какая смуглая. Даже в тех частях тела, что скрыты под одеждой. Только почему же ты молчала, девочка?

– Я бы сказала, если бы они задумали что-нибудь плохое и я услышала – сказала она в ответ на мои мысли.

– А о чем они вообще говорили?

Тут Мириам окончательно смутилась и даже слегка покраснела.

Так, можешь ничего не говорить девушка, и так все понятно. То-то ты частенько выглядела смущенной и в деревне тунлоси и по дороге сюда.

О чем ей было говорить-то? О том, что мужчины обсуждали достоинства ее фигурки или вовсе предавались эротическим фантазиям, глядя на нее? И как пожалуешься?

– Ваша светлость, они…

И Прошке бы такое услышать много удовольствия бы не составило. Да и выдать им свое знание языка было бы не совсем умно.

Помню, когда я впервые попал за границу и шел по улице чужого города в компании таких же молодых парней из нашего

экипажа, как и сам, мы в полный голос обсуждали идущих нам на навстречу девушек. И…

Так, Артуа, не время сейчас предаваться воспоминаниям. Вот состаришься, времени свободного много будет, тогда и займешься мемуарами. Сейчас нам еще часика три пешочком идти до порта, а светило уже к закату.

Мы сердечно попрощались с нашими проводниками, а Мириам на прощание что-то им сказала на родном тунлоси языке, весьма смутив этим уже их.

Я смотрел в след этим людям и думал. Нет, они не чураются остального мира, имея контакты с ним. Среди их вещей много металлических изделий, ткани. Вот только берут они самое необходимое, то, чего не могут сделать сами. Все остальное дает им природа. И они, наверное, счастливы.

В городок мы входили уже почти в полной темноте. Оно и к лучшему, вид у нас еще тот.

Таверну нашли сразу же, типичное для них строение, о два этажа. На первом этаже зал, где можно откушать и отведать, а на втором комнаты для господ постояльцев. Сейчас мы в нее и направимся, вот только необходимо подбить бабки. В смысле, прикинуть, сколько у нас денег и на что мы можем рассчитывать.

А вот подбивать особенно то и нечего. У Прошки денег нет совсем, и об этом позаботились еще на борту катласа.

У меня же есть единственная золотая монета. Она девятиугольная, с квадратным отверстием посередине. Такими пользуются в герцогстве Эйсен-Гермсайдр, том самом, где меня сделали дворянином. Это было несколько лет назад, и с тех пор монета у меня и осталась. Я берег ее, быть может, как раз для такого вот случая.

Она хранилась в потайном кармашке моего пояса, том, что я схватил со стола капитана 'Любимца судьбы', помимо пистолета и шпаги. Там еще лежал мой перстень, подарок Янианны и немалая кучка благородного металла монет, тоже моих, из которых серебряных была самая малость. Вот только времени забрать все это не было.

Надеюсь, что монеты хватит на самые неотложные нужды, а уж потом как-нибудь разберемся.

– Ваша светлость – окликнула меня Мириам.

– Что это? – спросил я, глядя на маленький узелок, лежавший на ее ладошке.

Мириам зубами распустила узел и протянула несколько тускло блеснувших серебром монеток.

Проухв, даже не думай ревновать, за то, что я обнял эту девушку и поцеловал ее в щеку.

Чем я еще могу отблагодарить ее? Разве что поцеловать ей руку.

И не надо смущаться, Мириам, потому что скоро это будут делать часто и подолгу. Потому что быть Прошке дворянином, и тебе придется бывать в императорском дворце даже чаще, чем ты сама будешь этого желать. И Янианне ты обязательно понравишься, и она совсем не будет меня к тебе ревновать, потому что она умная девочка, и все поймет, особенно после того, как я ей все расскажу.

И все это потому, что ты не знаешь, кто мы, и просто доверилась нам таким, какими видишь сейчас.

В таверне, в названии которой я понял только второе слово – 'раковина' – комната для нас нашлась. Просторная чистая комната с множеством удобной мебели и мягкими кроватями.

Мы поужинали прямо в ней, блюдами, от которых уже успели отвыкнуть.

Утром Проухв сходил на ближайший базарчик, где купил сапоги мне, обувь Мириам, кое-что из одежды и шляпы для нас обоих.

На этом золотой мой закончился, а серебряные монетки Мириам я стану тратить только под страхом голодной смерти.

Строго настрого приказав Мириам запереть двери изнутри и никуда не выходить, мы с Проухвом отправились в порт.

И удача, как солнышко, улыбнулась мне с самого утра. Капитан и владелец первого же торгового судна, чьи бока очень напоминали бочонок, что для всех торговых судов присуще, пошел мне навстречу. Мы с ним поговорили, нашли в Империи много общих знакомых, в том числе и Крилла Броунера, продавшего мне 'Лолиту' и даже Герента Райкорда, управляющего всеми моими делами. Я достаточно честно рассказал ему о своих злоключениях, поручился в том, что в Гостледере покрою все его издержки, и дело было решено. Повезло еще и в том, что отправляться купец думал сразу же после полудни, после того как последние из его экипажа, загулявшие на берегу, прибудут на борт.

Вот только представляясь ему, я ляпнул имя, что первым пришло в голову – граф д'Артаньян.

Ляпнул осознанно, потому что купец, часто бывая в Империи, знал о реалиях ее жизни, а де Койн – имя достаточно известное, и он не мог о ней не слышать. Купцы вообще народ во всех отношениях смекалистый, недаром же, до того, как их сменили дипломаты, все они поголовно были шпионами. От него же от этого не убудет, в Гостледере я с ним расплачусь, еще и накину сверх оговоренного. А зачем мне это нужно, чтобы он

рассказывал, что видел меня непонятно где, да еще и черт те в каком виде.

Настроение было прекрасное, и всю обратную дорогу я подшучивал над Прошкой тем, что теперь ему придется изображать из себя графа, поскольку капитан категорически отказывался брать их менее двух. Проухв при нашем разговоре не присутствовал и поэтому пыхтел, поверив.

В таверне я постучал в дверь нашей комнаты оговоренным стуком и застыл, ожидая услышать звук щеколды. Подождав немного, толкнул дверь. Дверь свободно открылась.

Комната оказалась пуста.

Глава 6 Два капитана

Мы прождали Мириам полчаса, час, время пока позволяло. Мириам не было. Не могла она сбежать, тут что-то не так. Да и куда ей было пойти здесь, в городишке под названием Агуайло, месте, где она была в первый раз.

На Прошку было больно смотреть. Погоди Проухв, еще не все потеряно. Мириам не сбежала, это точно. Ведь перед тем как уйти, она тщательно заправила постели и убрала со стола. Вчера, после ужина, у нас не оставалось сил на это, и мы просто рухнули на кровати.

И даже обувь, ту, что соорудили из голенищ его сапог, она поставила возле выхода, аккуратно подравняв носки, хотя самое место им было на помойке.

Ну не может она так поступить, после того как отдала те единственные несколько монеток, что у нее были. Не может, Проухв.

Все, ждать дальше смысла нет.

Спускаясь по лестнице со второго этажа, я остановился на ее половине и обратился ко всем присутствующим в зале:

– Господа, с нами была девушка. Может быть, кто-нибудь видел, куда она пошла? – после чего многозначительно побренчал зажатыми в кулаке монетками, монетками Мириам, единственными, что у нас были.

Наверное, выражение наших глаз ясно всем давало понять, что шутить сейчас не самое подходящее время. Особенно в том смысле, что девушка нашла себе более подходящих кавалеров.

И верно, никаких шуточек мы не услышали. А публика собралась здесь еще та.

Да и чего можно ожидать от посетителей таверны, где собираются моряки, вполне возможно только вчера сошедшие с борта пиратского корабля, и по доброй половине из которых уже давно и с тоской плачет пеньковая тетушка.

Пошли Прошка, быть может, в городе удастся что-то узнать. Вот только куда идти-то?

Да и время уже почти полдень.

Мы прошли за угол таверны, поднялись по нескольким каменным ступеням и оказались на центральной улице Агуайло. Многие приморские городки поднимаются от моря уступами, этот тоже не был исключениям.

Если пройти по улице, то упрешься в здание ратуши, с расположенной перед ней небольшой площадью. Только нам ненужно так далеко, скоро будет рынок, там, где утром Прошка

покупал сапоги и все остальное. Обычно женщин к таким местам как магнитом тянет, может быть и с Мириам это произошло. Больше ничего в голову не идет. В конце концов, не бегать же по улицам с озабоченным выражением лица, спрашивая у всех прохожих – 'Вы не видели девушку? Сейчас я вам расскажу, как она выглядит'.

Да и мало кто поймет, местный язык отличается от того, каким пользуются в Империи.

– Господин! – услышал я сзади – подождите, господин.

Обернувшись, увидел одного из посетителей таверны. По-моему, это он был перед стойкой, с надеждой заглядывая в лицо человеку, стоявшему за ней, вероятно хозяину заведения.

Догнавший нас тип ничего кроме чувства брезгливости не вызывал. Да, я и сам не выгляжу лучшим образом и одет не в самый лучший свой наряд, но хотя бы рожу с утра можно было сполоснуть?

Я кивнул подбородком, повествуй.

– Вы спрашивали о той девушке, что была с вами вчера?

Нет, ту девушку я давно выгнал, за ночь успел поменять еще семерых, и вот последняя меня как раз и интересует.

Догнавший нас человек с надеждой посмотрел на мою руку, ту, в которой я давеча бренчал монетами. Получишь ты свои деньги, обязательно получишь, вот только не пытайся нас развести. Так что сначала профилактика. Я взглянул на Прошку и тот понял мгновенно. Проухв согнулся чуть ли не в треть своего роста и заглянул ему в глаза.

Вообще-то он человек очень добродушный, но, когда это необходимо, может посмотреть так, что человек неподготовленный сразу и не сообразит, что у него случилось вначале, а что потом – дизурия или диарея.

Этот видимо, жизни хлебнуть успел, и поэтому лишь немного заикаться начал.

Прошка встал в шаге позади него, так, на всякий случай. Таким образом мы могли контролировать пространство за спиной друг у друга, на тот самый всякий случай.

– Её Д-джоуг в кости в-выиграл – выпалил тот.

Сначала я не понял смысл его слов, даже головой помотал. Кто кого в кости выиграл, нашу Мириам кто-то выиграл в кости?!

– Б-бертоуз ему все деньги проиграл и тут к-как раз вы в таверну в-вошли. Он и с-сказал ему, что с-ставит на ту к-красотку, что с этими оборванцами пришла. С в-вами, т-то есть – рассказчик опасливо втянул голову в плечи, оглядываясь на нависшего над ним Прошку.

Вот это да. Наверное, я был готов ко всему угодно, но только

не к такому повороту событий.

– Как он в комнату попал? – спросил я первое, что пришло в голову.

– К-как это как? – похоже, что он даже удивился – Н-ножом з-задвижку отодвинул…

– А почему сразу не сказал, еще в таверне?

– Т-так Джоугу могут передать, м-мало ли – протянул он.

На, держи, сунул я ему в руку одну монетку, хватит с тебя. И не потому, что я такой скупой, нет. Будь у меня золото, ты бы уже прыгал от радости. Просто это одна из четырех монет Мириам, потертых до такой степени, что они потеряли всякий вид. Она отдала все, что у нее было и не взять было нельзя, потому что она так смотрела при этом… И я не собирался их тратить, потому что…

'Все, хватит об этом, иначе сейчас слезу смахнешь' – оборвал я себя.

Мы шли в порт скорым шагом. Бертоуз и Джоуг – это не имена, это клички. В их мире клички имеют все. Человек, что к нам подошел тоже её имел. Черуст, что значит шустрый, он сам ее вслед нам озвучил, попросив обращаться, если что. Теперь, благодаря Прошке, ты Тригом, станешь, заикой, усмехнулся я.

Бертоуз с Джоугом, не шпана какая-нибудь, они владельцы судов. Они берут фрахты, не чураются контрабанды, да и каперством, когда появляется такая возможность, не брезгуют. И команда у них подобрана соответствующая. Это нам Черуст в качестве бонуса поведал.

А нас всего двое и что-то мне это обстоятельство особого оптимизма не внушает.

– Господин д'Артаньян! – окликнули меня с палубы корабля, мимо которого мы проходили.

Так, это же хозяин судна, на котором мы должны были отправиться в Гостледер. Совсем из головы вылетело.

– У нас все готово к отходу, только вас и ждем.

Прошка замедлил шаг. Ты, верзила тугоумная, ты что, мог обо мне подумать, что я вот так, брошу все и отправлюсь в Гостледер? Ты что, не понимаешь, что мне даже не наплевали в душу, мне в нее навалили? Нет Прошка, все не так просто. Знаешь, умные люди говорят, что если сам себя не уважаешь, то кто же тебя уважать будет? А как мне себя после всего этого хоть чуть-чуть уважать заставить? Да и разве во мне дело? Может быть сейчас, в этот самый момент…

Мы найдем ее, обязательно найдем. Вот только не вздумай даже спрашивать у Мириам, что с ней случилось, после того как ее украли. Потому что мы сами виноваты в этом, ты и я. Два

здоровых мужика не смогли одну девушку уберечь.

– Господин капитан. Обстоятельства сложились таким образом, что я вынужден задержаться здесь еще на неопределенное время. Прощайте и попутного вам ветра.

Отсалютовав шляпой, я пошел дальше.

Не до тебя мне сейчас, честное слово. Вот он, 'Укротитель бурь' Бертоуза. Только не слишком ли громкое название для такой посудины? Ее впору 'Битой калошей' назвать или 'Гнилой лоханкой'. И капитан этого плавучего куска дерьма проиграл в кости нашу Мириам!?

Поднявшись по трапу на борт, мы остановились, оглядывая судно. Это дерьмо еще и пованивало смесью протухшего рыбьего жира, какими-то гнилыми тряпками и еще чем-то непонятным. Несколько человек возилось у противоположного борта, что-то чиня, плохо видимые из-за прикрытых тентом тюков, сваленных кучей между мачтами корабля. Плавучего куска дерьма, я хотел сказать.

Так, Артуа, корабль не причём, это люди довели его до такого состояния.

На нас обратили внимание сразу же. Подошел человек, не принимавший участия в починке, а просто наблюдавший за работой и уставился мне в глаза.

– Позови Бертоуза – меня хватило только на два эти слова. Мне не нужен Бертоуз, мне нужен Джоуг. Вот только не нашли мы его 'Ажганда гёс', не знаю, как переводится это название, и, единственное что приходило в голову, так это – 'Ещё один плавучий кусок дерьма'.

– Господин Бертоуз отдыхает и велел его не беспокоить – заявил подошедший к нам человек, выделив интонацией слово 'господин'.

– Так передай своему господину, что я велел ему поднять свою задницу и тащить ее сюда – меня рвало на части изнутри, и я ничего не мог с собой поделать. Потому что возможно именно в этот момент…

Глаза моего собеседника расширились, ноздри гневно затрепетали, и я нетерпеливо дернул головой. Мелькнула Прошкина рука, человек по воздуху пролетел несколько шагов, врезавшись в кучу тюков и сполз на палубу. Он застыл неподвижно, только левая нога его едва заметно дергалась.

Раздался свист, и мы оказались в компании матросов корабля. Восемь человек, они встали полукругом, имея в руках кто что, и негромко переговаривались, решая, сразу выкинуть нас за борт, или все же подождать приказа. Наверное, мы не производили на них никакого впечатления. Два человека в

потрёпанной одежде, один из которых не был даже вооружен.

– Ты – мой палец наугад ткнул в одного из них – позови капитана.

Тот сначала дернулся, затем, посмотрев на остальных, снова застыл в самой независимой позе.

– Что здесь происходит? – раздался голос подходившего к нам человека.

Судя по реакции остальных, это и был Бертоуз.

– Мне нужен Джоуг. Где я могу его найти? – заявил я вместо приветствия.

Бертоуз посмотрел на меня, по всей вероятности что-то прикидывая в уме. Ты должен был запомнить, что Мириам была вместе с нами, должен. Глупцом ты не выглядишь, и, перед тем как поставить Мириам на кон, ты прикинул все возможные последствия. А для этого ты сначала внимательно нас рассмотрел. Вряд ли ты был настолько пьян, что просто ткнул пальцем, а затем тебе пришлось отвечать за свой базар.

Вот только взгляд, брошенный тобой на берег, за наши спины, напрасный. Нет там никого, вдвоем мы. Ни моих людей, ни солдат, которые могли бы быть там, если бы я обратился к городским властям. Но только чтобы это дало, мое обращение?

Да, мне пришлось бы представиться, объяснить ситуацию, пригрозить, в конце концов. Империя – держава могущественная. И что дальше?

В таких небольших городках обычно круговая порука. Каждый чей-то сват, брат, деверь иди свояк. А Бертоуз и Джоуг местные, это я узнал от Черуста. И мне бы сочувствовали, сокрушенно кивали головой, ну надо же так случиться. А в глубине души даже злорадствовали или смеялись.

Ну надо же, девочка пропала. Может быть, она сама сбежала. А что, вполне такое может быть, кто его знает, что у них в голове, у этих малолетних шлюх. И не станет же Империя затевать войны с Монтарно из-за какой-то рабыни, пусть и бывшей. Да и далеко она, Империя. А Бертоуз и Джог, вот они, соседи и родственники. И третьего дня мы так славно с ними посидели, одного вина было выпито…

Пришли бы мы вместе с кем-нибудь из них. И сделал бы Бертоуз изумленное лицо, знать не знаю, и ведать не ведаю никаких девиц. Затем встретились бы они снова, и вот тут бы было самое интересное. Помнишь того дворянчика, спросили бы у него? Конечно помню, я у него девчонку еще упер, как нельзя вовремя она подвернулась. Ну так слушай самое интересное! Он, оказывается, жених самой императрицы Янианны! Да ты что!? Ха-ха-ха!

Я даже зубами скрипнул, представив всю эту картину.

А ты правильно делаешь, Бертоуз, что в глаза смотришь. Ведь, чтобы оценить человека, именно туда нужно смотреть, а не на его одежду или пальцы, считая количество перстней.

– Вы оскорбили моего человека – услышал я вместо ответа на вопрос.

Вот значит как, а ведь тебе никто не мог об этом сообщить. Получается, что ты сам это видел и появился здесь тогда, когда посчитал нужным. И заспанным ты не выглядишь. Ну-ну.

Кстати оскорбленный Прошкой человек пришел в себя. Он открыл глаза, еще подернутые мутной пеленой, и посмотрел по сторонам, где я? Здесь ты, здесь, еще на этом свете. И Прошке в ноги поклонись, за то, что он на редкость добродушный парень.

– И что теперь? –

– Это мой корабль, и вы стоите на его палубе – тон у Бертоуза был на редкость спокойный.

– Да, и причем ждем ответа на свой вопрос.

– Нанеся оскорбление моему человеку, вы нанесли оскорбление мне.

Вот даже как? Так ты попроси, я и напрямую это сделаю, без посредников.

Бертоуз продолжил.

– Конечно же, я мог бы приказать своим людям выбросить вас за борт, но, как мне кажется, это будет уроном для вашей чести, господин…

– Артуа де Койн, граф.

Сейчас не тот случай, чтобы прикрываться вымышленным именем.

– … господин граф. Так вот, я предлагаю встретиться в поединке.

– Как я должен вас назвать, господин Бертоуз – подлецом, негодяем, мерзавцем, стуимом, чтобы это произошло незамедлительно?

Меня продолжало рвать на части. Вот мы стоим и спокойно так разговариваем, а может быть именно в этот момент эту девочку…

Бертоуз поморщился, услышав 'стуим'. Ну вот, а я беспокоился, что ему незнакомо это слово. За время моей жизни в этом мире был один эпизод, когда я несколько дней провел в темнице. Так вот, там я и узнал значение этого слова и даже увидел их, стуимов этих…

– Но не все так просто, господин граф, не все так просто. Если вы рассчитываете, что вам понадобится вертел, что висит у вас на боку… Нет, нравы у нас простые и поэтому использовать

можно только то, что нам дано от рождения.

Это на кулаках, что ли? Да с превеликим удовольствием, потому что почувствовать кулаком его лицо мне будет еще приятнее, чем проткнуть шпагой.

– Я согласен, господин Бертоуз. Заранее согласен на все возможные ограничения, еще даже их не услышав.

Он удовлетворённо кивнул головой.

– И самое последнее. Наши законы позволяют выставить вместо себя человека, если самому выйти на поединок невозможно.

С этими словами Бертоуз поднял левую руку на уровень плеча. На его кисти было всего три пальца, большой, указательный и мизинец.

– И поэтому вместо меня выйдет… – он замолчал, оглянулся на своих людей и произнес – Грюил.

Грюил вышел откуда-то сбоку, и я невольно вздрогнул. Нет, не потому что, но был огромен, хотя и поэтому тоже. Просто до этого момента я его не видел, что было просто поразительно при его размерах. И если бы все началось…

Грюил если и был выше Проухва, то ненамного. А вот в остальном…

Руки с огромными кулаками, спускавшиеся ниже колен, мощная грудь, далеко выступающие вперед надбровные дуги, низкий покатый лоб…

Какой к черту это Грюил, это же горилла натуральная!

Как мне показалось, Бертоуз смотрел на меня чуть насмешливо. Давай мол, ты же пришел сюда с человеком, который только не намного меньше моего. Только какого черта ты тут пучил свои глаза, мол, как же я крут и море по колено.

И что мне делать? Бертоуз ясно показал, почему он не может выйти сам. Сморщить лицо и со страдальческим видом заявить, что в последнее время меня замучили почечные колики?

Прошка смотрел на меня с ожиданием.

Знаешь Проухв, если бы дело было только в размерах, то хищники давно передохли бы с голоду или стали падальщиками. Я не тигр, Прошка и не лев, но и не овца. И мне очень хочется в это верить.

Глава 7 Атэми противоположных сил.

Пока мы шли к месту, видимо давно уже используемому для подобных целей, Прошка все продолжал на меня поглядывать, пока, наконец, не выдержал:

– Командир – на что я посмотрел на него удивленно. В первый раз он назвал меня так, хотя остальные мои люди к такому обращению давно уже привыкли. А что, слово это мне нравилось больше чем всякие там ваши милости или светлости. Я сам и предложил им себя так называть, дело еще в Золотом каньоне было. Но от Проухва я его еще не слышал.

– Может быть все-таки мне? – продолжил он.

Нет, Прошка нет. Взялся за гуж, не говори что не груздь. Или полезай в кузов, как там правильно? Вот водички бы испить, не помешало бы. Во рту давно уже все пересохло.

А менять что-нибудь уже поздно, да и незачем.

Давай вот посидим на перевернутой лодке, отдохнем, да с мыслями соберемся. Что-то они как-то интересно здесь лежат на песочке, получается, что кругом. Границы ристалища видимо собой изображают, ну да черт с ними, хоть посидеть есть где.

А народ все прибывал. Ну надо же, такое развлечение. Еще по дороге сюда мы слышали разговор обогнавших нас людей:

– Грюил опять кого-то калечить будет. Говорят, что на этот раз кто-то из благородных.

Эх, знали бы вы парни, что благородства во мне не больше чем у вас. Еще и четырех лет ему нету.

Я хлопнул Прошку по колену, поднялся и пошел в центр круга, пора. Вон, уже и Грюил руками машет, приветствуя собравшихся, махая рубашкой над головой. Ты на хрена вообще ее носишь, с такой шерстью-то? Глядишь, и за свою жизнь столько бы денег сэкономил. Хотя, если с другой стороны на это посмотреть, так только она с людьми тебя и сближает, одежда, горилла хренова.

Ну и что мы тут имеем? Солнышко высоко в зените, оно не помощник. Песку под ногами много, но этого делать нельзя, как и пальцами в глаза залезть. Не благородно это, да и зрители не поймут.

Как там мой первый учитель фехтования из этого мира говорил? Дерком его звали.

'Держи дистанцию, дистанция – это твое'.

Да за раз, сифу, вот только фехтовать мне нечем.

Вот бы на твоих родителей посмотреть, Грюил. Поди сами ужаснулись, что тебя такого на свет произвели. Чему ты там

удивляешься? Я всегда улыбаюсь, когда мне не по себе, натура у меня такая. Нервное это, нервное.

И мы сошлись.

Нет, мой джеб нисколько медленнее не стал. Даже удивительно, ведь столько времени мне не до него было. В этом мире у мужчин совсем другие игрушки, железные.

Вот только толку с него ноль, Грюил даже моргать не стал. А вот если это? Ребром ступни, в прыжке, чтобы всем весом, в голеностопный сустав. Ну имей же совесть, хоть похромай чуть-чуть. А это, мое любимое, основанием ладони в печень, да с поворотом корпуса? В боксе такого нет, удар открытой перчаткой получается. Всегда помогало. Опять не то.

Вот теперь самое время набрать полные руки песка, да и ртом можно, благо тянуться не надо, он перед самым носом.

В голове словно разорвался заряд динамита, того самого, что Капсом обещал в самом скором времени довести до ума. Вставать все равно нужно, а как не хочется. Не будет тут никто до десяти считать, и не потому, что считать не умеют.

Меня шатало. Голова была словно из двух оболочек, и внутренняя постоянно задевала за внешнюю, а это очень больно. Нет, ну до чего же он быстр, я ведь даже его движения заметить не успел.

Ты где, Грюил, хоть голос подай, чтобы мне легче сориентироваться было.

Так, сейчас или никогда, такого шанса у меня больше не будет.

Грюил упал на колени, тоненько воя от боли, поддерживая левой рукой правую, неестественно согнутую в локте в обратную сторону. Что ж ты так воешь, я же не кастрировал тебя. До этого говорил, словно в барабан бухал.

Потому такие понты и называют корявыми, что толку с них мизер. Захотел меня в грудь толкнуть. Сделал бы как в прошлый раз, когда человека на руках унесли, с переломанным хребтом. Поднял бы над головой и бросил спиной на лодку, может быть ту самую, на которой я только что сидел. Я ведь сам об этом слышал, когда на ней и сидел.

Понимаешь, когда рука полностью выпрямлена, не нужно даже слишком много усилий прикладывать. Достаточно синхронно ударить по локтю и запястью. Японец бы сказал – атэми противоположных сил. И в конце концов, ты же не бойцовский пес, чтобы совсем боли не чувствовать.

А с рукой ничего страшного, лекарь тебе ее на место вправит. Вот только

постарайся никогда локтем ни до чего не дотрагиваться, даже

слегка, иначе опять очень больно будет.

Тут бы мне самое время искупаться в овациях зрителей, да вот только у меня все никак не получалось сфокусировать зрение на расплывающихся вокруг предметах.

– Где Джоуг? – нашел я наконец Бертоуза.

Тот молча показал в сторону моря. Почти на самом горизонте виднелось пятнышко паруса.

Судя по всему, Джоуг вышел в море часа три назад, еще до всех последних событий, после минутного раздумья все-таки вычислил я.

– Куда? – вопрос получился слишком кратким, но Бертоуз меня понял.

– В Ривеньеру.

– Я тебя еще найду – сказать Бертоузу, что он за все ответит, не было никаких сил. Больше всего хотелось прилечь прямо на песок под ногами и лежать, лежать. И еще хотелось пить. И еще подташнивало.

Подошел Прошка и под руку увел меня к лодке. Так приятно было сесть и прижаться спиной к ее борту.

В руке оказалась бутылка, и я прямо из горлышка попытался выпить хотя бы пару глотков. Со второй попытки это удалось.

– Спасибо, Проухв – не глядя, я протянул бутылку назад.

– Я тоже рад тебя видеть, Артуа – услышал в ответ смутно знакомый голос – в добр…

Видимо голос хотел сказать – 'в добром здравии', но посмотрел на опухшую половину моего лица и потому закончил – даже в таком виде.

Когда я резко повернул голову на голос, оболочки в голове опять встретились, и стало больно так, что даже в глазах потемнело. Но все же я успел заметить, что голос принадлежал моему давнему и хорошему знакомому Фреду, Фреду фер Груенуа.

– Ты как здесь? – спросил я его, не открывая глаз, потому что так меньше кружилась голова. И почти не подташнивало.

Фред что-то ответил, но его слов мне разобрать не удалось, потому что в это время сжал голову руками от приступа резкой боли.

– А где твоя 'Мелисса'?

– Здесь недалеко. Пойдем?

Хорошо иметь при себе такого здорового парня как Прошка, думал я.

Потому что уже в который раз он несет меня чуть ли не на руках. И ладно бы я хоть раз перебрал, так нет. Все в какие-то истории влипаю.

– Фред, ты должен мне помочь – язык еле ворочался, но Фред меня понял.

'Кто бы мне самому помог', чуть слышно пробормотал он, но вслух сказал:

– Все, что угодно, де Койн, все, что угодно.

– Фред, нам обязательно нужно догнать вон тот корабль – показал я рукой на парус, все еще видимый на зеленоватой глади моря – Там девушка, и ей очень плохо.

А, это вы, господин владелец корабля, на котором я чуть не стал пассажиром, встретился я с ним глазами. Что же вы тут делаете, ведь вы давно уже в море должны были выйти. Ага, понятно, нет еще здесь кинематографа, и других развлечений мало.

И не смотрите на меня так. Хреновый из меня д'Артаньян получился, согласен. Лучше уж я под своим именем буду.

И еще я понимаю, что в мире полно других более важных вещей и благородных целей. Вот только нет у меня сейчас до них дела, совсем нет. Потому что вон на том корабле девочка, и ей очень плохо.

Когда мы подошли к причалу, я все же нашел в себе силы пошутить:

– Господин граф, почему-то я думал, что критнеры выглядят несколько иначе.

Когда мы последний раз встречались, Фред хвалился, что скоро со стапелей сойдет его новый корабль, критнер. Эту же скорлупку с одинокой мачтой и почти параллельным воде бушпритом, критнером никак не назовешь. У этих кораблей одинаково только то, что оба они называются 'Мелиссой'.

Фред лишь развел руками, и лицо его при этом оставалось совершенно серьезным. Где же ты пропадал все это время с нашей последней встречи? Ведь почти три года с той поры минуло.

Не было тебя в Империи, я интересовался, и мне сообщили бы сразу, как только ты бы вернулся.

Но ничего, будет у тебя новый корабль, это я тебе обещаю. Да такой корабль, что ты влюбишься в него с первого взгляда. Вот только, может быть не стоит его 'Мелиссой' называть? Потому что наследуют корабли вместе с названием его судьбу.

И ничего, граф Фред фер Груенуа, что твой корабль будет железным. Ведь ты от этого не станешь деревянным, тебе это уже не грозит. Зато он будет 'винджаммером' – выжимателем ветра. Не было их быстрее в парусном флоте, что как раз для твоего характера.

Не смотри на меня так, ведь я улыбаюсь, потому что одну историю вспомнил. Ты о ней знать не можешь, потому что она в

моем мире произошла.

Представляешь, семимачтовый парусный корабль, самый большой из всех парусников, когда-либо у нас построенных, где каждая мачта имела название по дню недели – понедельник, вторник, среда… да где тебе такое представить, другой у вас тут календарь. Но дело не в этом. Название корабля вот только не помню, а это очень важно. Потому что назывался он именем писателя, что написал – 'Пятница, тринадцатое число'. Так вот, погиб он, корабль этот, разбившись о скалы. Погиб именно в пятницу, тринадцатого числа. Только не спрашивай, почему я это вспомнил, я и сам не знаю.

Ба, да это же Бронс! Бронс, я только что о тебе вспоминал! Фред, а где же остальные твои люди? Их же у тебя человек пятнадцать было, и все бойцы не из последних. А ту всё незнакомые лица, их и дюжина то не наберется.

Ладно, все потом. Можно, я вот здесь прилягу? Так хорошо становится, когда ляжешь и глаза закроешь. А все вопросы к Прошке, он, когда того желает, такой хороший рассказчик…

И еще, ты сам понимаешь, что в любой другой ситуации я бы не стал тебя просить. Я очень не люблю этого делать, ненавижу даже. В любой другой ситуации.

Когда я проснулся, голову все еще разламывало, но уже терпимо. Хлопали на ветру полотнища парусов, был слышен звук разрезаемой форштевнем воды. Так хорошо было лежать, не раскрывая глаз. Но надо вставать.

Фред посматривал на меня как-то по-другому. Интересно, что ему там Проухв рассказал? Прошка – парень не глупый, хоть и наивный до ужаса. Не мог он лишнее рассказать. Хотя кто его знает, что именно он посчитал лишним.

Я подошел к Фреду и протянул ему руку.

– Спасибо, за то, что не отказал мне в моей просьбе.

Должен признаться, я не был уверен в том, что он всё бросит, после пары моих фраз, и бросится в погоню за Дроугом.

Он ответил не сразу, посмотрев на небо, на паруса, на стоявшего за румпелем рулевого…

Эта скорлупка настолько мала, что у нее румпель, а не штурвал.

– Каюсь, я сомневался некоторое время, пока мои люди заканчивали починку 'Мелиссы'. Ведь в Империю мне оставался последний рывок, а я так давно там не был…

Но после того, как твой Проухв рассказал мне всё, я просто не мог поступить иначе.

Всё, это сколько, Фред?

– Так что не стоит благодарностей, Артуа. Вот только ты

должен мне пообещать…

Да все, что в моих силах фер Груенуа. Ведь ты сам не так давно сказал мне эту фразу. Золото, еще что-то…

– Обещайте мне, господин де Койн, что, когда мы вернемся в Империю, вы обязательно представите меня Ее Величеству.

Всё – это всё, Артуа. Прошка рассказал все. Да и какой смысл был в противном?

Помнится мне, что предстать перед императором, а тогда им был Конрад III, было мечтой Фреда. Во время последней встречи он так мне и сказал, что, если его экспедиция закончится удачно, его представят ко двору. Не такая уж она и удачная, эта экспедиция, если судить по его просьбе.

– Клятвенно уверяю вас в том, господин граф Фред фер Груенуа – несколько напыщенно начал я – что непременно это сделаю. Непременно. И порукой тому будет моё слово. – Тут мой голос резко изменился. – Вот только ты не вздумай даже…

Знаю я этого человека, кобель еще тот. Наверное, мы так легко и сошлись тогда, при первой нашей встрече, что явственно почувствовали родственные души.

И Янианна рада будет увидеть этого человека. Она очень любит слушать мои рассказы о том, что со мной произошло. Не потому, наверное, что я такой блистательный рассказчик. Просто время еще такое, ни телевидения, ни сериалов. И что характерно, не могу я ей врать, по неведомой мне причине. А значит, рассказать придется все.

И Яне непременно захочется увидеть этого человека, что так мне помог в ту минуту, когда я совершенно не представлял, что делать дальше.

Мы стояли с Фредом, облокотившись на фальшборт, и он рассказывал мне все, что с ним произошло за все время, что мы с ним не виделись. Как отправился в плавание, рассчитывая найти дорогу к новому материку. Как терял своих людей, как погибла его прежняя 'Мелисса'. Что еле вырвался из изнердийского плена…

А я стоял и думал, какой он все-таки хороший человек, Фред фер Груенуа. И за то время, что мы с ним не виделись, он совсем не изменился.

Глава 8 Блистательный кавалер

Я стоял на корме 'Мелиссы', глядя на убегающую вдаль светящуюся полоску кильватерной струи. 'Мелисса' шла под полными парусами. Вот только шла она в противоположную сторону от той, куда мне хотелось, все дальше отдаляя меня от Яны.

Как она там? Быть может, тоже стоит у темного окна, вглядываясь в него, прислушиваясь к звукам спящего дворца и ожидая услышать мои шаги. Я так люблю нагрянуть внезапно, мне нравится, как выглядит ее лицо в те секунды, пока не примет обычное выражение. Очень приятно видеть в ее глазах радость. Потом она сделает гордый и независимый вид, мол, даже не подступись, но я-то все вижу…

Подошел Прошка. Когда-то я клятвенно уверял себя в том, что больше никогда я не буду называть его так, да вот как-то не сложилось.

Вчера нам повезло, повезло обоим. Случись что со мной, он плюнул бы на все правила и обычаи, плюнул и растер. И показалось бы тебе тогда, Грюил, небо в овчинку и никак не меньше. В лучшем случае похоронили бы тебя целого, а не собирая по кускам. Так что тебе тоже повезло, Грюил. И не трудно представить после этого, чем бы все закончилось.

– Ваша светлость – начал Прошка. Ну вот, опять за свое. Смог же вчера, что тебе сейчас мешает? Тем более, когда поблизости никого нет. – Шлюпка…

Да, я тоже видел ее, Проухв, и была она очень похожа на ту, что пропала у нас той ночью. Вот только совсем не до нее мне вчера было. Ничего, Проухв, потерпим до того момента, как вернемся в Империю. Там я расскажу Коллайну о произошедшем со мной в Гостледере, тот с полчасика посидит в кресле, теребя мочку левого уха…

Пройдет несколько дней, и мы все узнаем. Не о том, кто украл нашу шлюпку, нет. Что-то я не слышал, чтобы до этого посреди белого дня в Гостледере воровали людей, прибывших в него чуть ли не с официальным визитом. Посреди темной ночи, если уж быть точным. Я и так знаю уже достаточно много. Вот только не хотелось затевать всю эту бучу до свадьбы, и дело даже не во мне.

– Иди спать, Проухв. Я еще здесь постою.

– Привет, Дерк. Ты знаешь, я много раз о тебе вспоминал.

Глупо спрашивать, что у него с семьей, с мамой, с братом Бронсом, и сестрой Тиассой, наконец.

Он ушел вместе с Фредом, и его тоже не было в Империи долгие три года.

Ты совсем не изменился за это время, Дерк, разве что стал немного прихрамывать. И еще седина, которой раньше не было. Мне очень приятно было встретить тебя и Фреда, очень. Вот только не думайте, что, когда мы вернемся в Империю, вы будете заниматься тем, чем захотите. Ну-ну. Вы мне нужны и вам будет очень нелегко от меня избавиться. Да вы и сами не захотите.

– Артуа. – Это уже Фред и голос у него какой-то озабоченный. – Артуа, необходимо принять решение

Фер Груенуа подошел не один, с ним был сти Молеуен. Все, что я успел узнать об этом человеке, так это то, что они вместе убежали из изнердийского плена.

Еще он был навигатором, по словам Фреда, отличнейшим навигатором.

В эти времена, когда нет ни радаров, ни сонаров, ни спутниковой навигации, ни даже точных и подробных карт, такой талант очень насущный. И мне этот человек скоро понадобится. Я даже посмотрел на сти Молеуена, пытаясь увидеть на нем черно-белые клавиши. Нет, ничего такого не было, а был человек среднего роста, со спокойным лицом и вежливыми манерами.

Когда-нибудь, в спокойной обстановке, мы встретимся с тобой, Фред, за большим обильным столом и ты будешь долго рассказывать обо всем, что с тобой случилось за время отсутствия. Я даже Яну с собой возьму. Нет, мы лучше тебя к себе пригласим. Но все это будет потом.

А сейчас мне придется решить какую-то проблему, что делать совсем не хочется, потому что очень болит голова.

И эта проблема не будет касаться навигации, потому что в этом я им не помощник.

Здесь еще измеряют скорость судна, бросая за борт какой-нибудь плавучий предмет и отсчитывая время его прохождения между отметками на планшире фальшборта с помощью песочных часов.

Или считают количество узелков на лаг-лине вытравленного за борт корабля лага за определенный отрезок времени. Глубину замеряют с помощью груза, привязанного к веревочке.

А расстояние в тумане до берега с помощью судового колокола, вслух отсчитывая, когда придет эхо. Если пришло раньше чем прежде, то расстояние уменьшилось и необходимо применять меры. Да уж, точно, железные люди. И что в этом смысле я могу им предложить? Разве что капитанскую формулу, для определения остойчивости. Если ее здесь еще нет. Надо будет, кстати, поинтересоваться эти вопросом.

Они стояли и ждали. Погодите немного парни. Все, как будто бы немного полегчало. Что же мне всегда по голове попадает то, и так самое слабое мое место.

Я кивнул головой, говори уж, подумав при этом, что лучше рукой махнул, больно.

– Артуа. Дело в том, что отсюда в Ривеньеру можно идти двумя путями.

Фер Груенуа указал рукой на темнеющие вдали прямо по курсу очертания невысоких гор.

– Здесь начинается Малый Антинельский архипелаг. Большой там – он махнул куда-то в сторону юга и открытого моря – но дело не в этом. Дело в том, что острова архипелага доходят почти до самой Ривеньеры. Так вот, 'Ажганда гёс', могла пройти между архипелагом и материком, но могла взять и мористее, оставив гряду по левому борту. Это твоя охота, де Койн и решать тебе.

– Сами бы вы как поступили?

Фер Груенуа чуть замялся, и свое слово успел вставить сти Молеуен.

– В принципе, особой разницы нет, Ваша светлость. Пойти между берегом и островами или выйти в открытое море. В первом случае некоторую опасность может представить узкий пролив между мысом Висельников и островом Беркера. И все-таки идти этим проливом ночью я бы поостерегся. Кстати, морем мы выигрываем время.

Ну и к чему все это? Тем более что еще и выигрываем. Я уж было открыл рот, чтобы озвучить только что прибежавшую мысль, как сти Молеуен продолжил.

– Не все так просто, Ваша светлость. Внезапные шторма здесь не редкость. Так что самым логичным решением было бы дождаться утра и идти проливом.

Да что ты заладил, Ваша светлость, Ваша светлость. Приставка 'сти' перед фамилией означает то же самое, что и 'фер', то есть указывает на дворянское происхождение ее владельца. Конечно, многие прекрасно обходятся и без этого, те же Крондейлы, например.

Так что можно и проще себя вести. Ладно, после объяснимся.

– Господа, у нас нет возможности ждать столько времени и я прошу вас самих решить, каким курсом нам следовать. Полностью в этом вопросе на вас полагаюсь.

Голова опять болела так, что каждое слово давалось с трудом.

Артуа, в конце концов, ты должен изменить свое поведение. Ты уже не мальчишка, чтобы бросаться с кулаками на каждый взгляд, что показался тебе оскорбительным. У тебя скоро свадьба, ребенок должен родиться, а ты все изображаешь собой Робин

Гуда, защитника угнетенных. В конце концов, Прошка легко бы смог тебя заменить, и причину замены найти было бы достаточно несложно. А вот за него можно было бы не беспокоиться. Снес бы он башню Грюилу, это непременно. Проухв – уникум, в смысле физической силы. Я сам видел, как он лошадь на плечах носил, а это полтонны. Да и навыков ему не занимать, в этом Дикие постарались, земной им поклон. Неоднократно мог в этом убедиться.

Вот только как же моя-то башня болит, черт бы ее побрал. И с Фредом и Эдваром не очень удобно получилось. Они обратились ко мне за решением, и доступно объяснили, что выбор должен быть за мной.

Проснулся я от сильной качки и ударов волн о борт корабля. Хотя трудно нынешнюю 'Мелиссу' Фреда назвать кораблём. У нас, насколько я помню, так: военные и парусные называются кораблями, все остальное – суда. Пассажирские суда, ледокольные, научные, да хоть атомные, не важно. 'Мелиссу' же так и хочется назвать катером. Тогда, скорее уж яхтой.

Хотя каракка Колумба имела в длину всего 25 метров, смешно даже. А остальные корабли его флотилии были и того меньше.

Одно хорошо, голова прошла. Неужели на перемену погоды она так отреагировала? Не хочу быть барометром, тем более что в этом мире они уже есть. И показывают также: штиль, буря.

На 'Мелиссе' его, правда, не было.

Я вспомнил, как сти Молеуен втягивал носом воздух, всматриваясь в сторону далекого морского горизонта. Не иначе, как нюхом чуял близкий шторм. Тогда почему же они выбрали курс морем? Ведь в проливе такого волнения не было бы.

В дверь постучали. Это Прошка.

– Ваша светлость, вас просят.

Иду Проухв, иду. Видишь, я уже почти одет.

Прошка выглядел как обычно, а ведь в первый раз в шторм попал. Разве что несколько бледновато, но это, наверное, из-за того, что переживает он.

Ветер рвал полы плаща, бросая в лицо грозди соленых брызг. Баллов восемь-девять, по шкале Бофорта. Но красиво, даже дух захватывает, когда смотришь на этот разгул стихии.

Оба они выглядели очень встревоженными, и Фред, и Эдвар.

Фред говорил, что 'Мелисса' прекрасно держит курс, да и ход имеет весьма неплохой, но боится высоких волн. Ну, не так уж они и высоки, даже голову нет нужды задирать, чтобы увидеть их пенистый гребень…

– Ваша светлость, корпус 'Мелиссы' дал течь. – Вместо

приветствия сказал сти Молеуен.

Так, мне это очень не нравится и вообще.

– Эдвар, вы забыли добавить – господин граф, кавалер ордена Доблести и Славы, и еще обладатель Золотой шпаги и Золотого льва. В общем, для вас и Фреда меня зовут Артуа. Иногда перед моим именем можете вставлять предикат – блистательный.

Фред взглянул на меня и сказал:

– Артуа, положение серьезное.

Да вижу, я вижу. Набрав воды, 'Мелисса' погрузнела и боролась с волнами с грацией старой бабушки, измученной радикулитом.

Я взглянул на недалекий берег и указал на него подбородком: каковы шансы?

– Полбочки на три ведра – услышал в ответ уже знакомое выражение, соответствующее привычному мне – пятьдесят на пятьдесят.

Нет нужды спрашивать, все ли они меры приняли, для того, чтобы устранить течь. Они это сделали, сделали все, что могли и такой вопрос даже в какой-то степени оскорбителен для них. И пластырь* здесь не поможет, у 'Мелиссы' не пробоина, доски обшивки расходятся. Вон он, свернутый на палубе лежит, и если бы в нем была хоть малейшая нужда…

Вместо этого я спросил:

– Всех разбудили?

Глупый вопрос, конечно. На корабле аврал, и все борются за его жизнь.

Натура просто у меня такая, шутки шутить, когда вокруг все очень серьезно. Ничего, привыкнете.

Корабль шел прямо на берег, подгоняемый попутным ветром. Я взглянул на паруса, взятые по штормовому. Не время сейчас их беречь, те же полбочки на три ведра, что ветер разорвет их в клочья или они помогут нам успеть добраться до берега, если их распустить.

Фред взглянул на меня, и я тоже ответил ему взглядом – давай Фред, давай, сейчас или никогда.

Если ветер порвет паруса, мы обречены. Но если все же успеем добраться…

Берег здесь очень плохой, скалистый, с множеством торчащих из воды камней вдоль него. И с этим не повезло.

Берег все ближе и уже можно разглядеть, как ветер рвет листья с одиноко стоявшей на берегу пальмы. Там небольшой пляж, с замечательным желтым песочком. Как бы хотелось оказаться сейчас на нем и ходить по песку босиком, любуясь разгневанной стихией.

Вот только как проскочить между тех двух камней, проход между ними узкий, как раз по ширине корпуса 'Мелиссы'.

Раздался треск раздираемого полотнища, и парус затрепетал на ветру многочисленными вымпелами.

Нос корабля резко повело в сторону и Фред, заорав что-то на незнакомом мне языке, но такое понятное, бросился к румпелю, где и так уже было два человека.

И сердце остановилось в ожидании. Сейчас, вот сейчас…

Мы прошли камни, со скрежетом задев один из них левым бортом 'Мелисы', из-за чего корабль развернуло лагом к волне и ветру.

– Держись! – вновь проорал Фред, бросая румпель и ухватившись за стойку находившегося рядом фальконета.

Какое там держись! – успел подумать я, чувствуя, как вырывается из рук трос, ухваченный мною впопыхах. – Только бы не головой…

Мы стояли на берегу, наблюдая за гибнущим на глазах кораблем. Нам удалось выбросить корабль на берег, но помочь 'Мелиссе' уже ничем было нельзя.

Голова моя удачно избежала столкновений при полете, болели только ребра. Не знаю, обо что я успел ими приложиться, но кровоподтёк получился – будь здоров. Повезло не всем. Одному из матросов сломало руку, другой сильно прихрамывал, а еще один неподвижно лежал далеко за линией прибоя, куда мы его унесли. И ничем другим помочь ему уже было нельзя.

Мы стояли на берегу плотной толпой и наблюдали, как волны разбивают 'Мелиссу' о камни.

Десять человек экипажа, фер Груенуа, сти Молеуен, Прошка и я.

'Ничего, Фред, будет у тебя новый корабль, обязательно будет – думал я, глядя на выражение его лица. – Нам бы только выбраться отсюда'.

Глава 9 Одинокий пират

– Я плохо знаком с этими местами, господин де Койн, – сти Молеуен произносил эти слова с самым извиняющимся видом – но на острове поселений нет, это точно. На Гритосе, самом большом острове этой гряды, они есть. Там даже порт небольшой имеется. Вот только чтобы добраться до него, нам придется миновать их целых три. Дорога до Гритоса пешком займет несколько дней пути. Если же мы переберемся на следующий остров, то появится надежда попасть на проплывающий мимо корабль.

На северном его берегу есть якорная стоянка, где корабли иногда встают на ночлег, чтобы не входить в пролив в темное время суток. Следующий остров называется островом Беркера, где тот самый пролив и есть. На островах гряды вообще очень мало поселений. Да не извиняйся ты, за то, что выбрал именно этот курс. Кто же мог знать, что шторм налетит так внезапно. В конце концов, повези нам, и мы сэкономили бы кучу времени. Проклятый Мерфи, и здесь его законы отлично работают.

Я оглянулся по сторонам. На ближайшем камне примостился Прошка, мастеря из абордажной сабли, оставленной без рукояти, и длинного древка, свой любимый балот.

Вот Прошка критически осмотрел его, далеко отставив руку, несколько раз крутнул над головой, перехватывая древко, сделал пару выпадов и, усевшись на камень, поставил рядом с собой.

На берегу готовили шлюпку к дальнейшему путешествию. Она мала, эта шлюпка и всех нас не вместит. Но уже одно то хорошо, что шторм оставил ее нам, не разбив о камни. Иначе пришлось бы зарыть в укромном месте и два фальконета, как те четыре пушчонки 'Мелиссы', калибр которых не позволял даже засунуть в ствол сжатый кулак.

А фальконеты пригодятся в дороге. Помню, казаки ставили их на свои чайки, давая жару турецкому флоту. Глядишь, и нам пригодятся.

Жаль, что шлюпка на 'Мелиссе' была только одна. Как то наплевательски относятся местные моряки к собственным жизням.

В моем мире каждый из бортов судна должны иметь достаточное количество спасательных средств, чтобы полностью принять экипаж и пассажиров. И любой из плотов или шлюпок, обязан взять двойное количество человек, не булькнув при этом. Если рассчитан на десять человек – двадцать должен выдержать. Здесь все это тоже будет, когда-нибудь потом.

Нам придется идти пешком. В шлюпку загрузили все то, что может пригодиться нам в дороге. И посадили обоих пострадавших при кораблекрушении.

– Значит так. Доходим до оконечности острова, перебираемся на следующий, и идем той стороной острова, чей берег выходит в пролив. Впереди дозор, два человека. Все.

Шлюпка перевезет нас за два рейса, это не вопрос. А дозор необходим. Без сомнения, спасти потерпевших кораблекрушение моряков спасут, это точно. Вот только чем дальше мы будем двигаться на восток, тем больше шансов попасть в рабство, самое что ни на есть настоящее. Если в Монтерно на это попросту закрывают глаза, то, чем дальше, тем обычнее это дело. Так я и до Гвартрии вскоре смогу добраться, как когда-то хотел. Вот только причины тогда у меня были совсем другие.

Я взглянул на фер Груенуа. Теперь все зависит от его решения. То, что он остался без 'Мелиссы', было делом случая.

Как говорят у нас – от неизбежной на море случайности. Он мог бы попасть в шторм и по дороге в Империю, и где гарантия того, что корпус 'Мелиссы' не дал бы течь.

Но теперь другое дело. Идти в неизвестность, отдаляясь от Империи все дальше и дальше…

Ему нет необходимости держать свое слово дальше, теперь, когда обстоятельства так изменились.

Императрице я тебя представлю, я дал тебе слово. Когда вернусь и если вернусь. Так что если ты хочешь сказать что-то против, говори сейчас.

И просить я у тебя много не буду, в случае твоего отказа, только кое-что из необходимых вещей, припасов и того, чтобы нас перевезли на следующий остров. В Империи найдешь Герента Райкорда и он оплатит тебе все твои расходы. У нас с ним был разговор о том, что однажды к нему может обратиться человек, который скажет, что я должен ему какую-то сумму. Разумную сумму. И произнесет нужную фразу, из которой станет понятно, что я действительно ему должен.

Коме того, станет понятным, сколько именно должен. С этим ничего сложного: до ста золотых, до пятисот золотых и – 'гони ты его на хрен, столько денег я занимать ни у кого не буду, чтобы не случилось'. Так что фер Груенуа даже не придется ждать моего возвращения. Откажется, и я все ему объясню.

А мы с Проухвом пойдем дальше, потому что если однажды выбираешь путь, нужно идти по нему до конца.

И оправдать можно все что угодно, даже собственную трусость. Сначала тебя будет мучить совесть, затем ты к этому привыкнешь, а уж после станешь считать, что поступил

правильно.

Я не могу бесконечно разыскивать Мириам по всему белому свету, но в Ривеньере я побывать обязан.

Вот только какую мы ее найдем, если найдем, вот в чем вопрос.

Возможно потухшую, вздрагивающую от малейшего резкого звука и задирающую подол от одного лишь щелчка пальцами. Или успевшую приобрести такой взгляд, что навеки опередил появление рентгена и не хуже его просвечивающий мужские карманы на предмет металлических кружочков.

Фред не вильнул взглядом, нет. Он стоял и спокойно смотрел, не отводя взгляда и ничего не говоря. Да и к чему слова, иногда они бывают только лишними.

И на душе сразу повеселело, хотя я старательно не подавал виду. Потому что даже в таком количестве мы что-то из себя представляем.

На следующий остров мы перебрались легко. Пролив между островами оказался весьма не широк и весь зарос водорослями, похожими на ламинарии.

На якорной стоянке, что у северного берега острова, не было никого.

И далеко не факт, что там кто-нибудь встанет на ночь. Это сти Молиуен, в силу того, что плохо знает местную лоцию, предлагал такой вариант еще на подходе к гряде. Местные же судоводители должны знать эти места как свои пять пальцев. И им не доставит никаких трудностей пройти пролив даже ночью. Так что нет никакого смысла сидеть на берегу и ждать попутного судна.

Мы шли вдоль берега, а на небольшом отдалении от него двигалась шлюпка. Остров этот был весьма невелик, и весь зарос густой растительностью.

Углубившись в нее мы и заночевали, после того как солнце скрылось в той стороне, где меня ждала Яна.

Ближе к полудню следующего дня один из двух дозорных, шедших далеко впереди, прибежал с новой вестью.

– Дальше – он показал рукой – большой залив. Пройти по берегу невозможно, только в обход, по скалам. Так вот, поднялись мы наверх и видим. С другой стороны тоже залив, и между ними узкий перешеек. Пройти можно, с этим проблем не будет. Дело в другом. В заливе, что на южном берегу острова, корабль, на якоре.

-Чей он?

Дозорный неопределенно пожал плечами, не знаю. Вслух добавил:

– Далековато было, не разглядеть. Да и я сразу сообщить побежал.

Дозорного звали Трендир. И это было единственное имя из людей Фреда, которое я успел запомнить. Кроме Бронса, конечно, но Бронса я знал давно.

Трендир обратил на себя внимание еще вчера. Толковый малый, решил я, и такие сразу заметны.

Когда мы вслед за ним поднялись на скалы, то действительно увидели стоявший на якоре корабль. Бригантина, подумал я, он похож на бригантину. Корабль двухмачтовый, фок-мачта с реями, а вот грот 'сухой', то есть без рангоутного дерева. Так что паруса на нем будут только косые. Какие-нибудь триселя с топселем.

Определённо бригантина, вот только не знаю, как их называют здесь, не попадались еще.

И песенка сразу вспомнилась, про бригантину, которая поднимала паруса. Эта ничего не поднимала. Хотя нет, что-то она все же поднимала. На палубу, со стоявшей у ее борта шлюпки.

Так, кричать 'ура' и бросать вверх шляпы, захлебываясь от восторга, еще рано. Неизвестно, кто они, и этот вопрос необходимо выяснить как можно быстрее. Будет огорчительно, если они снимутся с якоря у нас на виду, и уйдут, не заметив нас. Что это они там копошатся, неужели снимаются с якоря?

Как будто бы нет, шлюпка отошла от борта и направилась к берегу. Даже не шлюпка, вельбот, у них что нос, что корма острые.

Мы подобрались ближе. Фер Груенуа, Трендир и я, оставив остальных наверху. Чем больше народа, тем легче нас будет заметить, подкрадывайся ты хоть как.

А вообще красивое местечко, песочек, лагуна почти идеально круглой формы, и яркая зелень растений вдоль берега.

Вельбот ткнулся носом в берег и его пассажиры разбрелись кто куда. Что это они там делают, интересно? Такое впечатление, ищут что-то.

– Черепах ищут – сказал Фред, внимательно рассматривая берег лагуны через зрительную трубу.

Черепах? Каких черепах? Да что тут удивительного, Артуа? Черепахи – живые консервы, положил их в трюме и доставай по одной, по мере надобности. Удивительно живучие существа, что очень удобно, ведь нет на парусниках ни консервов, ни холодильных камер. И у нас так было, вспомни. Особенно галапагосские острова у моряков черепахами славились.

Так, с этим все ясно. Чей же это корабль? Словно услышав мои мысли, ветер немного развернул его, давая возможность разглядеть флаг, висевший на гафеле.

– Изнерд – вздрогнул фер Груенуа, внимательно рассматривающий корабль в трубу.

Что же там такое случилось с тобой, Фред, что ты даже не смог говорить на эту тему, когда я попросил тебя рассказать? И, когда ты снял с головы шляпу, чтобы вытереть пот, седины у тебя оказалось не меньше, чем у Бронса.

Может быть потом, когда пройдет время, и воспоминания не будут такими яркими, ты мне все расскажешь.

Мы прождали до самого вечера, наблюдая за кораблем и ожидая непонятно чего. Была у меня одна мысль, но я старательно гнал ее от себя, боясь сглазить. И, уже в сгущавшихся сумерках, обратился к Фреду, теперь уже можно.

– Господин фер Груенуа, помните, что я обещал вам новый корабль? Как вам такой для начала?

Фред недоуменно посмотрел на меня.

– Обещал, обещал, только забыл сказать об этом вслух. Я вот почему-то ясно вижу на корме этого корабля горящие золотом буквы одного женского имени.

В наступавшей темноте даже корму было уже не разглядеть, не то что какие-то там буквы, но Фред улыбнулся.

– Далеко не самый плохой корабль и у меня было время чтобы это понять, но вот вопрос: как вы все себе это представляете?

Пока никак не представляю, но считаю, что придумать что-нибудь все же можно. Тем более сейчас, когда большая часть экипажа осталась на берегу. Так приятно потоптаться по суше даже после двухнедельного плавания, по себе знаю. Эти устроили себе что-то вроде пикника.

Даже до нас доносится запах жарившегося черепашьего мяса. А на вине на флоте никогда не экономили. Вино – не вода, что быстро протухает, да и витамин С, отсутствие которого – бич всех моряков дальнего плавания, в нем присутствует. Они тут понятия не имеет о существовании витамин, но скудоумием наши предки никогда не отличались, как бы нам, их потомкам, не хотелось бы себе этого представить.

Вот только действовать нужно быстро, вряд ли экипаж останется ночевать на берегу.

А кораблик славный. Четырнадцать пушек, из них по две на баке и корме, погонные и ретирадные, как их называют. По пять орудийных портов на каждом борту. Вероятно, и еще есть, помимо таких мелочей, как фальконеты. Экипаж около сотни, и это как минимум. Большая часть на берегу, но и на борту человек двадцать остались. И нам они вполне по силам. Плюс на нашей стороне неожиданность и внезапность. Очень надеюсь на это.

Нашу шлюпку еще днем я приказал на эту сторону острова перегнать, благо не гигантский он, так, на всякий случай, не смотря на возможность сглаза. И он наступает, случай этот. Для этого мы и темноту ждали. Хотя в этом мире при безоблачном небе ночная темнота – понятие весьма относительное. Ну ни среди белого же дня было атаковать.

Тут я вспомнил дремучий анекдот, когда к гигантскому пассажирскому лайнеру, всему в огнях и музыке подплывает одинокий пират и кричит наверх: эй вы, там! Деньги и драгоценности в шлюпку! Его немедленно посылают куда подальше, и он, гребя назад, грустно размышляет: и так всегда!

Хотя это в моем мире анекдот дремучий, а здесь куда уж свежее.

Пойдем мы все, каждый человек на счету. Даже эти, что покалечены. И от них будет прок, и от хромого, и от однорукого. Здесь меня чуть не разобрал смех, когда я представил, что именно эти люди возглавят нашу атаку, даже сдержать себя не смог. Фред одарил меня удивленным взглядом. Ничего Фред, привыкай. Мои люди же к этому привыкли. Эх, их бы сюда! Мы бы эту посудину вдрызг разнесли вместе со всем ее экипажем!

Ладно, будем пользоваться тем, что есть.

Сейчас главное роли распределить, чтобы не толпой бросаться.

Мы, ухватившись за борт шлюпки, плыли к коутнеру. Так называется этот тип парусников, объяснил мне Фред. Внутри шлюпки остались оба пострадавших при катастрофе 'Мелиссы', Тредир, исполнявший роль кормчего, Бронс да еще три человека, из лучших, что первыми окажутся на палубе коутнера. И огнестрельного оружия хватило только на них.

Остальные плыли, держась за борта шлюпки и направляя ее движение. Только бы не заметили с борта, иначе всем будет не до смеха, даже мне.

Глава 10 Удача по имени Биглоуз

С палубы изнердийского корабля доносились звуки разговора. Причем один из разговаривающих почти кричал на своего собеседника, а другой лишь слабо оправдывался.

Я взглянул на Фреда, державшегося за борт шлюпки рядом со мной. Он говорил, что научился языку инердийцев, нужда заставила. Но тот вел себя спокойно, настолько спокойно, насколько это вообще возможно в подобной ситуации.

Фер Груенуа поговорил со своими людьми перед самой нашей атакой. Разговор был негромкий, да и я не прислушивался, но понять, о чем он, было несложно. Да и о чем он может быть, если не о предстоящей атаке. Я, кстати, сам и попросил его об этом. Потому что Прошка полезет за мной в огонь и воду, а вот его люди вообще могли усомниться в необходимости захвата корабля. Приз будет велик, но и риск нисколько не меньше. Никакие деньги в мире не стоят того, чтобы за них рисковать собственной жизнью. Тут нужно иметь особый склад характера. Или выполнять свой долг.

Он знает своих людей, ему и карты в руки. Днем в этом смысла не было, ведь в любой момент корабль мог сняться с якоря и уйти. Или остаться, но экипаж не покинул бы борта, оставшись на нем в полном составе. В таком случае оказалось, что мы напрасно потеряли столько времени, ожидая непонятно чего. Но все сложилось крайне удачно. Вельботы сделали по два рейса, перевозя желающих на берег. Арифметика несложная, два рейса по двадцать человек каждый рейс, отнимем от той сотни, что должна составлять экипаж корабля, а Фред это подтвердил… Остаются человек двадцать на борту, что вполне нам по силам. Опять хочется добавить, что очень надеюсь на это.

Борт корабля все ближе и нервы, казалось, звенят уже как перетянутые струны.

Только бы никто не подошел к борту, любуясь открывающимся со стороны открытого моря пейзажем. Сейчас бы густой туман, или дождь с низким пасмурным небом. Нет, дождя не надо, будет трудно уберечь кремни замков от влаги.

Красивое здесь звездное небо, очень красивое. Звезды кажутся огромными, а само небо темно-синего цвета. Не бывает оно здесь черным, только в ненастье. И света от всего этого больше чем у нас в полнолуние. В этом не повезло. Ветер переменился и теперь коутнер стоял к нам носом. Мы протащили шлюпку вдоль берега на возможно ближнее расстояние, на фоне темного берега она не так заметна, и все же увидеть нас будет

довольно легко.

Вся надежда на то, что и оставшиеся на борту корабля люди тоже позволили себе немного расслабиться. Да и не должны они вести себя очень настороже.

Когда я предложил Фреду захватить этот корабль, тот поначалу даже изумился: 'изнердийский корабль?!'. Затем я наконец-то увидел лицо того Фреда фер Груенуа, каким увидел его при первой нашей встрече – бесшабашно-веселым.

Я, конечно, был рад этому, но больше обратил на его реакцию. А она ясно говорила, что Изнерд пользуется достаточной репутацией в этом мире, что бы сама такая мысль могла вызвать изумление. И это их убеждение тоже работает в нашу пользу.

Вот он борт вражеского корабля. Сейчас главное не стукнуть по нему шлюпочным бортом. Не все так страшно, такой звук может быть, если об него ударится ствол дерева, принесённый ветром и течением. Но лучше подстраховаться.

На палубе снова заговорили. Голос был где-то там, у противоположного борта, но Фред заметно напрягся:

– Шлюпки возвращаются с берега.

Вот же черт, но теперь уже поздно что-то менять.

Трендир легко, почти не касаясь планширя фальшборта вражеского корабля, взмыл на палубу. За ним последовала четверка людей, тех, что была с ним в шлюпке. Им отдали все, что имелось из огнестрельного оружия, и у троих из них было по паре стволов.

Оружия, даже клинкового, на всех не хватало, его и не было много на 'Мелиссе' фер Груенуа, но кто сказал, что даже наспех выструганная дубинка в умелых руках представляет собой просто деревяшку?

Вообще-то я хотел идти в числе первых, но Фред, узнав об этом, молча покачал головой: не стоит этого делать, Артуа. Никто из моих людей не усомнится в твоей трусости, поверь. Но всем хочется вернуться в Империю героями, людьми, сумевшими сбежать из изнердийского плена, да еще и на их корабле, а не свидетелями твоей …

Он не договорил, но и так все понятно. И я только крякнул в ответ.

Так что на палубу я попал чуть ли не последним. Только два человека оставалось в шлюпке, те, что пострадали при гибели 'Мелиссы'.

Изнердийцев хватило и на мою долю. Людей на коутнере оказалось больше, чем мы рассчитывали. Те несколько матросов, что были на верхней палубе корабля, погибли мгновенно.

Наверное, у фер Груенуа оказались не самые плохие бойцы, да и неожиданность нашего нападения тоже сыграла свою роль.

А вот дальше начались проблемы.

Изнердийцы, те десятка полтора – два, что выскочили на звуки боя, не стали бросаться в атаку, нет. Они просто выстроились на корме двумя шеренгами. К чему лезть на рожон, когда совсем скоро подойдут вельботы с людьми, и вот тогда проблему можно будет решить быстро и без лишних жертв. Плохо было то, что их почти в два раза больше. Но был и светлый момент, ружей и пистолетов в руках у них почти не наблюдалось. Да и чего удивительного, корабль, судя по всему военный, и такие вещи хранятся не под подушкой, а в специальном оружейном помещении.

Но парочка стволов имелась точно. И Прошка сделал шаг вперед, оставляя меня за своей спиной. А я прыгнул влево, припав на колено. Потому что единственный заряженный пистолет оставался у меня, и я скорее бы палец позволил себе отрезать, чем передал его в чужие руки. Под колено приземлившейся на палубу ноги попало что-то твердое, и даже не выдержав, заорал. Слова были отнюдь не печатными, но кричал я на родном языке, и они вполне сошли за боевой клич. Выстрелил я в человека, что держал тромблон. Тромблон, как и мой пистолет, тоже был двуствольным и тоже с вертикальным расположением стволов. Вот только нижний его ствол был весьма впечатляющего калибра и заканчивался широким раструбом. Не круглым, как это обычно бывает, а каким-то плоским, что позволяло картечи рассеиваться именно в стороны. И выглядел он настолько впечатляюще, что часть наших людей подалась назад.

Наверное, стрелку стоило бы сразу им воспользоваться, но он повел им вдоль нашей шеренги, словно выбирая цель. В его я и выпустил оба заряда, хотя с такого расстояния и таким калибром вполне хватило бы и одного выстрела. Но слишком уж жутко смотрелся в его руках тромблон. Второго стрелка поразил Прошка, выпадом балота с колена. Наверное, Проухву повезло больше и под колено ему ничего не попало, потому что он только рявкнул. Потом произошло то, о чем можно было бы и догадаться, но как-то забылось в суматохе боя.

Грохнул фальконет, один из двух, что ехали багажом в нашей шлюпке. Мы зарядили их перед атакой оба, зарядили большим, чем это обычно делается зарядом картечи, потому что рассчитывали применять их в упор. Зарядили, и, перед тем как уложить в шлюпку, тщательно обмотали затравочное отверстие и заткнули тряпкой ствол.

Уж не знаю, как умудрились поднять их на борт два этих

человека, что пострадали при крушении, но если бы не они…

Из него выпалили, бросив прямо на палубу, лишь немного приподняв тот конец ствола, что заканчивается жерлом. Воспользовавшись замешательством экипажа коутнера, вперед прыгнули Трендир с Бронсом, увлекая за собой остальных.

А дальше мы яростным ревом помогали оставшимся в живых прыгать за борт, решившим искать спасения на берегу. Изнердийцев и сейчас оставалась больше, но дело всегда было в духе воинов, а его у них уже не осталось.

С приближающихся вельботов доносились крики, которые должны были подбодрить защитников.

Затем стал слышен гневный ор, после того как они увидели, что с борта начали прыгать люди и им стало понятно: прыгали не мы.

Выстрел второго фальконета пришелся точно в вельбот, перегруженный людьми из экипажа коутнера, тот, что оказался впереди. Затем, в него же, из тромблона, выстрелил Трендир, тоже попав. Нет, Трендир – это воин, и в нашей атаке я успел оценить это в полной мере. Такой воин, что вполне стоит половины из остальных людей фер Груенуа.

Второй вельбот, увидев все это, застопорил ход в нерешительности. Хорошо было слышно, как с берега их старались подбодрить, по воде звук вообще разносится замечательно.

Ну-ну. Это с берега легко кричать, упиваясь собственным мужеством. А когда на твоих глазах идущая впереди шлюпка получает столько картечи, что под ее тяжестью чуть ли не зачерпывает бортами воду… Когда почти половина из находившихся в вельботе людей мечтает только о том, чтобы скорее все это закончилось и лекарь осмотрел рану, которая болит так невыносимо… Когда твой сосед повалился на тебя разнесенным в клочья картечью лицом..

Скрипел кабестан, выбирая остатки якорного каната. Уже распустился нижний фок, поймал ветер кливер и коутнер набирал ход, унося своих новых хозяев в открытое море.

Я подошел к человеку, что сидел прямо на палубе, лелея потревоженное больное колено. Помог ему подняться, довел до лючины трюма, усадив на нее, и сунув ему в руки бутылку с вином, врученную мне расторопным Прошкой. И где ты ее только успел найти?

Спасибо тебе, искреннее спасибо. Если бы не эти два выстрела из фальконетов, то оставшиеся из нас живых плыли бы сейчас к берегу, мечтая только о том, чтобы не заметили с вельботов. А пассажиры вельботов азартно высматривали бы нас,

и, закричав: 'вот он, еще один!', лупили бы веслами по голове, веселясь при каждом удачном ударе. Если и была сегодня удача с нами, то зовется она твоим именем. Спасибо.

– Как тебя зовут?

– Биглоузом, Ваша светлость.

Вот значит как зовется сегодня наша удача.

– Спасибо тебе, Биглоуз. Спасибо за все.

Ему почти пятьдесят, Биглоузу. Он седой как лунь и очень, очень худой. И наше счастье, что он был сегодня с нами.

Утро следующего дня застало нас в пути. Коутнер шел под полными парусами. Рядом с рулевым стоял Фред, и сейчас он выглядел таким же, как когда-то давно, веселым и счастливым.

При абордаже погиб один человек и несколько получили ранение. Нас было мало, недостаточно даже для того, чтобы нормально управлять коутнером. Так что принять бой мы не сможем. Да и нет у нас такой задачи. Нам лишь нужно добраться до Ривеньеры.

А там, там будем решать, что делать дальше. Самым мудрым решением было бы избавиться от корабля, продав его, и отправиться в Империю просто пассажирами. Но для начал нужно найти Мириам. И я очень надеюсь, что смогу это сделать.

Вот только нелегко наверное будет убедить фер Груенуа продать коутнер, вон он каким довольным выглядит. Изнердийский флаг давно отправился в море, правда, перед этим на нем основательно и с душой потоптались.

Трофеев же мы получили знатно. Почти новый корабль, ему и десяти лет нет, пушки, оружие и прочее. Вот только в трюмах почти ничего обнаружить не удалось. Черепах, правда, было много. И сразу возникла мысль, что ловили их не только для собственных нужд. Когда я поделился этой мыслью с Фредом, тот кивнул головой, я и сам так думаю. Вполне возможно, что этот корабль посылали специально для этого. Не для того, чтобы продать черепах, а для того, чтобы доставить их к курсирующей где-то эскадре.

– Изнерд в этих местах бывает редко. Да что там редко, я еще не слышал об этом.

Я посмотрел на фер Груенуа, сейчас самое подходящее время поговорить о нем. Но Фред снова углубился в себя, давая понять, что не хочет он затрагивать этой темы. Или просто не обратил внимания на мой взгляд. Ладно, это не насущно.

Вот людей нам очень не хватает. Сейчас, при попутном ветерке и хорошей погоде, мы справляемся. Но стоит лишь чуть заштормить, и могут возникнуть проблемы.

Я сам полночи отстоял за штурвалом, давая возможность

отдохнуть одному из матросов. Вместе со мной был сти Молеуен, капитан парусника из меня еще тот. Так что теперь самое время отдохнуть. На палубе возились матросы, занимаясь чем-то непонятным. И вообще Фред ходит с самым таинственным видом, еще и спрашивал что-то у Прошки, стараясь, чтобы мне не было слышно. Ну и черт бы с вами, не мятеж же вы затеваете, смешно даже. Или решили вывесить пиратский флаг, чтобы заняться морским разбоем.

Относительно флага я оказался прав, вот только совсем не в том смысле, что приходил мне в голову.

Когда я снова оказался на палубе, всё ещё позевывая, люди исподтишка поглядывали на меня, явно чего-то ожидая. Горазды же вы здесь, в этом мире, загадки загадывать.

Я взглянул за корму. Красиво. Белая кильватерная струя на фоне голубовато-зеленой воды. Посмотрел по левому борту. И здесь лепота. Остров, виднеющийся там, выглядел словно игрушечным. Песочек, пальмы и белая полоска прибоя. И все это на фоне ярко-голубого неба. Небо. Ага, вот в чем причина всей вашей загадочности. Высоко над палубой, на самом топе грот мачты трепыхался флаг. Золотистое полотнище, на котором вздыбилась черная лошадка. Ну, ну, Феррари навсегда.

И все же приятно, черт возьми. Казалось бы, такая мелочь, а вот. Теперь главное не расчувствоваться. А люди все ждали моей реакции. Что же делать?

Приказать выкатить на палубу бочонок вина? Или заявить о том, что плавание под этим флагом налагает на них высокую ответственность и покрывает честью?

И я просто сказал – 'спасибо!'.

Глава 11 Сила слова

В Ривьерне, посовещавшись, мы встали к причалу, уплатив из корабельной кассы, обнаруженной на борту новой 'Мелиссы'. Денег там оказалось немного. Либо не баловали ими капитанов своих кораблей изнердийские власти. Либо прежний капитан имел скверную привычку держать деньги в тайнике, который нам не удалось обнаружить.

Швартовались с отдачей якоря на подходе к пирсу. Пригодится, если придется срочно покидать порт. Выбираешь якорный канат, и корабль разворачивается носом на выход из гавани. А если повезет и ветер от берега, то выходить можно с уже распущенными парусами.

Еще пришлось заплатить за помощь в швартовке двум баркасам. Это не на современных теплоходах – 'стоп машина, малый назад', плюс подруливающие устройства…

Справились без моей помощи, толку с меня нет. Я же стоял и думал. Не оказалось в порту Ривеньеры 'Ажганды Гёс', ни на рейде, ни у причала. Слишком характерные у нее очертания: бизань почти вплотную к гроту, не спутать даже мне. И это было очень грустно. Либо мы ее обогнали, что маловероятно, либо она уже ушла.

Почти стемнело, но мы отправились на поиски человека, обладающего необходимой нам информацией. Дверь в здании, где размещались портовые власти, оказалась закрыта, и даже на мой требовательный стук никто не ответил.

В первой же попавшейся на глаза таверне нашелся невзрачный, с неопрятной бороденкой человечек, который за весьма скромную сумму поведал – да, действительно 'Ажганда Гёс' здесь была, но вышла в море еще утром. Куда ушла, он не знает, но если бы знал, то непременно бы нам поведал, опять за столь же скромное вознаграждение.

И Прошка потух, потух так, что на него было больно смотреть. Погоди, Проухв, есть у нас еще две малюсенькие надежды. Или нету. Но узнать об этом можно будет только завтра утром. Надеюсь, что утром мы найдем кого-нибудь из начальников порта, и он будет знать, куда именно она ушла. И еще крохотная надежда, что мы обнаружим Мириам на местном невольничьем рынке. Правда, совсем уж крохотная, надежда на то, что Мириам надоела Джоугу и он попросту решил от нее избавиться.

Словом, утро вечера мудренее.

Мы возвращались в порт прямой дорогой, проходя между

каких-то лачуг и настроение было самым поганым. До этого мне верилось, что мы догоним Джоуга и я смогу с ним договориться. Или решить дело каким-нибудь другим способом.

А сейчас я не знал, что делать дальше. Нельзя до бесконечности гоняться за Мириам, узнавая в очередном порту, что 'Ажганда Гёс' была накануне, но уже ушла. Или никто ее здесь даже и не видел. И, в конце концов, если очень повезет, встретить Джоуга и выяснить, что он уже успел от нее избавиться или проиграл в карты, кости или еще во что другое.

Когда раздался тонкий голосок, больше похожий на писк – 'Ваша светлость' – я остановился так резко, что шедший за мной Проухв чуть не снес меня с ног. Нет, мне не могло этого показаться, потому что и у Прошки был такой вид, что сразу становилось понятным: он слышал тоже.

В это время проходили под лучами света от фонаря, что висел над входом таверны, выглядевшей забегаловкой самого невысокого пошиба. Чуть дальше, под ее окнами, стояла группа мужчин. Мириам. Среди этих людей далеко не интеллигентного вида стояла Мириам. По-моему, я дважды протер глаза, настолько это было неожиданно. Один из них, с бритой головой и аккуратной шкиперской бородкой, по-хозяйски шарил у нее за пазухой, проверяя, все ли у девушки на месте.

На месте, все там на месте, сам видел. Мириам стояла затаив дыхание, глядя на меня во истину что с мольбой.

Так, их восемь человек, и все они на поясе имеют что-то из оружия. Я тоже не один, нас четверо – я, фер Груенуа, сти Молеуен и Прошка. Проухв, тот застыл, весь в напряжении, как натянутая тетива лука. Только скажи – 'ату', и сразу начнется. Но одного его будет мало.

Сти Молеуен не боец, он и пошел то с нами так, на всякий случай, как знаток нескольких языков. Конечно, шпагу в руках держать он умеет, да вот только техника в таких ситуациях необходима совсем другая и отнюдь ему не привычная.

Но все это мелочи, главное, что мы ее нашли, и теперь осталось только договориться. Если дело дойдет до денег, так я все пушки с 'Мелиссы' отдам, все до единой, а они ужас как дороги.

– Господа – обратился я ко всем, но смотрел на бородача, возомнившего из себя маммолога – мануала. Это не те люди, и дело происходит не в Империи, где закон и порядок где-то даже удивительный для текущей исторической эпохи. И то, что трое из нас носят шпаги, для них не имеет почти никакого значения. Вот здесь, в этом темном месте, куда и стража зачастую опасается заглядывать.

– Господа. Это – мое.

Вот так, именно в среднем роде, чтобы не было ничего, кроме желания собственника вернуть свою собственность.

– Эту девицу украли у меня в Гостледере. За ней мы сюда и прибыли.

Может быть, они не знают, что существует на свете такой мелкий городок, как Агуайло, но о Гостледере слышали точно. И то, что от него в Ривеньеру больше недели плавания, тоже должно о чем-то говорить.

– Я понимаю, что просто забрать ее у вас будет с моей стороны не слишком благородно. И поэтому предлагаю вам два варианта.

Вариант первый – конечно же, деньги. И второй вариант: я беру вас в свою команду. Слово за вами.

Что тут много говорить? По-моему, я достаточно ясно дал им понять, что эта девушка мне нужна, и от своего намерения вернуть ее, не отступлюсь.

И то, что я предложил им работу, тоже далеко не самая глупая мысль, люди нам нужны. В любом случае мы решали бы эту проблему завтра прямо с утра, как бы ни пошли дела дальше. Потому что мало нас, и это тоже можно назвать удачей, то, что погода нам благоприятствовала все время пути в Ривеньеру.

Эти парни – моряки, и их не спутаешь ни с крестьянами, ни с погонщиками мулов, ни с собравшимися на корпоратив горшечниками.

Разве что не нужна им работа, но и здесь есть вариант переманить их себе, посулив более высокую оплату.

Я даже воздух выпустил из легких, стараясь сделать это незаметно, когда бородач подтолкнул Мириам по направлению ко мне. Видимо, он слегка не рассчитал с силой, потому что я едва успел ее поймать. Я прижал голову Мириам к своей груди, погладил по волосам и левой рукой убрал ее за спину. Там Прошка, он в шаге за моим левым плечом, всегда так было.

Мириам юркнула за широкую Прошкину спину.

Ну вот, никакой благодарности, могла бы и спасибо сказать, и даже в щеку поцеловать. Воспитывать и воспитывать тебя еще, девочка.

Повстречавшиеся нам люди переглянулись между собой, что-то обговаривая вполголоса.

Хорошо все-таки получилось. В голове у меня вертелась еще одна заготовленная фраза, ту, что так и не стал озвучивать:

'Я забираю эту девушку себе, а взамен оставляю вам ваши жизни. Не находите, что это тоже весьма неплохой вариант?'

Звучит весьма пафосно, но как раз в духе этого времени. Вот

только тогда без крови точно бы дело не обошлось.

И раздумья их понятны. Соблазнительно конечно получить деньги. Но не выгляжу я человеком, что может выложить много денег, а мои мысли им не известны. Надо кстати, как-то решить этот вопрос, прямо завтра и решить. Встречают все-таки по одежке, и судят по ней, и не только обо мне.

Наконец один из них, все тот же бородач, спросил.

– Меня зовут Оливер Гентье, и нас интересует, на каком именно корабле господин желает предложить нам работу?

– На коутнере 'Мелисса', на котором вот этот господин, Фред фер Груенуа, имеет честь быть капитаном. Для начала вы поможете нам довести 'Мелиссу' в Империю. Об оплате мы договоримся. И еще, в Империи получите дополнительное вознаграждение. Вы – опытные моряки, а мы сейчас в них очень нуждаемся.

Еще пару минут рассуждений, причем говорили они на незнакомом мне языке. Я взглянул на сти Молеуена, но тот оставался совершенно бесстрастным, хотя язык этот он явно понимал. На что и указал мне, сделав едва уловимый жест ладонью.

О чем-то посовещавшись, Гентье сказал.

– Коутнер в порту только один. Он пришел сегодня под вечер под незнакомым мне флагом, и очень похож на один из кораблей Изнерда. Вы – не Изнерд.

И он замолчал в ожидании ответа.

А кто сказал, что мне в экипаж нужны недалекие дураки?

– Это на самом деле так. 'Мелисса' до недавнего времени имела другое название и действительно ходила под флагом Изнерда. Потом случилось так, что наш корабль погиб, и тут, как нельзя вовремя, подвернулся этот.

Что ж парни, если вы боитесь последствий того, о чем только что услышали… В таком случае расплачиваться будем деньгами, но Мириам я уже не отдам.

И снова короткие переговоры на непонятном языке.

– В этом случае обычной платы будет недостаточно – озвучил общее решение все тот же Оливер.

– Договоримся. Пойдемте, время позднее, а мы сегодня забыли поужинать. Вот за ужином все и обговорим. Мое слово, платой вы останетесь довольны.

Я шел и размышлял, как же все удачно получилось. И Мириам нашлась, и люди. Пусть и сейчас их не хватает, но восемь опытных моряков сразу… Нет, это опять удача, и как бы ее не спугнуть? А что деньги, те, что мне придется заплатить Оливеру и его людям?

Деньги – это всегда лишь средство для достижения какой-либо цели. И, должен честно признаться, средство универсальное.

Прошка шел впереди, держа Мириам за руку, и в темноте это было похоже, как будто какой-то неразумный родитель решил прогулять по ночному порту свою малолетнюю дочь.

Они разговаривали между собой, и им не было дела ни до кого, они даже голос не понизили, не беспокоясь о том, что их кто-нибудь услышит. Вернее, говорила одна Мириам, а Прошка лишь кивал головой. И вряд ли он понимал много из того, что она ему рассказывала, он просто слушал ее голос, как слушают музыку и все.

– Букашечка мой, ты не представляешь, как мне было страшно. Я ведь не выходила никуда, и даже дверь не открывала. А потом дверь открылась… А этот Джоуг, он такой злой. Ты знаешь, Прошечка, моя мама была ворожеей, настоящей колдуньей, я же тебе рассказывала. Она людей лечила, всякими травами и наговорами, и меня немножко учила. Я смеялась еще тогда, говорила, что мне такое не надо будет. Наговор особый, чтобы у мужчины ничего не получилось, если мне не захочется. Джоуг пришел, а я сидела, читала его и у него ничего не получилось. Я так боялась, что он меня своим людям отдаст, а у меня тогда ничего не получится. Потому что это как зубную боль заговаривать, у всех сразу нельзя, по одному только. Джоуг злился, и меня ударил, больно так. Он говорил, что с женщинами у него всегда все хорошо было, а я ведьма настоящая. Потом он меня хотел своему помощнику отдать, только тот отказался, Он сказал, что не хочет, чтобы у него все как у самого Джоуга было. И еще казал, что меня нужно в кости проиграть, чтобы у Джоуга все опять стало хорошо. Вот он у Джоуга меня и выиграл, тот, что с черной бородой.

Оливер, шедший рядом со мной, тоже слышал слова Мириам, и как то так получилось, что он сразу же отстал, замедлив шаги. Понятно с ним все, любому нормальному мужику немного не по себе будет, слушая такие разговоры. Или может быть от того отстал, что он сам выиграл Мириам в кости.

А Мириам все говорила и говорила, пытаясь выговорить весь свой страх, что накопился за эти дни.

– Только ты не подумай, Прошечка, у меня совсем, совсем ничего не было, честное, честное слово, ты мне веришь? – и она заглядывала ему в лицо. И тут же:

– А как твои раны, тебе сидеть уже не больно?

И даже пыталась заглянуть туда, где эти раны и были когда-то расположены.

Я шел и думал, что если даже ты и врешь все, девочка, все

равно ты ни в чем не виновата. А Прошка безумно рад был бы снова тебя видеть, даже если бы вытащил тебя из прямо борделя, потому что попала бы ты туда не по зову сердца.

И еще думал о том, что теперь все, можно возвращаться. Вот только людей бы еще, человек десять, да свежими продуктами запастись, вином, зеленью. И галет нормальных, ведь тем, что имеются, прямая дорога за борт. Потому что они из плохо обмолоченной ржи. И не потому их поменять, что привык я яствовать в императорском дворце, нет, тут совсем в другом дело.

Любит спорынья рожь, а при плохом обмолоте много ее остается, той самой, из которой потом галлюциноген ЛСД научатся добывать. Но и сама по себе она так действует, что иной раз после такого хлебушка целыми деревнями ведьм ловили.

Да еще и ядовита она, помимо всего прочего. И уж не из-за спорыньи ли клятвенно потом уверяли моряки, что видели они гигантских морских змеев, Летучих Голландцев, и прочие чудеса. В этом мире тоже хватает рассказов о всяких морских чудовищах, и причина, не та же ли самая?

С людьми Оливер Гентье обещал помочь, сразу оговорившись, что вряд ли нам получится найти их больше десятка, и это только при почти невероятном везении.

Причин тому несколько, и самая главная: 'Мелисса' – бывший корабль Изнерда. Да что у вас у всех, чуть ли колени не начинают дрожать, едва разговор зайдет об Изнерде.

Глава 12 Он всегда есть, выбор.

Утром следующего дня на борт 'Мелиссы' нагрянули гости.

Перед этим я стоял на полуюте и слушал разговор фер Груенуа с одним из его людей, Мростом. Оба они рассматривали выполненные из медного листа буквы, разложенные на палубе, которые Мрост и изготовил, и которые в сложении должны были стать названием корабля. Буквами Фред озадачил Мроста уже давно, и тот фактически только этим и занимался, начав изготавливать их еще на пути в Ривьерну.

А что, медь – материал для этой цели вполне подходящий. И обрабатывается легко, и, если хорошо надраить, сверкает ничуть не хуже золота. Буквы получились красивыми, чем-то неуловимым напоминающие готический шрифт. Вот только в слове 'Мелисса' была пропущена одна буква 'с', о чем разговор и шел.

Мрост философски заявлял, что в нехватке одной буквы нет ничего страшного, ведь мы часто сокращаем женское имя, для того чтобы сделать любимой приятно. И вообще, главное найти в любом сокращении глубинный смысл.

Ответ фер Груенуа обдумывал недолго, и его тезис звучал так:

Поскольку он полностью согласен с Мростом, то сейчас скажет Бронсу, чтобы тот Мросту кое-что укоротил.

Какой в этом смысл? Да хотя бы тот, что Мрост перестанет тратить в каждом порту все свои деньги на местных прелестниц, остепенится, купит себе дом и займется одни лишь творчеством. Что, никто не станет отрицать, получается у Мроста просто замечательно. Правда, при условии, что мысли последнего заняты только им одним, творчеством.

В его приказе будет и глубинный смысл. Из глаз Мроста навеки исчезнет блудливое выражение, и глаза его станут чистыми и ясными.

– Ты даже обнаженных натурщиц сможешь писать спокойно – подумав, добавил Фред. – А Бронс мою просьбу выполнит с удовольствием, и ты знаешь почему.

Бронс, занятый неподалеку мелкой починкой рея и слышавший весь разговор, заявил, что сделает это, причем сделает бесплатно и действительно с удовольствием, и Мрост знает почему.

Все еще припадавший на правую ногу Биглоуз, чистивший кормовую кулеврину, добавил, что он с удовольствием подержит Мроста за руки, и тот знает почему.

Бронс сказал, что и в одиночку справится отлично. Кроме того, он не хочет ни с кем делиться тем самым удовольствием.

Не знаю, что хотел ответить Мрост, уже набравший воздуха и даже открывший рот, но всех нас отвлекли шум на причале.

К борту 'Мелиссы' подкатила пара карет с сопровождающими их четырьмя десятками солдат.

Из карет высадилось несколько человек, которые поднялись по трапу и очутились на палубе корабля. Люди разбрелись по кораблю и начали оглядывать 'Мелиссу' как-то даже по-хозяйски. Мы с Фредом поспешили им навстречу.

Вот только все они старательно делали вид, что как будто бы нас и не замечают.

Так, ну и что мы здесь имеем? А имеем весьма нехорошую ситуацию, вон они как 'Мелиссу' разглядывают. Особенно тот толстячок, что самой что ни на есть благодушной наружности, он внимательно пушку разглядывает. Даже ногтем по ней щёлкнул. Милый такой толстячок с пухлыми губами и короткой шпагой. Не могу себе представить целесообразность такого оружия. Разве что, как символ, указывающий на благородство происхождения ее обладателя.

Он вообще выглядит довольно забавно. Вот только глаза. Холодные такие глаза стального цвета. И рассматривает он коутнер так, как будто прикидывает, во сколько встанет косметический ремонт, и что он будет иметь с его перепродажи.

И связано это, вероятно с тем, что не сможем мы доказать, что эта красавица принадлежит нам. Ни документов, указывающих на право собственности, ни каких либо патентов, подтверждающих наши полномочия по вопросам каперства.

И получается, что мы самые что ни на есть пираты. Вот только не в Монтарно мы, чтобы особенно на этот счет не беспокоиться.

Наверное, он думает, что ему повезло. Заходит в гавань корабль, явно изнердийский, вот только флаг на нем непонятно чей.

Что ты там, Артуа, размышлял о корявых понтах, напомнить тебе? Сердце у тебя случайно гордостью не наполнялось, при виде твоего герба, присутствующего на развевающем флаге идущего на всех парусах корабля? Что же над ним не имперский штандарт развивается, ты как будто бы имеешь к нему отношение?

Вот подойди к ним и расскажи, кто ты, и кем в самом скором времени должен стать. О приключениях своих расскажи, о том, как еле от пиратов сбежал, да и что потом было, им интересно будет послушать. Прямо сейчас и подойди.

Глядишь и проникнутся. А не проникнутся, тоже ничего страшного. Обменяют тебя в обмен на какие-то уступки со стороны Империи. Все-таки не частные люди будут этим заниматься, и, наверное, золота им стыдно будет просить.

А остальных потом можно будет выкупить, упрошу, чтобы не повесили…

Хрен вы что у меня получите, господа хорошие, даже квач с гальюна. За этот корабль люди погибли, я уж про свою царапину не говорю, из-за которой сто раз за ночь просыпаюсь, стоит неловко пошевелиться. Я теперь за это корыто на этой самой палубе костьми лягу, и не потому, что мне его жалко. Мне люди, что за моей спиной стоят, поверили и пришли сюда со мной, хотя вполне отчетливо представляли, на что идут.

Вот только бы не подвел Гентье со своими людьми. Ведь им, по сути, ничего не угрожает. Сейчас мы это и проверим.

– Фред, – обратился я к фер Груенуа, стараясь сделать это незаметно, – нужно отсечь гостей от трапа.

Заодно посмотрим и на его собственную реакцию. Я плохо знаю его людей, но и сам он мог измениться, причем измениться сильно. Если его люди и люди Оливера Гентье не будут делать того, что мне необходимо, не получится ничего.

Как будто бы нет. Фред чуть ли не визгливым голосом заорал на Бронса, что у нас был за боцмана, указывая ему на какое-то безобразие, видимое только им двоим. И находилось это безобразие у самого трапа.

Вот только перед тем как начать орать, фер Груенуа произвел манипуляцию левой кистью, прикрыв ее от гостей телом. Они, в этом мире, весьма горазды относительно жестов, не знаю даже, как им языком-то не лень шевелить. Вполне можно и без слов обходиться, при желании.

Люди Гентье на рев Бронса откликнулись тоже, и нашим гостям поневоле пришлось отойти от борта еще дальше.

Их шесть человек, гостей, и среди них офицер, командующий прибывшими вместе с ними солдатами. У него был откровенно скучающий вид, и он барабанил пальцами о кисть другой руки, положенной на эфес шпаги. Так, что солдаты?

Солдаты на берегу внимательно рассматривали что-то происходящее на баке 'Мелиссы', и делали они это для моего плана очень удачно.

Бертоуз стоит с самым индифферентным лицом там, где бы мне и хотелось его видеть. И ведь сам догадался, никто ему ни о чем растолковывал.

Вот теперь все, пора.

– Господа. – Обратился я сразу ко всем, обведя для этого их

взглядом. Некогда мне шарады разгадывать, кто у них главный в делегации.

– Господа, вероятно, вы решили встать в первых рядах штурмового отряда, иначе как это все понимать. Сейчас вы что-то такое мне скажете, на что я наверняка не соглашусь. После чего вы покинете борт корабля и отдадите приказ солдатам.

А мы будем глядеть вам вслед с робкой надеждой, что все образумится. Так прикажете вас понимать? Нет, все будет несколько иначе.

Сейчас вы пройдете, чтобы посмотреть внутренние убранства моей каюты и пробудете там до самого выхода из гавани. Там вы получите в свое распоряжение шлюпку, на которой и покинете гостеприимный борт 'Мелиссы'.

Как бы подтверждая слова о нашей гостеприимности, Бертоуз поводил стволом фальконета, установленного на вертлюге, что позволяло вести круговой обстрел.

Говорить я старался негромко, но убедительно, для чего направил ствол пистолета в живот офицера, который к тому времени перестал барабанить пальцами.

Сейчас самое важное в том, чтобы солдаты на берегу не услышали, что происходит на борту.

Не дворянское это дело, захватывать заложников, но думал я не об этом. Может быть, я тысячу раз не прав, заподозрив наших гостей в том, что заподозрил. Но, если все же прав, то затяни мы с действиями, и уже не получится ничего.

Даже если мы сумеет отбиться от солдат и отойти от причала, из гавани нам не выйти, форт там для таких целей и расположен. Пусть 'Мелиссу' и не утопят, но она успеет нахватать столько ядер и книппелей, что останется без парусов. Затем нас легко догонят и так же легко возьмут на абордаж.

И пусть нет здесь телефонов, чтобы сообщить о случившемся в форт. Но система оповещения продумана, и действует она надежно.

Только бы не солдат на берегу не потревожить, снова мелькнуло в голове.

Видеть они ничего не могут, 'Мелисса' практически в балласте, кроме того происходящее на палубе прикрывает фальшборт.

Да и встали мы к причалу в самом дальнем конце причала, где высота его была чуть ли не на уровне моря.

А вот услышать и насторожиться, и затем броситься на выручку, вполне могут.

Люди, прибывшие на борт коутнера, на несколько мгновений замерли в нерешительности, и их понять можно. Это ведь они у

себя дома и стоит только свистнуть…

Но с другой стороны смерть вот она, рядом, в паре шагов стоит, с самым решительным видом.

По себе знаю, в такие секунды жизнь кажется особенно сладкой, и очень, очень трудно сделать выбор.

А на баке развернулась безобразнейшая сцена. Один из людей Гентье устроил самый настоящий пьяный скандал. Он орал, не выбирая выражений, что его, марсового матроса, заставляют драить гальюны. Это его-то, кто знает все эти моря как пять своих пальцев, и заставляют драить гальюны! Не для того он нанялся на борт этой посудины, чтобы заниматься дерьмом. Его, на чьем счету чуть ли не дюжина гигантских акул-людоедов, которых он разорвал голыми руками, заставляют убирать дерьмо за теми, кто даже моря еще не нюхал!

Я поймал взгляд толстячка, что недавно так по-хозяйски осматривал 'Мелиссу'. Честное слово, мне даже неудобно немного перед ним стало, пусть и не та ситуация. Он смотрел на меня, и в его взгляде ясно можно было прочесть: что же ты, со своим отребьем справиться не можешь, а берешься за такие дела.

Надеюсь только, что мой взгляд тоже был достаточно красноречив.

Действительно, чего это он там разорался, и когда так успел набраться? Я ведь сегодня с утра с ним общался. Гриттер его зовут, и выглядел он вполне адекватным.

Стоявшие на причале солдаты откровенно ржали, тыкая в него пальцем.

А Гриттер продолжал орать, заявляя, что плевать он хотел на такую работу, его и на любом другом корабле с руками и ногами оторвут. И не будут на нем с вином экономить. Затем заявил, что, если ему немедленно не нальют, то он разберет эту скорлупку размером с корыто, в котором женщины стирают белье. Разберет до последнего бимса. Да и городу мало не покажется.

Затем, посмотрев на реакцию солдат, пошел на попятную, сказав, что город трогать не станет.

Вот под этот пьяный рев и солдатский гогот мы и отконвоировали аманатов в капитанскую каюту. Там усадили их за стол, и Мириам в милом таком кружевном передничке (откуда что взялось?) начала обносить их вином. Места за столом хватило всем, поскольку не было на коутнере кают-компании, и господа офицеры столовались в каюте капитана.

Вино, кстати, на вкус было довольно мерзким, в этом я успел уже убедиться. Вот только другого на борту не было. Но, как говорится, чем богаты…

И сейчас мне предстояло найти среди этих людей

подходящего человека.

С палубы мы заложников увели лихо, даже этот, как его, Гриттер, помог, отвлекая на себя внимание солдат. А вот что делать дальше с солдатами? Если сейчас выйти и заявить, что гости желают прокатиться на корабле, получится крайне неубедительно.

Значит нужно мне найти среди заложников человека, который вышел бы вместе со мной и объявил это солдатам сам. Причём должны быть соблюдены два условия: они должны его послушаться, а сам он не должен заикаться и иметь бледный вид.

Так, и кто из них соответствует? Да по сути, никто, кроме офицера, и, разве что толстячка. Но командует солдатами офицер, значит, и нужно начинать именно с него.

Вот только трудно будет убедить его отдать солдатам такой приказ, очень трудно. Выглядит он спокойнее остальных. На лице шрам, а при ходьбе прихрамывает. Отсюда вытекает, что не тыловая крыса, где-то участвовал и чего-то хлебнул. И еще шпага на боку, настоящая, боевая, в потертых ножнах. Трудно будет его заставить совершить нечто противоречащее дворянской чести. Трудно, но придется. Да и выбора нет.

Для начала выведем его из каюты, потому что на миру и смерть красна. И двух этих обалдуев поставим у него за спиной, Прошку и еще одного такого же переростка, Сотниса. Чтобы обстановку нагнетали. Может и не подействует, но почему хотя бы не попытаться.

Так, еще нужен сти Молеуен, в качестве толмача при нужде. Вот теперь все, можно начинать.

Я взглянул на Проухва, что выглядел воплощением безмятежности, даже слегка улыбался. Мне бы его нервы. Или его сознание.

– Артуа де Койн, граф – обратился я к офицеру. Если творишь какое-то негодяйство, нужно оставаться под своим именем. Это добрые дела можно делать, оставаясь инкогнито.

После секундной заминки офицер представился ответно:

– Алиан Сторк.

– Так вот, уважаемый Алиан Сторк. У вас есть возможность спасти как этих людей – я указал в направлении каюты, которую мы только что покинули – так и жизни солдат, что стоят на причале. В вашем мужестве и чести я не сомневаюсь, но разговор сейчас не об этом. Речь идет о жизни тех людей, чья жизнь зависит только от вашего решения.

Теперь секундная пауза чтобы он все осмыслил. Сейчас я ему не завидовал. Выбраться из этой ситуации с честью и живым сложно, да что там, почти невозможно.

– Я предлагаю выйти вместе со мной на палубе и сказать солдатам, что вам вместе с остальными господами взбрело в голову совершить на коутнере небольшой вояж.

Добавить еще, что его солдаты находятся под прицелом пушек корабля… но орудийные порты закрыты, как и положено, когда входишь в дружеский порт.

Ничего, фальконеты он сам видел.

Не надо ничего добавлять, все и так предельно ясн, и он отлично понимает, что мы сами себе отрезали дорогу к отступлению, и что-то менять уже слишком поздно.

Если Сторк сейчас откажется, придется подать Прошке знак, чтобы он его оглушил. Уговаривать нет смысла, только терять время.

Надеюсь, что следующий будет сговорчивее, сообразив, что Сторк уже мертв. Да я и сам ему об этом скажу, еще и Прошку попрошу рожицу ему скорчить. Это на офицера смысла нет, не подействует.

– Каковы гарантии? – Сторк спросил с таким видом, будто поинтересовался погодой на завтра.

– Мое слово. – Я выставил перед собой раскрытую ладонь с прижатыми другу к другу пальцами. Здесь так принято, когда поручаешься.

-Шлюпку вы получите даже в том случае, если после нашего отхода от причала что-то пойдет не так.

И я опять выставил раскрытую ладонь.

Ну, думай быстрее, время идет. Если тебе не дорога собственная жизнь, так подумает о других, они то здесь при чем.

– Пойдемте.

И он первым пошел по направлению к выходу из кормовой надстройки.

Вот же спокойствие у Алиана Сторка, теперь я завидовал ему.

Сторк обратился к солдатам на незнакомом языке, и я посмотрел на сти Молеуена. То лишь развел руки, не понимаю. Опять проблема, ведь кто его знает, что он им сказал. Не просить же его продублировать на знакомом мне языке, очень глупо получится.

Но нет, беспокоился я напрасно. Солдаты, подчиняясь команде местного капрала, или кто у них там старший, не заставили себя долго ждать. Они удалились строем, правда не в ногу и без песни. Капрал шел позади строя, вальяжной походкой выполнившего свой долг человека.

Уф. Теперь можно перевести дух в первый раз. Второй будет после того, как мы покинем гавань, пройдя мимо форта.

' Был бы секундомер, я бы обязательно засек время и сделал

его нормативом' думал я, наблюдая за действиями команды 'Мелиссы'.

Никогда раньше я не видел, чтобы так быстро отдавались швартовы, выбирался якорный канат, и распускались паруса.

Мимо форта мы проходили уже под полными парусами, успев поставить даже дополнительные стаксели.

Повезло еще и с тем, что с берега дул свежий ветерок, наполняя паруса и наши надежды верой в благополучный исход дела.

Лишаться шлюпки не пришлось. Мы высадили вынужденных пассажиров на какую-то фелюгу возвращавшихся с моря рыбаков.

На прощание я выразительно посмотрел на Сторка, может быть с нами? Что тебя ждет на берегу кроме проблем и неприятностей? Но тот только отвел взгляд. Последним покидал борт 'Мелиссы' толстячок, одаривший меня задумчивым взглядом. Он единственный, кроме Сторка, выглядел все время нашего совместного путешествия безмятежно спокойным. Я слегка пожал плечами, ты мне понравился, и в другой обстановке я бы с удовольствием с тобой поговорил.

Я стоял на юте, глядя на удаляющийся берег, когда ко мне подошел Гриттер. Так, вот ты-то мне и нужен. Но Гриттер сам опередил меня вопросом:

– Ваша светлость, я не переигрывал?

Вот тебе и раз, подумалось мне, когда я пожимал ему руку.

Очень хорошо, что нам удалось выбраться из Ривеньеры живыми и здоровыми. Очень. И Мириам с нами. Вот только это все хорошее, что у нас есть.

Вчера, посовещавшись с фер Груенуа и сти Молеуеном, мы приняли решение продать пару кулеврин. И пусть и цену за них дали бы весьма несерьезную, но даже этих денег нам хватило бы, чтобы закупить все необходимое в плавание к берегам Империи. Продуктов, вина, парусины, еще что-то.

Но из-за такого поворота событий мы даже пресной водой не успели запастись. Только и удалось купить, что клеть с курами. Вон они, кудахчут, живые консервы. И то лишь только потому, что вездесущие торговцы предложили их, подвезя к самому борту.

И еще люди, очень не хватает людей. Гентье говорил, что раньше полудни нет смысла искать матросов на берегу. Все они соберутся в тавернах только к обеду. Благо, что хоть все наши люди были на борту. Кто же мог знать, что все так обернется. Иначе ушли бы мы ещё до восхода солнца.

Я взглянул вверх, где трепыхалась на жёлтом клочке ткани чёрная лошадка.

Ну-ну, Артуа. Ты прикажи ее снять, мол, снова поднимем,

когда окажемся в территориальных водах Империи, где уже ничто нам не будет угрожать.

И с любым другим флагом проблемы нет, тот же Мрост исполнит его тебе в самом лучшем виде. Вот только к чему вообще было тогда ее поднимать.

Первый день плавания прошел спокойно. Ближе к вечеру мы уже не задерживали свой взгляд надолго за кормой 'Мелиссы', пытаясь увидеть догоняющий нас корабль, отдавая больше внимания пространству по курсу корабля. Люди повеселели, что-то очень неприятное, но удачно пережитое, всегда почему-то вспоминается со смехом.

Я весь световой день проходил от борта к борту, мудро поглядывая по сторонам, в небо, на паруса. Прервался только на обед и послеобеденный отдых.

Адмиральский час – на флоте дело святое. И, поскольку в это мире такой традиции еще нет, необходимо ее ввести. А как это лучше всего делать, если не собственным примером?

Поглядывать по сторонам и в небо не было никакой необходимости. Фер Груенуа – опытный капитан, а сти Молеуен – навигатор с большой буквы, в чем неоднократно я уже мог убедиться.

Так что занимался я тем, что пытался придумать убедительное оправдание неявки на собственную свадьбу.

'Любимый – скажет Янианна. – Ты за этим корабликом плавал столько времени? Как мило! Теперь их у тебя целых два! Один этот, как его… 'Лолита'.

Здесь она обязательно немного сморщит носик. Потому что считает, что назвал я его в честь одной из каких-то своих прежних пассий, и мне никак не удается ее переубедить.

'Пусть он будет мне свадебным подарком. Я прикажу его поставить на площади перед дворцом, и каждый день буду подолгу им любоваться. А глаза у меня будут блестеть от слез умиления'. –

Тут она придаст выражению своего лица самый восторженный вид.

Со свадебным подарком у меня действительно ничего не получалось. Сюрприз будет, и нисколько не сомневаюсь, что впечатлит он всех. Вот только не станет его, как только он закончится. А впечатления, оставленные им – вещь далеко не материальная, и что делать, ума не приложу.

Ближе к закату, на горизонте, стали видны паруса кораблей, идущих нашим курсом. Шли мы открытым морем, здраво рассудив, что в проливе, случись что, не будет пространства для маневра. Рассмотреть корабли не удалось, было только ясно, что

их три.

Вся ночь прошла в тревожном ожидании. Небо хмурилось, и в ночной мгле разглядеть корабли было невозможно. Когда начало сереть, все три корабля обнаружились значительно ближе. Но оставалась ещё легкая надежда, что они просто наши попутчики. Надежда растаяла, растаяла полностью, когда мы взяли мористее, и корабли изменили курс вслед за нами.

'Мелисса' резала воду на всех парусах, мы выставили всё, что могли. И, тем не менее, таинственная эскадра становилась все ближе и ближе.

Когда, наконец, удалось разглядеть флаги преследующих нас кораблей, фер Груенуа заметно побледнел.

– Это изнердийцы. – сказал он, и голос у него был каким-то потерянным.

За следующие полдня ничего не изменилось, расстояние между нами продолжало неуклонно сокращаться.

Что мы можем сделать? Да ничего. Парусов уже не добавить, 'Мелисса' не имеет на борту груза, так что и выбросить нечего. Разве что избавиться от орудий, но что это даст?

Три корабля. Два из них двухдечные, минимум сорок пушек на борту у каждого.

Третий очень похож на 'Мелиссу' и это еще четырнадцать орудий. И ничего хорошего нам не предстоит, даже если мы просто спустим паруса, сдаваясь в плен.

Мне все же удалось услышать об Изнерде, пусть и не так много, как хотелось бы. Но и того, что я услышал, было достаточно, чтобы понять – захват их корабля сродни пощечине. Но пощечине не какому-то одному человеку, а целой державе. И нетрудно представить себе последствия.

Я видел устремленные на меня взгляды, видел. И что теперь? Я вам что, бог, добрый волшебник? Что я могу в такой ситуации? Попробовать прикрыться именем Янианны, умоляя нас пощадить?

Подошел Бертоуз, взглянул на меня, и я молча кивнул головой. Через минуту по очереди рявкнула пара ретирадных кулеврин, установленных на корме.

Катастрофически не хватает людей. Бертоузу выделили всего лишь пять человек, остальные будут заняты на реях, занимаясь парусами.

Для обслуги одного орудия такого калибра достаточно трех человек. Всего трех. Но на каждый ствол. И мало будет просто достаточного количества человек. Ведь еще нужны навыки, опыт. Действия, доведенные до автоматизма.

Так, чему быть, того не миновать. Когда-то это должно было случиться, не может же везти до бесконечности. Жаль только, что

случилось это так рано.

Под взглядами людей я бросил на палубу пару абордажных кошек. Затем разрядил в сторону приближающихся кораблей оба ствола своего пистолета. Взял в руки пороховницу и всыпал в стволы порох. Всыпал много, не жалея. Прошка дёрнулся и снова застыл. Знаю Проухв, знаю.

Стволы могут не выдержать такого заряда. Вот только понадобится нам всего лишь один выстрел. Насыпал пороха на полки замков и положил пистолет на бухту пенькового каната перед входом в крюйт-камеру. Все.

Затем развернулся и по очереди посмотрел в глаза окружавших меня людей. Выбор всегда есть, вот только примите ли вы его именно таким?

Глава 13 Костыль из золота

Так, парни, все, что вы сейчас увидели, придумано не мной. Много лет назад, (это для меня много лет, а для вас и непонятно когда, много, мало или еще вовсе не произошло) на подобном корабле сложилась похожая ситуация. И именно так на нем лежал пистолет у входа в крюйт-камеру. И они выстояли, выиграли свой бой с многократно превосходящим их противником. Адмиралы, офицеры самых могущественных тогда флотов отказывались поверить в случившееся. Уж кому как не им было знать, что такое невозможно. И пытались объяснить невероятно благоприятным стечением обстоятельств, еще чем-то.

Да какая теперь разница, почему это произошло. Разве главное в этом? Главное в том, что пистолет лежал у входа в крюйт-камеру.

И еще, на могиле офицера, командующего этим кораблем, высечено – 'Потомству в пример'. А я, как не крути, тоже вроде бы как один из его потомков.

Но как ко всему этому отнесетесь вы?

Нет, взгляда отводить не стал как будто бы никто.

К пистолету подошел Фред, взял его в руки, внимательно осмотрел состояние кремней, затем положил на место и прикрыл снятым с себя камзолом. Разумно, пистолет не намочит водой. Затем подошел ко мне и встал рядом. А я продолжал рассматривать стоявших напротив людей.

Хорошие люди, пусть и меньше всего они похожи на ангелов. Особенно это относится к тем, кто пришел вместе с Оливером Гентье. Становится смешно, когда пытаешься представить их в виде добропорядочных граждан. Нисколько не сомневаюсь, что за свою жизнь они видели и творили такое…

Вот только заставь тех самых ангелов карабкаться на мачты в жестокий шторм, когда даже на палубе устоять на ногах почти невозможно. На мачты, высотой в добрые тридцать метров, тогда, когда корабль почти касается ноками рей воды то одним, то другим бортом…

И ведь туда нужно не просто забраться, там работать надо. Тянуть сжатыми до судороги пальцами вырывающуюся парусину, бороться со всеми этими шкотами и гитовами.

Или прыгать на палубу вражеского корабля, даже не слыша грохота боя из-за собственного рева, прыгать прямо на клинки сабель и стволы ружей противника… Это про них у нас было сложено: сам черт не брат. Здесь говорят по-другому: тигру в пасть плюнет.

И много в этих двух выражениях разницы?

Не потому ли они так охочи до всех тех радостей жизни, что ждут их на берегу?

Ладно, это все лирика. Что мы тут имеем во всех смыслах сразу?

Сначала о плохом и грустном.

Нам не оторваться. Если бы могли это сделать, то сделали бы это еще ночью. Они настигнут нас до того, как наступит темнота. В темноте мы могли бы сменить курс, и, если бы повезло, и ночь была бы такой же непроглядной, как и предыдущая, они бы не заметили нашего маневра.

Времени до утра хватило бы, чтобы скрыться за горизонтом.

Вероятно, нам следовало сделать такой ход еще прошедшей ночью, но что сделано, то сделано.

'Мелисса' – не самый ходкий корабль и с этим не поспоришь. В этом нам не повезло. Как и не повезло в том, что наткнись бы мы на ту бухту через пару-тройку дней, корабль там бы еще стоял. И к этому времени его команда уже успела бы закончить кренгование. То есть, очистила подводную часть корпуса от всех этих ракушек и водорослей. Словом, от всего того, чем так быстро покрывается днище кораблей в теплых морях, и что так сильно тормозит их ход. Об этом мне сказал фер Груенуа, когда я спросил о целой куче непонятных инструментов, обнаруженных мною на палубе следующим утром после захвата. Вероятно, корабль и зашел в уютную лагуну для того, чтобы сделать кренгование. Ну и черепашками решил запастись.

Кроме того, 'Мелисса' имеет усиленный корпус, что обязательно поможет при попадании в него ядром. По крайней мере, надеюсь на это. Вот только масса от этого увеличилась. Ну и грот с косыми парусами, что хорошо для управления кораблем и не очень для его хода.

О плохом достаточно. Что у нас есть хорошего? Обязательно что-то должно найтись.

На корме, перебивая мысли, грохнули обе кулеврины. Это Бертоуз их осваивает. Расстояние до вражеских кораблей еще велико, и ядра не преодолевают даже половины дистанции.

То-то, наверное, веселье стоит на преследующих нас кораблях.

'Сейчас мы испугаемся и отвалим в сторону' – усмехаются изнердийцы, и я их понимаю.

И хорошего у нас только одно – они не станут топить 'Мелиссу'. Их никто не поймет, да они и сами не смогут найти себе оправдание. Их корабли имеют лучший ход, и людей у них в десятки раз больше.

Догонят, оставят пушечными выстрелами коутнер без парусов, картечью сгонят всех нас с палубы и отправят шлюпки с абордажными командами. Им даже швартоваться не будет необходимости.

Топить нас не будут, и это значит, что у нас есть время побарахтаться.

Опять два выстрела с кормы. Забавляйся, Бертоуз, забавляйся. Пороха не жалко, все равно не успеем весь его выстрелить. А в крюйт-камере пороха хватает. Хорошего качества, кстати, порох, гранула к грануле. И гранулы отшлифованные и одной величины. Что говорит о том, порох вспыхнет равномерно.

-Ваша светлость, может быть, можно что-то сделать?

Это Прошка. И глаза у него с такой надеждой смотрят. Не за себя он беспокоится, Мириам ему жалко. Та, бедная, ходит, не отрывая глаз от пола, вернее, от палубы.

Тяжело Мириам, знает ведь, что все проблемы из-за нее.

– Конечно, Проухв. Сейчас черепашек на волю выпустим. Знаешь, сколько они живут? По триста лет, а то и больше. Нас давно уже не будет, а они все будут рассказывать своим детям о нашем милосердии – не стал разочаровывать я парня.

Вот что Фред, не смотри не меня так. Со мной такое бывает, ты уже должен был привыкнуть. Не хотят, значит, в сторону отваливать? Ну-ну.

– Давай – сам себе скомандовал Гентье и выбросил за борт какой-то тюк. Последний час люди только тем и занимались, что относили на ют корабля всякий хлам и выбрасывали его за борт. Хлам быстро закончился, и потому в воду начали лететь и вполне ценные вещи. Не до них, сейчас на всех ценность одна. Вернее, у каждого своя, но разве бывает ли что-нибудь дороже собственной шкуры?

Мы облегчили 'Мелиссу' не менее чем на тонну, но преследующие нас корабли приближались так же неумолимо, как беспощадно истекают последние часы жизни у приговоренного к смертной казни узника.

Фер Груенуа как-то особенно посматривал на небо, море, втягивал в себя воздух, чуть ли не пробуя его на вкус языком. Пару раз он о чем-то коротко переговорил со сти Молеуеном, имевшим тоже весьма загадочный вид.

На палубе возились Гриттер, Бронс, еще пара человек, сооружая нечто похожее на небольшой плотик. Один был уже готов, но нам их нужно три. Больше делать даже не стоит. Возможно, хватит и одного, но, вполне вероятно, что не поможет и десяток.

Ветер переменился внезапно. Вернее, внезапно для меня, но

никак не для фер Груенуа и сти Молеуена. Иначе, зачем бы они чуть ли не час назад послали марсовых на мачты? И теперь оставалось только подать команду. 'Мелисса' послушно накренилась на правый борт, ложась на новый курс.

Ай да молодца, Фред, ай да молодца! Ведь он предчувствовал изменение направления ветра, предчувствовал. И не проведи мы вовремя этого маневра, то сейчас бы ветер стал бы чуть ли не встречным. Что и произошло с преследующими нас кораблями.

В принципе, ничего страшного для них, и ничего спасительного для нас. Мы всего лишь выиграли час, возможно два. А до заката еще далеко, ох как далеко. И наши противники, вероятно, тоже посматривают на небо, желая покончить с нами до темноты.

Я как в воду посмотрел, потому что один из их кораблей, такой же коутнер, как и наш, резко прибавил ходу. По-видимому, до сей поры он просто держался в тени других кораблей, а теперь, починяясь приказу, пошел под всеми парусами. И расстояние между нами стало стремительно сокращаться. Жаль, что именно этот коутнер не оказался в наших руках.

Судя по взгляду Фреда, он думал о том же. Ничего, фер Груенуа, будет у тебя корабль, быстрый как зигзаг молнии, смазанный салом, обязательно будет. Нам бы только все это пережить.

На носу догоняющего нас корабля появилось два облачка дыма, затем донесся грохот выстрелов. Глядите-ка, а ведь и действительно ядра в полете можно увидеть. Вот только к дьяволу бы мне надо было в этом убеждаться.

Недолет.

Ядра упали в воду, не долетев приличного расстояния. Ничего, лиха беда начало. Сейчас они подойдут поближе, поравняются с нами, убедятся, что мы даже залпом не можем отвечать, и начнется самая потеха.

Так, наш ответный ход.

Черт бы тебя взял, Бертоуз! Когда мы вернемся в Империю, я самым первым долгом закажу тебе у Гростара золотую трость. И обязательно настою, чтобы на бриллиантах он не экономил.

Снова грохнули обе наши кормовые пушки.

Бертоуз, быть тебе ворошиловским стрелком, первым в этом мире. И значок у тебя будет не самый завалящий, как раз в пору твоей клюке из золота с каменьями.

Положить во вражеский корабль три ядра из четырех!

Получается, что недаром ты все это время кулеврины обласкивал. Ядра по одному отбирал, осматривая их, взвешивая на руках, примеряя по диаметру орудийного ствола, и разделяя

на две неравные кучки. И порох из бочек чуть ли не на язык пробовал, заполняя ими мешочки, те самые картузы, пошитые Мириам со скоростью швейной машинки.

И пусть никаких больших разрушений вражескому кораблю эти попадания не принесли, не рассыпался он со страшным грохотом, распадаясь на куски, но как уважать нас заставил, а?

Коутнер резко отвалил в сторону, спасаясь от обстрела.

Так, что-то долго мы мусор за борт не выбрасывали, засмотревшись на чудеса Бертоуза.

Теперь пару полупустых бочек. Пусть изнердийцы порадуются, если умудрятся выловить их на полном ходу. В каждой из них вина почти наполовину, хоть и довольно дрянного на вкус.

На догоняющих нас кораблях этим занимаются, тем, что пытаются выловить выброшенные за борт предметы, убедившись, что мечем мы все подряд. В трубу хорошо видно.

А вот сейчас пора отправить за борт выглядевшее довольно нелепым сооружение из бочки, парусины и досок.

Осторожнее парни, осторожнее. И с Богом. Еще и сплюнуть на удачу.

Бочка, поначалу полностью исчезнувшая подводой, вынырнула, заставив нас облегченно вздохнуть. К ней ядро привязано, для того чтобы она плыла не на боку, и мы опасались, что перестарались с грузом.

Мы стояли в напряжении, отчитывая секунды. Все, время давно закончилось, и как бы сдержать вздох сожаления? Но именно в этот момент, когда бочка проплывал мимо борта корабля у самой кормы, грохнуло.

Следовавший за нами в кильватере корабль повело в сторону.

Парни, я и сам бы с удовольствием заорал от радости, вот только положение не позволяет.

Так что придется сделать невозмутимый вид, мол, какие пустяки.

Долго мы к этому приучали, выкидывая всякий хлам с кормы в кильватер. Они даже пытались ловить его. Вот было бы удачно, если бы и наш подарок выловили кошкой, и подтянули к борту. Но и в нашем случае все получилось все как нельзя более удачно.

Корабль лег в дрейф, освобождая реи от парусов. Ха, так у него и дифферент на корму присутствует. Очень удачно, очень. Нет, как же мы хорошо длину фитиля рассчитали, а? И пусть нет в бочонке с порохом никаких поражающих элементов, но про гидродинамический удар тоже не надо забывать. Я вас заставлю такие термины наизусть выучить!

Минус один, и это железно. Когда он сможет продолжить

погоню, мы уже будем далеко. Надеюсь только, что это 'далеко' не окажется под ногами, на дне.

Давайте парни, давайте, опускайте за борт следующий номер нашей программы. Только осторожней, осторожней, правда, теперь уже по другой причине. На этот раз плотик не отправится в свободное плавание, он будет волочиться за нами на буксире.

Дьявол, какой же утюг, эта 'Мелисса'. Какого черта нужно было делать ей такие толстые борта, наращивая их из дуба. Если и должно быть в чем преимущество кораблей такого типа, как коутнер, так это в скорости. Что он, дредноутом после этого стал?

Теперь нам необходимо, чтобы плотик все время оставался между нами и преследующим нас кораблем, тем, что имеет два дека, сорок орудий и сотни три экипажа. Может и не три, но за две точно перевалило.

Второй держится в стороне, не пытаясь сойтись на дистанцию стрельбы из орудий. Но и нам до тебя сейчас, это точно.

Тот, что все еще у нас по корме, пытается достать из погонных орудий. Было уже несколько попаданий, но пока все складывается удачно. В парусе дыра, разбита стоящая на боканцах шлюпка, и в кормовую каюту ядро залетело. Та что, считается капитанской. Хорошо, что меня там не было.

По сути, каюту должен был занять фер Груенуа, но он любезно уступил ее мне. По другой сути так и должен быть, я ведь являюсь кем-то вроде адмирала, пусть и свадебного.

И в связи с этим приходится не склонять голову под шелестом летящих в нас ядер, хотя и очень, очень хочется. Но нельзя, и приходится стоять с самым невозмутимым видом. Потому что поглядывают на меня люди, и я своим видом должен им внушать, что все нормально, все идет по плану и остается всего лишь немного подождать.

Хотя какие тут, к морскому дьяволу, планы. Если мы до сих пор не получили серьезных повреждений, то только потому, что пока еще нам невероятно везет.

А леди Удача – особа весьма ветреная. Сидит себе сейчас на топе грот-мачты 'Мелиссы' и с улыбкой на нас посматривает. Затем взбредёт ей в голову и перепорхнет она на мачту одного из преследующих нас кораблей.

Как бы в ответ на мои невеселые мысли, очередное ядро с грохотом ударилось в ствол той самой грот-мачты, и, срикошетив от нее, убило человека. Одного из тех, что пришел с Гентье.

Как в эти времена происходят морские сражения?

Все искусство капитан кораблей заключалось в том, чтобы занять относительно ветра выгодную позицию. Порой по несколько часов, а то и дней, лавировали корабли именно с этой

целью. Затем сходились на половину дистанции пистолетного выстрела, и следовал залп все бортом. А самое страшное – это подставить под пушечный залп корму корабля. Даже тем монстрам, чьи борта толщиной в метр, обшиты дубовыми досками, а порой еще и медными листами.

Потому что при повреждении рулевого устройства корабль становился игрушкой ветра и волн. Кроме того, на корме мостик, зачастую крюйт-камера…

Нам же приходится подставлять свою корму, потому что нет у нас другого выхода. И где гарантия, что следующее ядро не расколет в щепки перо руля или не перебьет штуртрос?

Так, нужно думать о чем-то другом. Потому что плохая обнаруживается закономерность. Ядро ударило в корму корабля, и я с беспокойством посмотрел на рулевого. Нет, пока все хорошо, цел руль, цел.

Вот только думать о чем другом необходимо. Например, о том,… что сейчас на наших врагов нападет ужасный Кракен местных морей.

Так Фред, моя улыбка предназначена для того, чтобы подбодрить экипаж.

Мы уже отправили за борт часть пушек, начав с носовых. Мера бесполезная, 'Мелиссе' выйти на редан не удастся.

И снова я всё для той же цели улыбаюсь, Фред.

'Давай!' – в один голос заорали мы с фер Груенуа Гриттеру, стоявшему у вьюшки, чтобы тот выбил стопор. Вьюшка бешено закрутилась, отпуская в море за кормой буксирный канат.

Шедший за нами по корме сорока пушечный изнердиец поворачивался лагом. И такое могло случиться только по той причине, что он решил произвести залп всем бортом. Он пристрелялся погонными орудиями, а их у него целых четыре.

И дистанция для залпа самая подходящая…

Все, буксирный канат вытравлен полностью, но его длины явно не хватает.

'Дергай!' – снова в унисон прокричали мы с фер Груенуа. Гриттер наматывал на локоть линь с такой скоростью, что движения его рук слились в смутное пятно. Дергать ему не пришлось, потому что 'Мелиссу' подняло на волне и этого оказалось достаточно.

Взрыв поднял столб воды. Весьма не маленький столб, должен признать. Но расстояние до изнердийца оказалось слишком велико, и, в лучшем случае, корабль просто окатило водой.

'Мать твою, да как здесь можно сохранить каменное лицо', – думал я, наблюдая за летящими в нас ядрами. – 'Ведь они же

полнеба закрывают!'

'Мелисса' вздрогнула, принимая на себя груз попавшего в нее чугуна, и даже как-то жалобно скрипнула, честное слово.

Пронесло.

Несколько новых дыр в полотнищах парусов, что-то разбило вдребезги, но ничего критичного. И можно выдохнуть воздух, в котором уже не осталось кислорода.

На корме завозилось несколько человек, опуская на выстреле плотик, третий и последний, наш плотик.

Спускали осторожно, самодельное спускное устройство из пары ружейных кремневых замков было ненадежным даже на вид. Но ведь один раз уже сработало отлично.

И теперь нам остается держать этот плотик между нами и преследующим нас кораблем. Эффект они видели, и, надеюсь, он их впечатлил.

Да, мы всего лишь тянем время, отсрочивая неизбежное. Но мало и что может произойти. В самое последнее, во что верят люди, так это в чудо, да и что им еще остается? И так хочется, чтобы оно произошло!

Так. Что это? Неужели? Господи, неужели?

Мы все стояли, затаив дыхание, и боялись верить в происходящее.

Корабли изнердийцев ложились на обратный курс.

Хлопнула наша кормовая пушка, задранная стволом чуть ли не в небо. Она осталась одна, у второй давно уже был разбит лафет прямым попаданием ядра, убившего при этом двух канониров.

Есть! Наш прощальный подарок Изнерду. Пусть и очень скромный, но на вражеском корабле его оценят.

Да, Бертоуз. Ты проклинать меня будешь из-за своего костыля, вернее от его веса, столько на него пойдет золота.

– Право на борт. Правь на коутнер. – Заявил я рулевому, перехватив недоумевающий взгляд фер Груенуа. Успокойся Фред, знаю я, сколько нас всего, и разум от счастья у меня не помутился.

Я оказался прав. Коутнер Изнерда уходил от нас на всех парусах. Вы там внимательно флаг, что реет над нашим кораблем, запомнили?

Горящий золотом в лучах заходящего солнце, потому что сделан он из парадной парчовой скатерти бывшего капитана корабля.

Изнердиец, убегая, плюнул в нас пушечным залпом. В 'Мелиссу' попало всего пара ядер, и одним из них убило Бертоуза.

Я стоял над его телом и думал – не зря говорят умные люди,

что понты – они и есть понты, и ничего больше.

Что мне стоило просто пойти прежним курсом, гордо удаляясь от противника.

Ведь они и так покрыли себя позором. Вскоре об этом узнают все, и тогда произойдет то, что обычно и происходит в таких или подобных случаях. Изнердийцев станет больше, нас еще меньше, и, вероятно, мы даже потопим половину их них.

На корме раз за разом дергал линь Гриттер, но взрыва не происходило. То ли вода намочила кремни, то ли сделанное впопыхах устройство для воспламенения пороха подвело… Хорошо, что выяснилось это сейчас, когда ничто на свете не имеет значения.

Подошел фер Груенуа и сжал мое плечо.

– Пойдем, Артуа, он сам мечтал о такой смерти. Пойдем.

Пошли Фред, пошли. Вот только никак не могу представить, что можно мечтать умереть вот так. Лежа на залитых собственной кровью досках палубного настила с развороченным пушечным ядром телом.

-Руби канат! – крикнул Фред Гриттеру.

И верно, не стоит рисковать. Кто его знает, как поведет себя наша плавучая мина, подтяни мы ее к борту. И нет смысла экономить на парах сотнях метров веревки. Мы и так сегодня спасли самое ценное, что у нас есть. Почти все спасли.

Глава 14 Родина – мать

-Рассказывайте, фер Груенуа, рассказывайте – сказал я Фреду.

Мы сидели в капитанской каюте с бокалами вина в руках. Ставить их на стол не было смысла, потому что следующий же резкий скачок 'Мелиссы' отправил бы их туда, куда они все время и стремились – на ковер, покрывавший палубу каюты.

Шторм продолжался четвертый день и успел уже порядком осточертеть.

'Мелисса' шла под штормовыми парусами кормой к волне, унося нас в противоположную от Империи сторону.

Фер Груенуа и я не так давно спустились с мостика, отстояв ночную вахту. Сменили нас сти Молеуен с Оливером Гентье, дав возможность отдохнуть.

Фред говорил, что жестокие шторма в этих местах не редкость. Налетают они, как правило, внезапно, но так же внезапно и исчезают. Вот только редко когда длятся более суток.

Ничего удивительного, фер Груенуа, ничего удивительного.

Не так давно нам необыкновенно повезло, и теперь, чтобы сохранить равновесие, высшие силы или сам Создатель, решили устроить нам такое испытание.

Вечером, когда мы поднялись на мостик, Фред все посматривал на меня исподтишка, стараясь, чтобы я не заметил его взглядов. Сначала я связывал это с недавно произошедшими событиями, но потом понял: он пытался определить, укачивает ли меня? И что столько времени смотреть, это сразу понятно.

Приходилось мне бывать в подобных переделках. Когда приходится спать, расклиниваясь в кровати. А, для того чтобы проглотить несколько ложек варева, что повар умудрился каким-то чудом приготовить, необходимо дождаться краткого мига, когда корабль замрет, вскочить на полусогнутых ногах, держа тарелку на ладони и быстро, быстро метнуть в рот немного ее содержимого. Затем палуба обязательно пойдет вверх или вниз, кренясь при этом на бок, и на следующие несколько минут можно успокоиться. Так что и в этом я не Нельсон.

Вот Прошку да, его действительно укачало. Проухв лежал с бледным, как сама смерть лицом, а Мириам пыталась накормить его сухариками и кислыми огурчиками. От другой пищи, говорят, тошнить начинает еще сильнее.

Что даже немного удивительно. На лошадке иной раз за день так натрясешься, как будто в шторме побывал, а он к верховой езде человек привычный.

С другой стороны летел я как то на кукурузнике не в самую

летную погоду. Так еле пережил два часа полета, до того худо было, особенно когда самолет проваливался в воздушные ямы. Чего никак от себя не ожидал. Так что подвиг вот он, рядом, и для него даже не нужно побывать в Ревущих сороковых широтах.

Будет рядом, хотел я сказать. Потому что в этом мире даже до самых архаичных кукурузников еще монгольфьеры, воздушные шары и полеты отвесно вниз с колокольни, с самодельными крыльями в руках.

'Мелисса' резко подалась куда-то в сторону, словно объезжая внезапно возникшее на пути препятствие, и ещё вверх, как будто заодно задумав взлететь.

И выбрала она для этого не самый подходящий момент – я пытался покончить с содержимым бокала одним большим и решительным глотком.

Хорошо, когда друг рядом. Он и надежное плечо подставит и похлопает ладонью между лопаток, помогая восстановить дыхание. Вот только моя белая рубашка оказалась безнадежно испорчена. Единственная не ношенная и по размеру, что отыскалась среди трофеев. Что настроения нисколько не прибавило.

Рассказывай, Фред, рассказывай. Не обращай внимания на такие мелочи.

– Поначалу все шло замечательно, Артуа. Ты даже не представляешь, каким замечательным кораблем была та 'Мелисса'! При свежем попутном ветре мы спокойно делали одиннадцать-двенадцать лиг! А как она слушалась руля!

Я дам тебе покомандовать своей 'Лолитой', Фред, когда до нее доберемся.

Ты сейчас как будто бы про нее рассказываешь. И еще тебе понравится то, что четырнадцать лиг 'Лолита' делает как бы играючи. Так что не отклоняйся от темы.

– Проблемы начались после месяца плавания. Сначала команда подцепила какую-то болезнь в Чемприо, порту королевства Либинстрод, куда мы зашли пополнить запасы воды и продуктов. Я потерял от этой болезни треть экипажа. Треть, де Койн. Да и сам еле выкарабкался, наверное, лишь благодаря этому.

Фред щелкнул ногтем по зазвеневшему бокалу.

Достойное мужское лекарство, фер Груенуа. Не будь его, нам пришлось бы значительно сложнее в этой жизни.

– И мне пришлось нанять матросов. – Фред покачал головой. – По сравнению с ними люди Гентье выглядят просто ангелочками. Затем мы снова пошли на запад, пока не уперлись в эти чертовы скалы.

Представляешь, как будто вершины какого-то великого горного хребта показались из воды. Камни, одни камни. Никакой растительности, только голые камни. И миллионы птиц. От них темнело небо, когда они взлетали. Мы пытались найти между ними проход на запад, но все было тщетно, и тогда приняли решение идти дальше на юг. Затем нам встретились острова, много островов. На моих картах острова не были обозначены, и я решил назвать их архипелагом императора Конрада III.

Ну что ж, Фред. Будь император Конрад жив, он оценил бы это. Люди умирают, а названия остаются и живут еще долго, долго. Говорят, что люди живут столько же, сколько живет память о них. Так что покойный император достойно оценил бы такой подарок, он был весьма неглупым человеком.

– Как ты думаешь, де Койн. – Фред посмотрел на меня. – Император давно мертв, может быть, мне стоит назвать эти острова именем императрицы Яниании?

– Я думаю, что императрице будет очень приятно, фер Груенуа.

'Она живой человек, такой же, как и мы с тобой, и очень любит получать подарки. Да и кто их не любит?' – подумал я.

– Фред, а карты у тебя остались? Ведь без них твой подарок будет лишь пустыми словами.

– Ты знаешь, Артуа, да, имеются. Правда, я восстановил их по памяти, но за точность ручаюсь. Никогда не мог пожаловаться на плохую память. Иногда даже сожалею об этом, поскольку кое-что мне хотелось бы забыть, забыть навсегда.

Карты – это действительно важно, и сейчас, и потом. Иначе будет сложно доказать, что право открытия новых земель принадлежит Империи.

Мне захотелось поинтересоваться у Фреда, не называется ли какой-нибудь остров именем фер Груенуа, но я передумал. Он сейчас не в том настроении, чтобы по достоинству оценить мою шутку.

И еще, обязательно будет нужно послать на эти острова экспедицию, основать там факторию, что ли. Было бы неплохо получить эти земли во владения. Не мне лично, конечно же, просто добавить их в имперскую корону.

Иначе какая-то не очень правильная империя получается – ни одной колонии не имеет.

Исторически Империя никогда не являлась великой морской державой. Может быть, потому что своих земель хватало с избытком, и их ещё предстояло заселить и освоить. И собственных сырьевых ресурсов хватало тоже.

Флот был, флот довольно большой, решающий локальные

задачи. Например, такие, как защита торговых путей в принадлежащих ей водах, или охрана побережий, борьба с контрабандой, наконец.

Вот только применить его для демонстрации имперской мощи вряд ли получится.

Развитие любой цивилизации напрямую от международной торговли, так было, так есть и так будет. Цивилизации, существовавшие долгое время в изоляции, с удивлением обнаруживали свое отставание от внешнего мира, иногда безнадежное. Если им хватало ума этого понять.

И неважно чем идет торговля, хлопком, хлебом или технологиями, ведь все равно всегда касалось последних.

Так что Империя должна, просто обязана иметь могучий военный флот. Чтобы знали те, кто будет смотреть на ее торговые суда, бороздящие все моря и океаны, что у Империи дли-и-иные руки. И что она обязательно дотянется ими туда, где обидели ее граждан.

Это вообще вопрос первостепенный, в этом и заключается главное могущество любой державы. Чтобы, не прикрываясь экономическими или политическими интересами, она наказывала тех, кто посмел на это решиться.

Как бы я был горд, если бы так было у моей уже бывшей родины. Я закрыл бы глаза на многое другое, и любил бы её такой, какая она есть. Родина недаром зовется – мать, но как же плоха та мать, что позволяет чужакам обижать ее детей.

Перед самым моим отплытием в Монтарно, Коллайн приготовил подробный доклад о внешней торговле, из которого было ясно, что многие товары я являются предметом импорта. В этом нет ничего страшного, вот только занимаются этим сплошь купцы-чужеземцы.

Так что будет у Империи могучий флот, обязательно будет. И мы не просто построим огромное количество кораблей из сырой сосны, в усмешку всему остальному миру. Нет, у нас все будет по-другому. И нужно это не мне.

У нас с Яниannой родится ребенок, и очень надеюсь, что не один. Вот для них и буду делать.

Так, все об этом, стратег доморощенный. Мы здесь не для этого собрались.

Фер Груенуа задумался тоже. Увидев, что я снова смотрю на него, продолжил.

– Ты не представляешь, Артуа, что это были за земли! Казалось, что после своей смерти мы попали туда, куда попасть не заслуживаем. И люди, какие там люди! Они дикари, наивные дикари, у них даже железа нет, только острые камни и палки,

обожжённые на огне.

Но они веселые, открытые, и полные той радости жизни, что мы так давно растеряли. Мы провели там две недели, и, когда уходили, на глазах многих из нас блестели слезы. Потому что так бывает раз в жизни, Артуа. –

С таким я расстался с тобой почти три года назад, Фред. У тебя также блестели глаза, когда ты рассказывал мне о предстоящей экспедиции. Вот только седины у тебя тогда совсем не было. И в глубине глаз не жила боль.

И мне не хочется рассказать тебе, что у нас на одном из островов такого тропического рая съели Кука, а другие обезлюдели, после того, как на них побывали пришельцы. Обезлюдели от гриппа, от которого у аборигенов не оказалось ни малейшего иммунитета.

– Мы шли все дальше на юг, а рифы не заканчивались и не заканчивались. Да и какие это рифы. Самое точное сравнение, это как будто из-под воды вылезли вершины гор.

Или наоборот, Фред, земля скрылась в пучине вод, оставив только вершины гор.

– Однажды, прямо по курсу, открылась земля, и она занимала всю видимую часть горизонта. Вот тогда я и потерял свою 'Мелиссу'.

Фред замолчал, чтобы наполнить бокал вином из бутылки. Мы обнаружили их пару дюжин, когда в очередной раз пытались найти деньги, спрятанные в капитанской каюте. Вино было чуть лучше того, хранилось в бочонках, но сейчас у нас даже дворника не имелось, так что выбирать не пришлось.

– Понимаешь, Артуа, невозможно было предугадать такое – он словно оправдывался. – Мы шли только под брамселями и кливером, а на салинге был впередсмотрящий. Наверное, там на все море только один подводная скала и была, и нам посчастливилось наскочить именно на нее.

Это судьба, Фред, а с ней не поспоришь, при всем желании не поспоришь. У нас для такой ситуации есть даже специальный термин: 'из-за неизбежной на море случайности'.

– Море было спокойным, и спаслись все. Добрались до берега и вот там…

Представляешь, Артуа, меня, в чьих жилах течет благородная кровь известных на всю Империю предков, обратили в раба. Обратили словно последнего смерда! И чем я только не занимался! Месил ногами навоз с соломой, пас скот, ковырялся в земле…

И все это для того, чтобы вечером получить немного вонючего мяса с куском просяной лепешки. Так прошло

несколько месяцев, но однажды, на праздник, все перепились. Насколько я понял, торжества были связаны с расположением звезд на небе. Что-то куда-то зашло, а что-то наоборот, показалось. Вот тогда нам и удалось сбежать. Удалось не всем, потому что многих из моих людей увели неизвестно куда.

Нас было двенадцать. Со мной ушли Дерк, Биглоуз, еще Тергиль и Сайес, двух последних ты должен помнить.

Да, я помню этих людей. Особенно хорошо мне запомнился Сайес. Я так думаю, что и он должен был хорошо меня запомнить. И всякий раз, когда смотрит на себя в зеркало, вспоминать снова.

– Нам удалось добраться до берега моря. И надо же, после нескольких дней пути по ночам, нам посчастливилось увидеть стоявший возле берега на якоре корабль. Конечно, если бы мы знали, чей он, то бежали бы быстрее, чем от своих прежних хозяев. Но мы тогда радовались, радовались как дети.

– И чей же это был корабль, Фред?

– Это был корабль Изнерда, де Койн. И снова все повторилось. Надо же такому случиться, трюмы этого корабля были битком набиты невольниками. И мы сами пришли в руки работорговцам.

Я пытался объяснить, что, если сообщить в Империю, то за меня дадут выкуп, большой выкуп, такой, какой они сами и назначат, – словно опережая мой вопрос, сказал Фред. – Но они только смеялись. Затем нас продали на невольничьем рынке, уже в Гвартрии.

– В Гвартрии?

Помню, был такой момент в моей жизни, когда я очень стремился туда попасть.

– Ну да, де Койн. Так именуют эту страну в Империи. Сами же они называют ее Изнерд.

Вот теперь многое становится понятным. А я ломал себе голову, что же это за неведомая мне держава.

Гвартрия, вернее, теперь уже Изнерд, больше всего была известна в этом мире своим могущественным флотом. Благодаря этому она контролировала чуть ли не все морские торговые пути у восточного побережья материка. Далеко не забесплатно, конечно, контролировала. Дело, в принципе, хорошее и нужное, вот только почему тогда пиратство не искоренено? Иначе получается не контроль, а морской рэкет – ты мне платишь, а я ни за что не отвечаю. В общем, хорошо пристроилась.

В Изнерде был самый большой невольничий рынок, кроме того, практически вся контрабанда в Империю приходила именно оттуда.

И политическое устройство в Изнерде было не совсем

обычным. Для этого мира и для этого времени, естественно. Несколько наиболее значимых семей принимали решения, основываясь на принципе коллегиальности.

Фред, успев подхватить слетевшую со стола при очередном скачке 'Мелиссы' массивную трезубую вилку, продолжил.

На невольничьем рынке их купили. Купили гребцами на галеры. Незавидная участь, век у гребцов весьма не долог. Редко кто выдерживает этот адский труд больше трех-четырех лет.

Что характерно, в этом мире галеры все еще были распространены. Не повсеместно конечно, только в тех местах, где по-другому решить вопрос было бы крайне затруднительно. Существовало множество уголков, где россыпи островов разделялись узкими проливами, и постараться пройти там под парусом, было занятием достаточно безнадежным. Фред снова пытался объяснить своему новому хозяину, что его обязательно выкупят родственники. Хозяин пожал плечами и приказал надсмотрщику выдать Фреду с десяток ударов плетью, чтобы он хорошо запомнил свое новое положение и поскорее забыл о старом.

Позже его сосед по скамье рассказал ему, что однажды хозяин пытался получить выкуп за одного из своих невольников. И в итоге остался и без денег, и без раба, потому что человек, через которого он хотел провести такой обмен, исчез.

Затем снова был побег, захват парусника, того самого, на котором я его и встретил. Тогда им дико повезло. На небольшое селение, куда зашла галера, напали пираты. Нет, освободили их не пираты. Если бы они и оставили их без цепей, то лишь для того, чтобы посадить в свои трюмы. Просто была ночь, был бой, и невольники были предоставлены сами себе. И побег им удался.

Теперь из экипажа фер Груенуа, с которым он выходила из Гроугента, имперского порта, у Фреда осталось всего четыре человека.

Вообще-то сейчас фер Груенуа должен был уже быть в кругу семьи, и томиться в неге и холе, но на свою беду встретился со мной.

Да уж, Фред, можно только посочувствовать. Но хорошо то, что хорошо заканчивается. А новый материк… может быть, когда-нибудь ты его еще откроешь.

Я проснулся сам. В иллюминатор заглядывало ласковое солнышко, а 'Мелисса' плавно раскачивалась на остатках волн, что остались после шторма.

Когда я поднялся на мостик, Фред был уже там и о чем-то разговаривал с сти Молеуеном. В руках у сти Молеуена имелась астролябия, с помощью которой он и пытался выяснить, куда нас

занесло. Вопрос насущный. Почти четверо суток нас сносило на запад. Если принять ход 'Мелиссы' даже за пять лиг, то получается… получается, примерно, ага, около пятисот местных морских лиг или почти тысяча километров от той точки на карте, где повстречал нас шторм. А в милях это будет…

Да кому они здесь интересны, земные морские мили, даже мне самому уже давно нет.

Когда я поинтересовался состоянием корабля после перенесенного им шторма, фер Груенуа ответил:

– Хоть с этим нам повезло. Корпус не дал течи, а такелаж не требует ничего, кроме мелкой починки.

'Земля!' – крикнул с мачты впередсмотрящий, сидевший в 'вороньем гнезде'.

Фер Груенуа посмотрел на расчеты, произведенные сти Молеуеном, углубился в карту и, после нескольких секунд сосредоточенного молчания, что-то пробормотал себе под нос. И больше всего это было похоже: из огня да в полымя.

Глава 15 Морская дьяволица

Я взглянул на карту через плечо фер Груенуа. Не похожа она была на те, которые были мне привычны. Горы изображены горами, вода имела бледно-голубой цвет, темнея на глубине. Лес, как и положено, зеленый, и даже присутствовали изображения каких-то морских животных. Вот это определенно кит, кто еще может пускать фонтаны. Только какой-то зубастый он и выглядит скорее хищником. А вот тех я определенно еще не видел и больше всего они были похожи на гибрид осьминогов с акулой. Вряд ли они существуют на самом деле, скорее дань легендам о морских чудищах.

Красивая карта, такую бы на стену повесить, неплохо бы смотрелось. И еще ту пару пистолетов, что лежали по краям, не позволяя ей скрутиться в рулон.

На миг почудилось, что я снимаюсь в каком-то историческом фильме, слишком уж бутафорским все вокруг смотрелось. Даже Фред, в плаще, шляпе с пером и с усами, смотрящими вверх своими острыми кончиками. Ему бы еще трубку, с изогнутым чубуком и медной крышечкой над чашкой. Вот только не курят здесь, в этом мире. И наваждение сразу схлынуло.

Так, где это мы? 'Мелисса' держала курс на огромный остров. Ага, вот он на карте. Не спутаешь, остров здесь единственный. И определенно заселен, потому что тот, кто рисовал эту карту, обошелся без всяких пошлостей, изображавшими поселения кружочками, с точками внутри при нужде.

Город на карте был изображен городом, с крепостными стенами и башнями.

Были на острове обозначены и три селения поменьше, с тщательно прорисованными домиками у самой воды. Только лодочек на берегу не хватает, настолько все похоже на красивую картинку.

А вот проекция имелась, подобная той, что у нас называется меркаторовой.

И север там, где ему и положено – вверху карты, а не вовсе на юге, как у китайцев или западе, как у средневековых европейцев.

Так, не очень-то я и ошибся, прикидывая, куда нас могло снести. Невязка незначительная, два лаптя, не больше. Сутки хода под попутным ветром на каждый. Хорошо, что навигатором сти Молеуеном, я бы им наплавал.

Остров назывался Мойнстоф. И единственный город-порт также. Селения на карте названиями осчастливлены не были, но именно это волновало меня меньше всего.

– В чем причина твоего беспокойства, Фред? Остров принадлежит Изнерду?

Фер Груенуа оторвался от карты.

– Нет, Ваша светлость. Здесь всё несколько иначе.

Я взглянул на Фреда. Фер Груенуа тоже граф, так что мы вполне можем обойтись без всяких тонкостей этикета.

Если же такое обращение связано с последними событиями, то зря он.

Мы там все участвовали и заслуга наша равная. И я до сих пор радуюсь тому, что изнердийские корабли отказались от преследования. А вот о причинах можно только догадываться.

– И в чем же тогда проблема, Ваша светлость? – ответно обратился я.

Теперь фер Груенуа взглянул на меня.

– Мойнстоф – особый город, – пустился в объяснения Фред. – Как то так сложилось, что он остался независимым от кого-либо то ни было. О причинах этого можно рассуждать долго, но факт остается фактом. И в его гавани можно увидеть кого угодно – от пиратского катласа до тримура Скардара. Мойнстоф – как бы нейтральная территория, и, пока ты находишься в его порту, тебе ничего не угрожает. Почти ничего.

– И что же может угрожать в нашем случае?

Фред посмотрел на развевающийся флаг.

Да, наш флаг не похож ни на флаг Вольного братства, так называли себя пираты, ни на флаг любой из держав.

Иногда я не понимаю, вас, людей этого мира, хотя нахожусь здесь уже достаточно долго. Мойнстоф – как ты сам сообщил, нейтральная территория. Или все же нет? Или дело в том, что 'Мелисса' – бывший корабль Изнерда, что достаточно легко обнаружить по характерным особенностям обводов ее корпуса? Или еще в чем?

– И что вы предлагаете, господин граф?

– Решать вам, Ваша светлость.

Ты здорово изменился, Фред, за то время, что я тебя не видел. Очень надеюсь, что это пройдет. Нет, тебя не сломали, но ты не тот, что был раньше. Когда-то, когда я увидел Фреда в первый раз, то смог охарактеризовать его всего двумя словами – веселая бесшабашность. Теперь он другой. И прежним он мне нравился больше.

Если разобраться, ничего страшного с ним не произошло.

Побывал в рабстве, сбежал, опять побывал, снова сбежал. Наверняка, первое время в плену здорово получал за строптивость, пока, наконец, не осознал свое положение.

Ну и что здесь особо трагичного? Или есть ещё что-то, о чем

он не стал мне рассказывать?

Что касается моего герба, развивающегося над коутнером…

Перед тем, как стать эмблемой автомобильной фирмы, он был изображен на борту боевого аэроплана. И лишь затем был подарен основателю фирмы. Но это так к слову.

Мне кажется, Фред, если я его сейчас, в угоду обстоятельствам, спущу, то что-то потеряю внутри себя. Какую-то крохотную, но очень важную частичку.

– В принципе, мы можем в Мойнстоф не заходить. И если нам опять повезет…

Да, Фред, в этом ты прав. И солонины немного осталось, и черепахи тоже не закончились. Да и галеты есть, хоть и приходится делить их с червячками.

Хорошие давно закончились, а те, что остались…

Так что проблема только с водой. Но, если нам повезет и пойдет дождь…

Вот только есть еще кое-что, Фред.

Ты ведь сам говорил мне, что Бертоуз хотел, чтобы его похоронили на берегу. После боя мы собрали все, что от него осталось, и завернули в несколько слоев просмоленной парусины. И даже соли не пожалели.

Вот только плохие из нас получились мумификаторы, и его тело все сильнее напоминало о том, что оно все ещё на борту 'Мелиссы'. Конечно, можно похоронить его так, как и принято в морских обычаях: вложив в мешок с телом ядро и отправив за борт. Но берег, вот он, рядом, почти весь горизонт занимает. Да и люди вокруг, они ведь всё видят и делают выводы. И это их право. А я обещал выполнить его последнее желание.

Так, судя по тому, что ты отводишь взгляд, решение принимать мне. Кто бы только знал, как не люблю я этого делать. Разве что за столом, в выборе блюд или марок вина.

Что касается флага…

Парни обнаружили где-то совсем новый изнердийский флаг и развлеклись тем, что использовали его как половую тряпку. Затем бросили его на палубе, и каждый проходящий мимо обязательно вытирал об него ноги, зачастую босые.

Гентье, глядя на это безобразие, заявил, что в Изнерде за осквернение государственной святыни приговаривают к сожжению на костре. Как бы ни так.

Теперь каждый счел долгом добавить к своему личному костру пару полешек, о чем и заявлял, топчась на атрибутике.

'Босота' – думал я чуть ли не с нежностью, глядя на их забавы.

Не любят здесь Изнерд, это точно, хотя и уважают.

Ну ничего, в моей каюте, в одном из сундуков, есть и еще

один, новехонький изнердийский флаг.

– Фер Груенуа, скажи Мросту, чтобы изготовил флаг с лошадкой. До Мойстофа несколько часов ходу, так что времени хватит вполне. Этот за время шторма совсем вид потерял, неудобно в Мойнстофе будет. И главное, Фред, что ты опять заладил, Ваша светлость, Ваша светлость. У Прошки, что ли научился?

В гавань мы вошли с попутным ветерком и почти полными парусами. И я только крякал, глядя на маневры Фреда.

Якорь отдали опять на ходу, правда, сейчас обошлись без помощи буксирных баркасов. Когда якорь зацепил грунт и 'Мелиссу' начало разворачивать кормой по ходу движения, паруса опали, обнажая голые реи. По-моему, по времени получилось еще быстрее, чем в Ривеньере, когда мы уходили с заложниками на борту. Или все же нет? Жаль, что секундомера нет, я бы сравнил показания.

Вытравленного якорного каната хватило, чтобы встать к стенке причала.

На суше охотно приняли швартовые концы, одев их огоны на битенги.

Получилось лихо и вполне в духе прежнего Фреда. Даже слишком лихо, пронеслось в голове, когда я с трудом оторвал ладони от планширя, с такой силой за него ухватился. Был момент, когда мне казалось, что фер Груенуа не рассчитал и 'Мелисса' вот-вот всем бортом приложится к причалу. Нет, обошлось, а инерции корабля хватило как раз для того, чтобы мягко к нему привалиться.

Лихо, черт возьми, и мне, для собравшихся на причале зевак только и оставалось сделать вид, что, мол, командуй кораблем я, было бы еще круче.

Еще и Фред подыграл, подойдя и козырнув под тулью шляпы двумя пальцами, мол, все так, как вы и приказывали.

Я самым равнодушным видом кивнул подбородком – доволен. И сам чуть не рассмеялся, глядя на смеющиеся глаза фер Груенуа.

В общем, впечатление своей швартовкой мы произвели.

А зевак на берегу хватало. Тут были и люди, чьё внимание привлекли наши лихие действия. И местные портовые бичи, собравшиеся в надежде увидеть в экипаже корабля знакомые лица, чтобы помочь им промотать заработанные в рейсе деньги. Что, кстати, и через несколько столетий будет вполне обычным делом. Мелкие торговцы с лотками, полными тем, чего так не хватает в море и чего хочется прежде всего.

Ну и на палубах близстоящих кораблей тоже хватало

зрителей. Как же, понятный корабль под непонятным флагом.

Орудийные порты у 'Мелиссы' были закрыты. Принято так, не воевать же мы зашли в гавань Мойнстофа. Ещё и прикрывали тот факт, что пушек на борту осталось всего ничего. Жаль, что и с частью оставшихся, по всей видимости, придется расстаться.

Но все это будет завтра. Дело к вечеру, деловая активность близка к нулю, так что лучше всего будет прогуляться по берегу, пока еще совсем не стемнело.

На 'Мелиссе' останется сти Молеуен, пара матросов у трапа и все. Остальным увольнение на берег, заслужили. Разгуляться не смогут при всем желании, заход в Мойнстоф вынужденный, если и есть у кого в кармане парочка медяков, так только лишь для того чтобы промочить в ближайшей таверне горло, заодно рассказав об очередном морском чудовище, встреченном за время плавания, так уж принято.

Мириам пусть в каюте сидит, завтра прогуляется. Относительно женщин на борту здесь никаких предрассудков нет, но мне так будет спокойнее.

Фред снова козырнул двумя пальцами, все ясно.

Нет смысла оставаться на борту всем. Нас по-прежнему мало, и, если что-нибудь пойдет не так… Ладно, не будем о грустном.

Город мне понравился. Мы неторопливо шли с Фредом по центральной улице, крутя, вертя головами по сторонам.

Приятно походить по твердой земле, непередаваемое ощущение для тех, кто не этого испытывал. Вот только кажется, что земля под ногами ходит волнами и приходится широко расставлять ноги, чтобы ловить равновесие.

Сзади меня и Фреда топали Прошка и Сотнис, такой же здоровенный обалдуй с самой зверской рожей. Топали при саблях и при паре пистолетов каждый, для респектабельности и на всякий случай.

У Сотниса лицо имеет действительно зверский вид, да и выражение глаз недалеко отстало. Вот только видел я, хоть и постарался он сделать это незаметно, как Сотнис при выходе из порта поднял котенка, погладил его двумя пальцами и осторожно поставил на землю. И улыбка при этом у него была добрая.

Кстати, здесь вообще очень много котов, кошек и котят самых разных расцветок. Будто в заповедник кошачий попали. По дороге в город на глаза попалось их не меньше десятка.

Или они к вечеру все на берег стремятся, поджидая возвращающихся с моря рыбаков.

Так, нужно побеспокоиться о том, чтобы Мириам их на 'Мелиссу' не притащила. С нее станется. Потом будет невинно хлопать глазками и заявлять, что они, негодяи маленькие, сами

со всей округи сбежались на борт корабля. И Проухв в этом мне не помощник.

Мириам умница и готовит отлично. Даже непонятно, как она умудряется, ведь не осталось из провианта почти ничего на борту. Но получается у нее вполне съедобно и даже вкусно. И еще. Поговорил я с ней, чтобы с Проухвом у нее ни-ни. Нельзя, чтобы на такое количество мужчин и одна женщина. И их отношения с Проухвом будут сразу заметны.

Именно из таких случаев и возникает убеждение, что женщина на корабле к несчастью. Все мы одинаковы и считаем себя лучшими.

Прошка. Где тот наивный увалень с детскими доверчивыми глазами, когда я увидел его в первый раз? Походка, манеры, жесты, пластика, изменилось все. От прежнего Прошки почти ничего не осталось. Даже взгляд изменился.

Я улыбнулся, вспомнив, как однажды застал его внимательно разглядывающим свое отражение в зеркале. Подождал минуту-другую, пока не надоело, затем сказал:

– Да красавчик ты Проухв, красавчик. Многие девушки по тебе сохнут, я знаю.

Прошка мгновенно стал красным как вареный рак. И все же мне удалось выпытать, что смотрел он в зеркало вовсе не для того, чтобы собой полюбоваться.

Кто-то подсказал ему, что таким образом можно особый взгляд выработать.

То-то он тогда брови хмурил, разглядывая себя. Не знаю, жизнь ли наша, зеркало ли, но помогло. Взгляд у него действительно стал другим. До Сотниса Проухву конечно еще далеко, но грозный вид ему вполне удается.

Настроение было самое благодушное и мысли текли плавные и даже в какой-то мере беззаботные. Пока все хорошо и если завтра все удачно сложится…

А город красивый. С той высоты, на которую мы забрели, гавань выглядела рукой с не до конца сведенными в кольцо большим и указательным пальцами. На входе в гавань, с обеих сторон, имелось по небольшому форту. Вообще этот остров, если судить по карте, очень напоминает оттяпанную по локоть руку с гипертрофированным предплечьем.

Вероятно, сама гавань – это кратер давно потухшего вулкана, очень уж похоже. Еще один форт, вот он, на возвышенности, и к нему ведет единственная дорога.

Ведет по самому краю обрывистого берега, где до воды добрых пара сотен метров. И с той высоты, на которой он находится, удобно вести обстрел всей площади бухты. В общем,

грамотное решение, даже мне это понятно.

Сам город сплошь состоял из двухэтажных каменных строений. По крайней мере, центральная улица, где мы совершали экскурсию.

Архитектура зданий ничего особенного собой не представляла, никаких излишеств, лишь стремление построить на века. Зелени много, что меня всегда радует. И рынков хватает, больших и малых, пустынных по случаю довольно позднего времени.

Так, нагулялись по твердой земле, насмотрелись на местных девушек, определили, где тут что, можно и поужинать.

Получилось так, что совершив круг по городу, мы возвратились в порт. С этим вышла явная промашка, поскольку приличных заведений близь порта не сыскать. Ну и ладно, привыкать что ли. В крайнем случае, заказ заберем с собой и поужинаем на борту 'Мелиссы'.

Первой попавшейся таверной оказалось заведение с запоминающимся названием – 'У морской дьяволицы'.

Туда мы и ввалились, застыв на пороге от яркого света множества светильников, горевших внутри.

Да уж, точно, что у дьяволицы. Пусть и не морской.

Хозяйка корчмы выглядела так, что на нее явно напрашивалась ассоциация с названием её корчмы. Хотя, вполне может быть, что она этого и добивалась.

Если Прошка и не уступал ей ростом, то статью явно проигрывал. Жгучая брюнетка с черными, как дьяволов огонь очами, безразмерным бюстом и довольно заметными усиками. Поговаривают, что усики говорят о таком же жгучем, как и цвет ее волос темпераменте. Вот только при ее размерах действительно нужно быть морским дьяволом, чтобы решиться проверить. Помогла ей удивительно похожая на нее девушка, молоденькая и тоненькая как хворостинка. Что характерно, сновала она среди столов совершенно беспрепятственно, никто даже не пытался ущипнуть её, хлопнуть ниже талии или усадить на свои колени. Ну да, попробуй хоть словом обидь, мама даже делать ничего не станет, лишь сама присядет на те самые колени всего лишь на пару мгновений.

Когда мы вошли, девушка подошла к столу, за которым сидели Гентье, Мрост, Бронс, словом, чуть ли не весь экипаж 'Мелиссы', благо он такой маленький, а стол под стать хозяйке заведения. Сидели они вперемежку с другими посетителями и до самого нашего прихода Мрост о чем-то громко рассказывал. То-то мне голос еще на подходе знакомым показался. При виде нас все замолчали.

Свободных столов в таверне не нашлось, и живём не при демократии. Да и субординация прежде всего. Так что пойдем-ка мы пытать счастья в другом месте. Разве что одно маленькое дельце.

Я подошел к столу, за которым сидели наши парни, вскочившие при моем приближении, и высыпал на столешницу перед Гентье горсть монет. Вернее горсточку, среди которой было всего парочка золотых. Ничего, парни они не притязательные, вполне хватит и этой суммы.

– Отдыхайте, заслужили.

Неудобно было покинуть таверну просто так.

Мрост окликнул меня уже возле самого входа, кинувшись вдогонку.

– Ваша светлость…

Понятно, чего ты хочешь, чтобы я подтвердил правдивость твоих слов. Вот только не слышал я, что ты там успел наговорить. И потому сказал:

– Не верьте не единому его слову. Кораблей было всего три.

А что, вполне достойно вывернулся. Если же говорить начистоту, то сам до сих пор в шоке, что все так удачно обошлось.

Поужинали мы вполне хорошо. И заведение нашли вполне приличное и свободный стол отыскался.

Трапезничали мы под мягкую музыку небольшого струнного оркестра из трех пяти струнных контрабасов. Шучу. Наверное, это предки виолончелей, вот только музыканты предпочитали обходиться без смычков. Да и вид у местных лабухов был еще тот. С таким рожами на абордаж первыми бросаться.

Приглядевшись, обнаружил, что один музыкант был с колотушкой вместо ноги, второй сидел неестественно прямо, а третий и вовсе был слеп.

Но накормили на удивление вкусно, и у меня хватило монет, чтобы заплатить за корзинку с едой для Мириам.

Перед тем как уснуть, я вспомнил наш разговор с Яниannой, состоявшийся перед самым моим уездом. Мы даже поругались немножко. Не из-а того, что мне пришлось уезжать перед самой свадьбой, хотя и это тоже.

– Что ты не очень рад нашей свадьбе – заявила она.

Я спешно заявил, что очень, очень рад. Вот только…

Как бы тебе объяснить, любимая, не хочу я быть при тебе консортом, и как представлю себе это…. Но и твоя империя мне даром не нужна.

Яна все-таки выпытала у меня причину. И кто бы видел ее взгляд.

– И что мне теперь, век в девах сидеть?

Я даже не стал возмущаться тому, что девы ребеночков не ждут.

В общем, поругались, помирились и каждый остался при своем мнении.

Я – в убеждении, что нет положения хуже, чем то, которое мне предстоит.

Яна в том, что я маюсь дурью. Или жениться не хочу.

Только бы завтра все удачно сошлось, были мои последние мысли перед тем, как уснуть. И я, наверное, сглазил.

Глава 16 Рим и гуси

'Фу', я с облегчением перевел дух. Приснится же такое, после чего обнаруживаешь себя возле дверей каюты со шпагой и с пистолетом в руках. Причем в одних подштанниках. Шелковых и ниже колен. Единственная вещь, которая осталась у меня после отъезда из Империи.

И когда успел взвести курок на пистолете?

Я присел на постели, чувствуя, как сердце продолжает биться в бешеном ритме.

Так, а что же мне приснилось? Помню только, что-то нехорошее и связано оно было с Яной. Она звала меня, и лицо у нее было очень испуганным, а ноги мои будто бы залили свинцом. И я тянулся к ней, тянулся…

За дверью кто-то переругивался яростным шепотом. Наверное, поэтому я возле них и оказался. Один голос точно принадлежит Мириам, откуда на 'Мелиссе' взяться другой женщине. А второй, второй, по-моему, Оливеру. Тот даже говорит шепотом, басит.

На дворе дело к обеду, точнее не определишь. Мой репитер лежит вместе с остальными вещами на дне морском, в капитанской каюте 'Любимца судьбы'. Прежний капитан 'Мелиссы' промежутки времени между склянками, вероятно, бокалами вина разграничивал. По крайней мере, бокалов и бутылок с вином в его каюте хватает, а вот часов ни одних. Вино, кстати, тоже закончилось и не от хорошей жизни. Когда питьевая вода своим видом все больше начинает напоминать мутную жижу и от одного взгляда на нее появляется чувство легкой тошноты, вино, даже такого качества, начинает питься очень хорошо. Вчера, когда привезли несколько бочек свежей воды, одну из них поставили открытой прямо на палубе и люди пили ее, пили. Наверное, с тяжелого похмелья так не пьется.

Сердце понемногу успокаивалось. Подштанники были редкостного сиреневого цвета, только рюшечек на них не хватало, для комплектности. Местные семейные трусы, блин.

Что-то живот у меня расти начал. Хотя, казалось бы, жизнь моя к этому не располагает.

Или это уже возрастное. Хотя мне всего тридцать три, так что, наверное, рановато. Говорят, самый тяжелый возраст для мужчины, год испытаний. Еще говорят, как этот год себя проведешь, так и остальная жизнь сложится. Возраст Христа. Это у нас так, а здесь другие поверья.

Я оттянул двумя пальцами складку на животе. Как будто бы

нет, просто нагнулся сильно. Да возраст и как тут точно определишь, черт разберешься с местным календарем. Если на него переводить, так мне вообще тридцать один получается, год здесь длиннее.

Стук в дверь прервал мои математические экзерциции.

-Минуту! – потребовал я. Негоже в таком виде людей принимать, по делам пришли. По пустякам беспокоить бы не стали.

А вот халат у меня знатный и я себе в нем падишахом кажусь.

После приглашения в каюту вошел Гентье. Из-за спины его выглядывала Мириам, и я тут же сделал грозное лицо. Было из-за чего, умудрилась она все-таки на борт кошку протащить. Не боевой корабль, а полный бардак – бабы, кошки. Не хватает только детей завести, и все реи пеленками с ползунками завешать.

Увидев в ее руках поднос, я сразу подобрел, потому что на нем определенно завтрак, а готовит она вкусно.

Так оно и оказалось.

Гентье от предложения позавтракать вместе, вежливо, но решительно отказался.

И сидел, с трудом удерживая внутри себя нетерпение что-то сообщить, спросить или попросить. Ну и о чем в нашем случае может пойти речь? Конечно же, о деньгах. Даже выражение какое-то есть, напрямую с этим связанное.

И, по-моему, звучит оно так – неважно о чем пойдет речь, в конечном итоге все равно она будет о деньгах. Как то так. Забываю родной язык, и все что с ним связано.

И где я их, по-твоему, их возьму? Тем более, судя по твоему виду, очень срочно.

Накануне вечером я подробно проинструктировал Гриттера, и сегодня с утра он должен был заняться, в том числе, и этим вопросом. Пробивной малый. Всё знает, всё умеет, везде бывал и обо всём слышал. Себе отставлю, уже давно решил. В том случае, если Гентье со своими людьми решит покинуть нас после прихода в Империю. Найду чем Гриттера убедить или соблазнить, но не отпущу, вопрос решенный. Такие люди – товар штучный.

– Говори уж – обратился я к Оливеру.

И, конечно же, речь действительно пошла о деньгах. Только совсем не о том, что я собирался было услышать – неплохо бы аванс небольшой, люди недовольны, а в Империю неизвестно ещё когда попадем. Или что-нибудь в этом духе.

Так что шляпу я натягивал на голову уже на ходу.

На палубе 'Мелиссы' под руководством Бронса кипела работа. И правильно, с утра наводим порядок, а после обеда можно и в

увольнение. Судя по всему, сегодня покинуть Мойнстоф нам вряд ли удастся. Дай Бог, чтобы завтра такое удалось.

Бронс, увидев мой взгляд, приблизился чуть ли не бегом. И правильно, время дорого.

– Возьми пару-тройку ребят, снимите вот тот фальконет и за нами, только быстро.

Фальконет, тот самый, при помощи которого Биглоуз приглашал наших гостей в Ревеньере пройти в капитанскую каюту, блестел надраенной бронзой. Вот и отлично, товарный вид – дело немаловажное. Мрост, взявший на себя обязанности главного канонира после гибели Биглоуза, только хлопал глазами от удивления, когда Бронс с помощниками освобождал ствол фальконета от креплений.

– Чего стоишь, помогай – обратился к нему Бронс, приглашая поучаствовать.

Наверное, зрелище мы представляли собой довольно комичное: два явно спешащих куда-то человека, то есть мы с Оливером, а позади нас несли на плечах фальконет еще четыре носильщика, пытаясь за нами поспеть.

Этот ствол потяжелее будет, чем на прежней 'Мелиссе' фер Груенуа, центнера полтора-два.

Вот он рынок, многолюдный по случаю середины дня. Вчера мы с Фредом проходили мимо него, и я обратил внимание на его необычность. Фред тут же посвятил меня, что это рынок, где торгуют людьми – невольниками. Он даже плечами передернул, видимо вспоминая какой-то факт из своей биографии.

На невольничьем рынке я оказался впервые, но времени любопытствовать что здесь и как, не было абсолютно. Успели.

– Вот он – Гентье не заботясь о правилах приличия, что возникнуть когда-нибудь потом, ткнул пальцем в человека.

Человек этот выглядел много младше его, был худ, бос и оброс длинными волосами. Тем не менее, их сходство было явным, таким, какое бывает в том случае, если родители общие. И ничего удивительного, человек был младшим братом Оливера.

По моему знаку парни положили фальконет прямо у ног торговца – хозяина.

Вот только не надо никаких слов, ведь мы оба понимаем, что цена раба и цена фальконета несопоставима. Только не тот сейчас случай, чтобы торговаться.

Но нет, торговец, в облике которого ничего не указывало на то, что он торгует людьми, а не зеленью или мануфактурой, молча склонился над фальконетом.

Погладил бронзу рукой, колупнул небольшую раковинку на стволе и, выпрямившись, кивнул головой: согласен. Только на

лице его мелькнуло выражение – удачный сегодня выдался денек – мелькнуло, чтобы тут же погаснуть. Ты не напейся сегодня вечером на радостях, такой выгодный чендж удался.

А вот мне больше всего хочется привязать тебя к стволу этого самого фальконета и выстрелить. Так, как это делали колонизаторы – англичане с восставшими сипаями. Вот только не к животу ствол приставить, а с другой стороны и ниже.

Мы уже уходили, впереди нас шел Гентье, обнявший своего брата за плечо и что-то ему рассказывающий, когда торговец окликнул.

-Господин!

Ну что еще, хочешь сдачу отдать? Дождешься от тебя.

Но получилось именно так, хоть и не деньгами. Торговец предложил на выбор еще одного раба, из той почти дюжины, что у него имелось. Что ж, он может себе это позволить, и в накладе нисколько не останется.

Вообще здешний невольничий рынок не такой уж и большой, что и понятно. Остров вдалеке от торговых морских путей, словом, место для таких товаров не самое бойкое. Просто приторговывают излишками, либо по необходимости. И этот торговец чуть ли не самый крупный на рынке. Накладно, наверное, содержать невольников, они же только кушают, и ничего взамен не производят. Ладно, не мои это проблемы, да и рассуждать так негоже, все же люди. И каждый со своей собственной Вселенной внутри.

Но хоть одному помочь, раз уж так сложилось. Тем более что людей не хватает.

Вот этот, например, рослый, еще не старый и определенно опытный моряк. Их сразу можно отличить, специфика работы такая, и верхняя часть тела обычно выглядит более развитой. Да и куда на корабле ходить, всё рядом и вся работа для рук. И на берегу разве что до ближайшей таверны.

Не девчонку же эту, лет одиннадцати, двенадцати, с вымученной улыбкой, той, что заставляет иметь хозяин.

'Идиот ты Артуа, и жизнь тебя ничему научить не может' – думал я, гладя девчонку по голове. И не смотри так на меня, торговец, знал бы ты, какая красавица меня дома ждет. По себе не суди.

Брата Оливер увидел случайно. По пути к рынку он рассказывал, что ни нужды не было, ни денег, чтобы в город отправиться. А вот что-то будто бы в спину толкало. И шел Оливер не на невольничий рынок, туда, по его словам, он совершенно случайно заглянул. И увидел там брата. Торговец запросил за брата просто несуразную сумму, сказав, что он бы за

своего всех своих денег не пожалел.

Сигер, брат Оливера, тоже был моряком и ходил на торговце. Затем торговца взяли на абордаж, и ему невероятно повезло, что он не оказался за бортом со вспоротым брюхом, здесь так принято. Просто у пиратов не хватило народу, чтобы составить экипаж призового корабля, это его и спасло. Затем был рынок, еще один, и уже на следующем он попал в руки своего недавнего хозяина. Да уж, это надо же, встретиться им именно здесь. Ведь и мы в Мойнстофе случайно, и Сигером судьба могла по-другому распорядиться.

А сейчас идут они, счастливые… Что тут говорить, родная кровь. Повезло им.

Здешние пираты очень жестоки, никаких тебе джентльменов удачи. Да здесь их

никто так и не называет. А уж этот их обычай…

Даже представить крайне неприятно, как человек лежит на воде, распустив вокруг себя метры кишок, что вывалилась из разрезанного живота. Он жив и пытается подтянуть их, чтобы вставить туда, где им и положено быть. А мелкие рыбешки кидаются на угощение, пытаясь оторвать свой кусочек. Затем на запах крови приходят акулы…

Не хочу, только не так. Лучше уж сразу, чтобы и не понять ничего.

Мириам захлопотала вокруг Гиссы, так звали эту девчонку, как квочка, наглаживая её, что-то нашептывая, затем увела с палубы в свою каютку.

Ну вот, ещё одна проблема, пусть и мелкая, но куда теперь Гиссу девать?

Когда придумывал себе фамилию, надо было сразу взять Идиот, неплохо бы звучало и полностью соответствовало внутренней сущности, с улыбкой вспомнил я слова Шлона Брокона. Граф Артуа фон Идиот, так было бы правильнее.

Гриттер ожидал нас на борту, полностью переполненный новостями. Хорошо хоть нормальные люди мне попадаются, давно бы без них уже пропал.

Когда я выслушал его, в очередной раз подумал: 'определенно себе его оставлю, как я раньше-то без него обходился'.

Покупатели на орудия есть, обрадовал он. Более того, вариантов несколько, и что самое важное, один из них очень интересный.

Ему удалось найти человека, который согласен поменять 'Мелиссу' на один из своих кораблей.

Корабль этот, вернее сказать кораблик, даже по сравнению с коутнером просто малыш, не требовал большого экипажа, и мы

могли бы справиться с его управлением собственными силами. Кроме того, он более быстроходный, так что все вопросы мы могли бы решать с помощью скорости. На его борту всего четыре пушки весьма малого калибра, и установлены они только потому, что не принято в нынешние эпохи обходиться без них никому, разве что рыбакам. Кроме всего прочего, это будет уже не бывший корабль Изнерда, что тоже на руку, плюс доплата, пусть и небольшая.

– Но! – Гриттер вознес к небу указательный палец. – Наш новый корабль будет полностью оснащен всем необходимым для плавания к берегам Империи.

-Название менять не будем – сразу обратился я к присутствующему при разговоре фер Груенуа.

Такой вариант мне очень понравился, и обсуждать его я не намерен. Это удача, которая последнее время в последний месяц не слишком ко мне благосклонна.

Дьявол, морской или ещё какой, что мы теряем при этом деньги. Выгода в другом, она понятна, и я её не упущу.

– Вот задаток на тот случай, если вы согласитесь – с этими словами Гриттер положил на стол передо мной звякнувший металлом кошель.

Я невозмутимо положил кошель на ладонь, прикидывая вес, затем высыпал на столешницу его содержимое, придержав рукой раскатывающиеся в стороны монеты.

' Первым делом нужно купить пару новых сорочек' – мелькнула мысль, и я не смог удержать улыбку. – 'Точно нужно было брать другую фамилию, ту, о которой недавно подумал'.

Разворошив кучку монет, я отобрал с десяток золотых, выглядевших совсем новенькими, не комфортно себя чувствуешь, когда остаешься без гроша в кармане.

Затем решительным жестом пододвинул монеты к фер Груенуа. А то смотри-ка, решение принимать не хочет. Вот пусть теперь этим и занимается, решает, сколько кому дать, и сколько оставить на будущие нужды. Не всё же мне голову ломать, пусть тоже поработает.

-Ваша светлость – окликнул меня Фред, когда я уже поднялся на ноги, собираясь выйти на палубу.

Ладно, в кругу людей такое обращение допустимо.

-Ваша светлость, вечером мы приглашены в дом губернатора. Очень просили не отказать.

Ну вот, жизнь опять наполнена смыслом. По крайней мере, на сегодняшний день. Сейчас мы пойдем, посмотрим на наш новый корабль, ведь вполне может такое случиться, что попытаются нам подсунуть нечто. Хотя Гриттер и уверял, что подвоха не будет.

Затем отправлюсь к цирюльнику, гардероб обновлю, опять же сорочки…

А вечером. Почему бы и не навестить вечером местный бомонд.

Почтить его своим визитом, так сказать. И еще очень надеюсь на нескромный ужин…

Мы уже подходили к дому губернатора, когда Фред, обернувшись, промолвил: гляди-ка.

С той высоты, на которой мы находились, вся акватория гавани просматривалась отлично. Даже 'Мелиссу' было видно. Но внимание фер Груенуа привлекла не она.

В порт входили три корабля. Тот, что шел первым, имел заметный крен на правый борт. На наших глазах два из них, те, что шли позади, встали на якорь. Встали прямо у входа в порт. Третий, накренившийся на борт, пошел дальше, к причалу. И даже с такого расстояния было разобрать, что все три корабля были славно потрепаны в недавнем бою.

– Тримуры, все три. Скардар – сказал Фред, наблюдая за всей этой картиной.

С кораблями понятно. Они и выглядели как систершипы, трехмачтовые, с двумя орудийными палубами каждый. А что есть Скардар? Ты уж просвети меня, пожалуйста. Или опять, как с Изнердом, полгода ждать?

Фер Груенуа с минуту помолчал, словно собираясь с мыслями:

– Там – и он махнул рукой, указывая куда-то на северо-запад, – есть полуостров. Он называется Скардар. И страна, на нём расположенная, именуется также.

До недавнего времени Скардар был соперником Изнерда на море. Два самых могущественных флота. И, если у Изнерда был только могучий флот, то Скардар имел ещё и многочисленный торговый. Еще недавно, полвека назад, одного того факта, что на мачте любого корабля трепыхается флаг Скардара, было достаточно, чтобы его боялся трогать кто бы то ни был. Потому что знали, что рано или поздно об этом узнают в Скардаре…

Вот именно о таком я и мечтаю. Чтобы любой из кораблей Империи обходили далеко стороной, только из-за того, что на нем висит имперский флаг.

– Тогда между Скардаром и Изнердом существовало негласное соглашение, и каждый делал свои дела, не вмешиваясь. Торговые корабли Скардара беспрепятственно ходили там, где им вздумается, а Скардар закрывал глаза на то, что делал Изнерд. Но с тех пор многое изменилось, Артуа.

Началось все с того, что однажды, далеко не самым добрым

для Скардара днем, погибли чуть ли не две трети самых лучших, самых больших военных кораблей Скардара.

Раз в несколько лет Скардар огромной эскадрой наносил дружественные визиты, заходя в порты многих стран. Такой, знаешь ли, ненавязчивый намёк, вот они мы, а что собой представляем, можете посмотреть. И этого хватало. До поры, до времени. Затем, при очередной демонстрации своего могущества, эскадра попала в шторм. Будь шторм обычным или даже просто жестоким, ничего бы и не случилось.

Но шторм оказался таким, что, как выражаются поэты, само небо поменялось местами с землей. И застал он эскадру далеко не в самом подходящем месте, в тесноте пролива Снейда. Это на юге – на этот раз фер Груенуа показал рукой почти в противоположную сторону.

Бывает, Фред, такое бывает. Тут гуси Рим спасли, а что было бы, если бы они проспали? Даже представить страшно. Всё в этом мире, да и в остальных тоже, зависит от удачи или от случайности.

– Кроме того, последние лет тридцать в самом Скардаре идут постоянные распри. Никак они не могут выяснить, кто же должен ими править. Наследников хватает, и прямых, и не очень, да вот только оказалось их слишком много. Боюсь, что когда они, наконец, с этим разберутся, уже и править то будет нечем. И поможет им в этом, прежде всего, тот же Изнерд.

Да, господин граф, страшненькая сказочка. И радует в ней только то, что у Империи одним соперником в могуществе на море будет меньше.

Вечер в доме губернатора прошел на удивление хорошо. Фред обратил внимание сразу на двух дам, довольно миленьких, не обходя стороной и дочь хозяина дома, тоже вовсе не дурнушку. Я с понимающим видом слушал разглагольствования самого губернатора, господина Тескье. Благо, что он не задавал мне вопросов, поскольку не все слова из его речей мне были понятны, и я с трудом улавливал сам смысл разговора. Кроме того, камзол я купил не самый удачный, и он мне жал. Хорошо хоть не в талии, а в плечах. Всё же остальное было отлично, а ужин великолепен.

И даже тост за хозяина дома и присутствующих здесь гостей мне удался. Что удивительно, потому что больше всего на свете я не люблю говорить именно застольные спичи.

Ближе к вечеру, когда я успел убедиться, что у дочери господина Тескье под платьем корсет, а грудь довольно упругая, в чем она сама смогла мне помочь, внезапно навалившись, заверяя при этом, что мол, она такая неуклюжая, со стороны гавани послышалась частая пушечная стрельба. Мы все вышли во

внутренний дворик, заполненный беседками, украшенными вьющимся виноградом. Было темно, и стало лишь понятным, что стреляют оба корабля Скардара, те, что встали на якорь у самого выхода из гавани.

Был бы на моем месте аналитик, он непременно бы сказал, что это не нападение пиратов, потому что оба форта молчат. Фред говорил, что до сих пор у Скардара единственный враг – Изнерд, которому мы тоже совсем не друзья. Мойнстоф славится своей независимостью, но черт его знает, как он себя поведет в такой ситуации, так что мне пора в порт.

Леди, вы должны были почувствовать, с какой нежностью я поцеловал вам ручку. Но не следуют делать такие несчастные глаза, потому что у нас всё равно ничего не получится и мне действительно пора уходить.

Фер Груенуа догнал меня на полдороги к порту.

Глава 17 Седло

Корабль Скардара оказался причаленным по соседству с 'Мелиссой', и на нем, несмотря на сгустившиеся до полной темноты сумерки, велись лихорадочные работы.

Если корабли Изнерда ворвутся в порт, нам достанется тоже. Нам в любом случае достанется, после того как изнердийцы разберутся, что произошло с 'Мелиссой', вот только зачем торопить события. И самым логичным решением будет отойти от причала. На борту не хватало двоих матросов, но попасть на борт корабля им будет несложно. Отойти от причала тоже не проблема, при швартовке якорный канат вытравился за борт чуть ли не на всю свою длину, и достаточно будет выбрать его часть на борт корабля.

Отойдя от причала, мы собрались на срочный совет, дело отлагательств не терпит.

Собрались, как обычно, в капитанской каюте.

Фер Груенуа, сти Молеуен, Гентье, Бронс, и, непременно Гриттер. К нему тоже будет дело и дело первоочередное.

Если вдуматься, мы имеем два варианта спасения.

Вариант первый: срочно покинуть борт 'Мелиссы' и затеряться в чащобах острова. Если они здесь имеются, естественно.

Если даже изнердийцы не знают обо всех событиях, произошедших с нами, их критнером и недавней погоне, то признать свой корабль смогут. И, естественно, у них возникнет вопрос, каким образом он нам достался.

Попытки объяснить, что мы его нашли пустым, будут звучать не очень убедительно. Так что с этим всё понятно.

И вариант второй: попытаться уйти из порта.

Ведь что произошло. Попытка ворваться в порт Изнерду не удалась. Две тримуры Скардара встали на якорь у самого входа в гавань именно с этой целью. И задача их ясна: дать третьему кораблю время на ремонт.

У него пробоина ниже ватерлинии и на нее наложен пластырь. Мы проходили мимо борта тримура и все это видели. Они откачают воду, затем заделают пробоину. Цементные ящики здесь еще не в обиходе, да и сомневаюсь, что для деревянных корпусов они необходимы. Значит, те же доски, распорки, возможно струбцины. Их я тоже не видел, но это ещё не значит, что они не существуют. Время у них есть до утра, пока не рассветёт.

Изнерд, получив по зубам, ушел мористее. Галсировать возле входа в гавань в ночной темноте они не будут, чревато, там полно

песчаных банок и рифов. Утром они будут ходить по кругу мимо входа, описывая огромную в своем диаметре циркуляцию. Изнердийцев то ли пять, то ли семь кораблей, в этом мы с фер Груенуа не сошлись.

Так вот, каждый корабль, проходя мимо входа в гавань, на ходу будет давать залп по кораблям Скардара, уступая место следующему. Затем спокойненько совершать круг, успевая заряжать орудия до очередного захода на цель.

В этом мнении мы сошлись все. Не знаю, что подвигло скардарские корабли запереть себя в порту Мойнстофа, но думаю, что такое решение было вынужденным.

У нас есть время до утра постараться покинуть гавань.

Не думаю, что стоящие на якоре тримуры или форты Мойнстофа станут нам в этом препятствовать. Скардар – потому что уже интересовался 'Мелиссой' и теперь знает, что корабль достался нам трофеем.

А Мойнстоф если уж взялся держать стойкий нейтралитет, то будет держаться его последовательно. И я очень на это надеюсь.

Риск нарваться сразу по выходу из порта на изнердийские корабли, безусловно имеется. Вот только мы не будем уходить в открытое море.

Сти Молеуен утверждал, что весьма неплохо знает местную лоцию и потому предложил взять сразу после выхода из порта влево и пойти вдоль береговой черты. В нескольких лигах от Мойнстофа каменная гряда, уходящая перпендикулярно берегу далеко в море. И в ней есть проход, которым пользуются местные мореплаватели. Именно они ему об этом проливе и поведали, и Клемьер им уже ходил

Самая опасная часть плана заключается в том, чтобы умудриться дойти до этого прохода. Дальше проблем не будет, фарватер ему хорошо известен, ветер, хоть и набирает силу, но всё ещё не штормовой. И, к тому же, попутный. Так что все благоприятствует, и остается только рискнуть. Изнерд ждёт прорыва кораблей Скардара, но вряд ли он ожидает именно такого маневра.

После того как план был принят к исполнению, лица людей поменялись на глазах. Да, всё это люди привычные к риску, и вот такими их лица и становились. Нет, глаза их не заблестели залихватски, мол, черт побери, такое нам далеко не впервой. Просто они стали отрешёнными. Ведь для того чтобы встретить смерть в случае неудачи достойно, надо смириться с такой возможностью, свыкаясь с этой мыслью заранее.

С этим всё, теперь можно заняться решением мелких проблем.

Мириам, естественно, пойдет с нами. И Гисса тоже. Иначе что же это получается, приласкали, обогрели малышку, а теперь выгнать её на берег с горстью монет в руке? Ну и куда ей, после всего этого, податься?

– Гриттер, нам нужна еще одна шлюпка. Бери ее где хочешь, но чтобы она была.

Кстати, аванс нужно вернуть. Чем вернуть? Валюта у нас самая твердая, из литой бронзы. Придется лишиться еще одного орудия, выбора нет.

Да и не сыграет большой роли одна кулеврина, если попадем в западню. А вот шлюпка сыграть может.

Жаль, что не успели обменять корабли, очень жаль. Все хороша 'Мелисса', разве что весьма тихоходная. Но её усиленные борта могут сыграть при прорыве какую-то роль.

В конце концов, нам бы только до гряды добраться, желательно незаметно для кораблей Изнерда. Пролив не слишком и сложен для прохождения. Но есть некоторые нюансы, и о них, по словам того же Клемьера, необходимо знать.

Так что пойдя пролив, мы будем иметь даже при самом плохом раскладе несколько часов форы.

Ну не бросятся же все они поголовно в погоню за нами, бросив Скардар.

Даже если сумеют они признать в 'Мелиссе' свой бывший корабль.

Вот с провизией вышла промашка. Какой смысл был закупать то, что через пару дней было бы на новом корабле. Что радует, вода есть, и ее теперь будет на первое время достаточно. Которое ещё надо пережить.

Через пару часов я стоял на корме, и смотрел на растворяющийся в темноте корабль Скардара, бывшего нашим соседа по причалу.

Ничего личного парни. Изнерд нам тоже враг, пусть и случайный. Но это ваша война, а у нас другие цели и планы. И глупо в нашем положении предложить вам свою помощь.

Ветер свежел на глазах и сти Молеуен все чаще с беспокойством поглядывал в ту сторону, откуда он дул. Да, слишком свежий ветерок может испортить нам все планы. Сейчас вся надежда на лоцманское мастерство сти Молеуена. Потому что сильный ветер, да ещё в том случае, если он переменится на южный, прижимая нас к берегу, станет такой силой, с которой вблизи береговой черты справиться будет почти невозможно.

Все, дальше сердце будет стучать в таком же бешеном ритме, что и сейчас, проходим форты на выходе из гавани. Их видно, и по левому борту, и по противоположному, деталей не разобрать,

но видно. Следовательно, с батарей нас тоже видят.

Интересно, черный цвет пиратских парусов, это байка? В такой темноте, в отличие от наших, их было бы не видно.

Короткая команда рулевому, и 'Мелисса', охотно послушавшись, взяла влево, ложась курсом вдоль побережья. Всем хорош корабль, и в управлении послушен, вот только зачем же ему так корпус утяжелили.

От этой точки ещё пару часов напряженного внимания, и всё, почти на свободе.

На палубе толпились все, никому даже в голову не пришло пойти отдыхать, и люди старательно вглядывались в ночную тьму.

Сейчас бы самый плохонький ноктовизор. Не мне, тому человеку, что сидит в 'вороньем гнезде' на самой верхушке мачты. Хотя что мы сможем сделать даже в том случае, если заметим врага первыми? Лечь на обратный курс, чтобы оказаться против ветра? Причем маневр ограничен близким берегом и придется поворачивать в сторону моря, где кораблей Изнерда ещё больше.

'Мелисса' шла под неполными парусами, были выставлены только те, что придавали кораблю наибольшую управляемость.

Я посмотрел на Фреда, внимательно разглядывающего видимое только ему одному.

Черт его знает, что он вообще может видеть, сти Молеуен, в почти полной темноте, окружающей нас. Очертания берега едва проглядываются, вершины гор уже не видно из-за начавшегося дождя.

На баке у нас два человека, вглядываются в пространство перед собой, пытаясь увидеть опасности прямо по курсу.

– Самое опасное место прошли – почему-то шепотом сказал сти Молеуен. – Можно добавлять паруса.

Фред дал короткое распоряжение Гентье, бывшему у нас начальником парусной команды. Палубной командой заведовал Бронс, боцман, но, поскольку людей катастрофически не хватало, зачастую отдав команду, им самим приходилось бросаться помогать её выполнять.

Вот и на это раз Гентье направился к гроту, возле которого собрались все его люди, когда с бака раздался крик – 'справа по курсу корабль!'.

Мы втроем, с фер Груенуа и сти Молеуеном одновременно посмотрели на 'воронье гнездо'. Ведь именно находившийся в ней человек должен был первым увидеть корабль, это его основная задача. У людей на баке она другая, рассмотреть возможные препятствия на пути корабля. В такую погоду и в это время суток им легче обнаружить выступающие из воды верхушки рифов на

фоне горизонта. Теоретически обнаружить. Черта с два в такой темени что-нибудь увидишь, да еще и дождь разошелся не на шутку.

Как бы в ответ нашим взорам, с мачты донеслось – 'по правому борту корабль!'. Мы все бросились к правому борту.

Действительно, сквозь косые струи дождя смутно виделись очертания трехмачтовика.

Дьявол ему в высокую корму, что он здесь делает, до берега не больше пары лиг. Это на суше пешком чуть больше часа ходьбы, а на море, да при таком ветре…

Оставалось надежда, что корабль оказался здесь случайно. Буквально через пару минут выяснилось, что, если корабль и оказался здесь случайно, то ничего от этого не менялась: он принадлежал Изнерду. Мне сделать такой вывод было бы достаточно проблематично, а вот Фред с Клемьером сказали чуть ли не в унисон изнердийцы.

Корабль шел под штормовыми парусами практически против ветра.

Есть еще надежда, есть. Не станет он без причины палить изо всех орудий. Ведь он явно не видел, что мы вышли из Нойстофа. В конце концов, мог и не признать того, что 'Мелисса' изнердийской постройки. А если и признал земляка, то вовсе не обязательно его расстреливать.

Мы все с напряжением всматривались в проходивший мимо корабль. Еще несколько минут и все, для того, чтобы произвести залп, ему придется поворачивать, ложась курсом на берег. Каких-то несколько минут.

Именно в тот момент, когда казалось, что мы все, разошлись, в ночной мгле на его борту засверкали многочисленные вспышки. Сумма бортового залпа у него достигает двадцати орудий, и, если не побояться того, что от слитного залпа оторвётся борт корабля, а такие случаи бывают…

Этот не побоялся.

И дистанция была, что называется, в упор. Пара ядер, срикошетив от воды, пронеслась над низкой палубой 'Мелиссы'. А остальные…

'Мелисса' содрогнулась от попавших в нее ядер, да так, что один из матросов выпустив перекладины вант, скользнул по ним, едва успев ухватиться вновь перед самой встречей с бортом.

Как же так, одним залпом? Где же ты была, фея Удача, легкомысленная, как все красивые девушки, и с тонкими прозрачными крылышками на спине?

Залп вражеского корабля оказался для 'Мелиссы' критическим, и её было уже не спасти. Если я ещё сомневался в

этом, то Фред, бледность лица которого так легко было рассмотреть даже в ночной тьме, протяжно промычав сквозь крепко сжатые зубы, сказал лишь одно слово – 'все'.

И зачастил командами, теми, что должны быть исполнены мгновенно, если имеешь хоть малейшее желание пережить гибнущий корабль.

'Мелисса' тонула, уходя под воду на ровном киле.

Шлюпок было две, и обе они находились у левого борта.

Нет, я не мог заранее предполагать, что всё закончится именно так, просто шлюпки находились там из-за опасности наскочить в темноте на подводную скалу. И теперь можно было поблагодарить себя за прозорливость, пусть и такую.

А изнердийский корабль, совершив оверштаг, разворачивался, вероятно готовясь нанести залп другим бортом. Перед этим он плюнул тремя кормовыми орудиями, проделав одним из ядер дыру в парусе тонущей 'Мелиссы'.

Паники не было. Люди, собравшиеся на борту 'Мелиссы', давно уже свыклись с мыслью, что с ними произойдет то, о чем говорят: никогда не поздно, но всегда слишком рано. Да и ситуация многим была уже привычна.

Первыми в шлюпки, в отличие от существующего мнения, спустились не женщины и дети. Они на борту имелись, пусть и всего по одной.

Гентье с парой матросов оказались в одной, а в другую спрыгнул Бронс с ещё двумя людьми. Иначе кто будет принимать спускавшихся в них людей, помогая им и следя за тем, чтобы тонущий корабль не утащил за собой надежду на спасение. Гиссу, с широко распахнутыми глазами и менее открытым ртом, передали в шлюпку на руках. Бедная девочка, мы ведь хотели, чтобы у тебя появилась нормальная жизнь, и что в результате?

Мириам спустилась сама, там и осталась-то до воды пара балясин штормтрапа, потому что палуба корабля была уже чуть ли не вровень с поверхностью моря.

Еще и успела пригрозить по дороге, что мамин наговор она не забыла, когда кто-то, помогая ей спуститься, приложил свою ладонь чуть пониже её талии.

Мы с Фредом оказались во второй шлюпке, первая, приняв пассажиров, сразу же отошла от борта, и гребцы уже на ходу разбирали весла.

Конечно, фер Груенуа, ты капитан, и именно ты должен покинуть борт корабля последним. Очень достойная традиция, и я рад, что в этом мире она тоже существует.

А теперь очень быстро отходим от борта и гребем, гребем… Дело не воронке, образующейся на месте тонущего корабля, не

настолько он и огромен.

Рангоут может накрыть шлюпку, и он уже над самыми головами. Да ещё этот, корабль Изнерда. Его намерения очевидны, и попасть под залп в этом утлом суденышке будет чрезвычайно неприятно. Вероятность попадания ядра в шлюпку ничтожно мала, но всё же она существует.

Второго залпа не состоялось, но под его угрозой лопасти вёсел мелькали с радующей глаз быстротой.

Все время, что мы гребли к берегу, фер Груенуа не спускал глаз с гибнущей 'Мелиссы'. Мне, сидевшему на румпеле, было неудобно оборачиваться, и потому я посмотрел на неё лишь пару раз.

Еще на подходе к берегу гребцы соскочили в воду по грудь, толкая шлюпку как можно дальше на берег.

Затем мы стояли на берегу моря, уже взявшегося лизать берег длинными языками волн набирающего силу шторма и смотрели в ту сторону, где нашел свой конец наш корабль. Все восемнадцать человек.

Прошка прикрыл своим кафтаном сразу обеих девчонок, и полы его доставали почти до земли. Спаслись все, и на борту не осталось никого.

Я посмотрел на Фреда, и, фыркнул, не в силах сдержать улыбку.

Фер Груенуа в свою очередь взглянул на меня, но удивления на его лице уже не было, привыкает, должно быть. Но объясниться всё же стоит.

– Понимаете, господин граф. У меня возникает какое-то смутное подозрение относительно всего этого. Есть у меня друг, барон Анри Коллайн, вы случайно с ним не знакомы? Нет? Я обязательно вас друг другу представлю.

Так вот, вместе с ним мы много путешествовали по земной тверди. У барона неоднократно гибли лошади, и зачастую ему приходилось нести седло на плечах.

После этих слов я посмотрел на вместительный несессер, который Фред держал в левой руке. В нем, как я предполагаю, карты, которые он составил в результате своей экспедиции на юг и другие дорогие его сердцу вещи.

После гибели прежней 'Мелиссы' он покинул борт корабля именно с ним. И что-то мне это очень напоминает.

Фред взглянул на свой саквояж, затем на меня и улыбнулся:

– Говоришь 'седло', Артуа?

Наконец-то я увидел, его улыбку, в точности такую же, как когда-то, несколько лет назад, во время нашей последней встречи.

Потом, посмотрев на начинавшее бушевать море, Фред добавил:

– Это корабль один из тех.

Глава 18 Что позволено Юпитеру…

– Что будем делать, командир?

Прошка, выбрав момент, когда внимание не было привлечено к моей персоне, задал вопрос, который мучил сейчас всех. Действительно, мы остались только с тем, что было при себе. Одежда, какие-то мелочи, почти все без оружия, а кое-кто и вовсе босой. Чемоданчик в руках у Фреда, так и хочется назвать его дежурным, и ещё Мириам держала в руках небольшой узелок.

У меня у самого была только шпага, пистолет Гобелли, да пяток золотых в поясном кармашке. В общем и целом, ситуация к оптимизму явно не располагала.

Я посмотрел на людей стоявших плотной группой, затем перевел взгляд на Проухва.

Эх, Прошка, ты просто не знаешь, откуда я сюда прибыл, и рассказать не могу.

А прибыл я из страны с самым суровым климатом в моем мире, о чем многие её граждане даже не подозревают.

И знаешь ли какое дело, предки мои создали цивилизацию там, где любой другой народ попросту откинул бы копыта. Ты знаешь, что такое мороз, когда плевок на ветру замерзает? Ты видел, что сталь от холода ломается как стекло?

Когда выращивание урожай такое же азартное дело, как игра в кости: повезет – не повезет. Когда любое помещение приходится отапливать семь месяцев в году.

И такое год за годом, год за годом, всю жизнь.

И ничего, живут себе люди, детишек плодят, радуются и печалятся, смеются и плачут. Ничто их убить не может, ни климат, ни мудрость правителей, ни доброта сопредельных и не очень стран.

Проухв, то, что с нами случилось, ты считаешь проблемой? Нет, проблема это когда та же самая ситуация, но градусов на пятьдесят холоднее.

Когда долетающие до нас капли будут падать нам под ноги маленькими стеклянными брызгами, когда холодный ветер станет продувать насквозь, заставляя наклоняться вперед, чтобы не упасть на спину.

А так… Градусов двадцать тепла по моим тактильным ощущениям, все живы здоровы и даже не чихают.

Сейчас вернемся в Нойстроф, тут всего-то часов шесть-семь пешком, как раз к обеду подоспеем.

Что будем делать дальше? А чего раньше времени над такими пустяками задумываться? Если хочешь, я с тобой мудростью

моего народа поделюсь.

Слушай внимательно и запоминай навсегда, много раз пригодится – 'война план покажет'…

Шторм продолжался уже третий день. Сильный такой шторм, ничуть не меньше чем тот, в котором мы недавно побывали. Ничего странного в этом нет, шторма здесь не редкость, а сейчас и вовсе для них сезон.

Мы сидели в таверне, той, что называлась 'У морской дьяволицы'. Во-первых, с деньгами было не очень, чтобы навещать заведения поприличнее. И во-вторых, кормили здесь на удивление вкусно. Подозреваю, что была еще и третья причина, слишком уж поглядывал на дочь хозяйки фер Груенуа.

Кобель старый. Мы с Фредом одного возраста, а девушке не больше семнадцати. На меня смотреть не надо, у нас все серьезно, как вернусь, так сразу поженимся.

Девушка тоже иной раз бросала на Фреда из-под пушистых ресниц бойкие взгляды, явно поощряющие его интерес. Но на решительный приступ Фред не шел, слишком уж впечатляюще выглядела её мама. Всё это не мешало Фреду каждую ночь наведываться к одной вдовушке, с которой он познакомился в первый же день нашего возращения после неудачной попытки бегства.

Правда, сам он мотивировал свои визиты тем, что после смерти её мужа, шкипера, в доме осталось много карт, а он всегда питал к ним слабость. Твоя страсть к морским картам так понятна, фер Груенуа. Понятны и красные по утрам глаза, это надо же всю ночь напролет карты рассматривать при скупом свете свечи.

За столом мы сидели втроем, фер Груенуа, сти Молеуен и я. Только что на стол подали жаренного со специями тунца с кувшинчиком вина, и у меня появилась возможность отвлечься от назойливых мыслей, что занимали мой ум все последнее время. С острова нужно выбираться, вот только каким образом, пока мой ум ничего придумать не мог.

'Если рассмотреть любую проблему достаточно внимательно, то вы увидите себя частью этой проблемы'.

Не помню, чьи это слова, но то, что я являюсь большей частью нашей проблемы, неоспоримо. По крайней мере, для меня лично.

Что тут можно придумать? Единственное, что приходит в голову, так это договориться с владельцем какого-нибудь торгового корабля под свое честное слово, представившись и объяснив ситуацию. В принципе, ход беспроигрышный, если бы не существовало нескольких но.

Нойстоф – остров лежащий в отдалении от оживленных морских путей. Нет у него собственного большого торгового флота. Так, пара тройка некрупных посудин. И потому найти попутное судно будет очень непросто. Даже при условии, что не обязательно, чтобы пунктом назначения являлся имперский порт. Достаточно будет и того, чтобы такой порт оказался в соседней Империей страной. Там, в любом крупном банке, я, представившись, возьму деньги снова под залог своего слова.

Чужие же корабли заходят сюда достаточно редко и, в основном, вынужденно. Как та же 'Мелисса' или Скардар. Так что можно просидеть на берегу в ожидании попутного судна очень долго.

Снова захватить корабль? Благо люди всё ещё не разбежались и нас по-прежнему восемнадцать. Кстати, те два человека, без которых мы вышли в море на 'Мелиссе', так и не объявились.

Но в этом случае без жертв точно не обойдется, кроме того не вижу я подходящего для нашей цели корабля. Да и не выйти нам из гавани, два форта и корабли Скардара избавят нас от всех проблем и забот.

Нет, не вариант.

Деньги закончатся завтра, тяни не тяни. Мы и так перешли на рыбную диету, благо рыба в отличие от мяса, стоит буквально гроши. Что и понятно, город приморский. Хорошо хоть, что у Фреда в его кофре оказались остатки корабельной кассы.

Ещё и проблема с Изнердом. Когда изнердийские корабли войдут в гавань, нам придется подаваться в бега. А они войдут обязательно, сразу же, как только закончится шторм. Сомнительно, что Скардар сможет их одолеть.

Изнердийцев семь, в этом прав оказался я. Шесть двухдечных трехмачтовиков, и один корабль с двумя мачтами, копия покойной 'Мелиссы'. Возможно, что это был тот коутнер, что участвовал в погоне.

И среди местного населения обязательно найдется доброхот, что поведает им об экипаже 'Мелиссы', не утонувшим вместе с ней, а вернувшейся в город.

Вот такой нехороший расклад у меня получался.

И всего доброго, что осталось в жизни на данный момент, был отлично приготовленный со специями и овощами тунец, который, не смотря на общее уныние за столом, мы поглощали с похвальным энтузиазмом.

В таверну вошел дир Героссо, осмотрелся, увидел нас, кивнул и решительно отправился в нашу сторону, на ходу отряхивая шляпу от капель дождя и снимая плащ.

Дир Героссо служил старшим офицером на тримуре

Скардара, той, что была нашей недолгой соседкой по причалу. Ремонт был уже закончен и 'Морской Воитель', так она называлась, отошла от причала, встав на якорь. Познакомились мы с ним ещё вчера, а язык Скардара оказался вполне нам понятен. Видимо, он относился к той родственной группе языков, среди которых был и общеимперский.

Как выяснилось ещё вчера, мы пользовались довольно большой популярностью у скардарцев, после того как им стали известны подробности недавнего нашего боя с тремя кораблями Изнерда.

С этим понятно, враг моих врагов – мой друг.

Дир Героссо был высок, худ, одних лет со мной и Фредом, черноволос и обладал выдающимся носом с горбинкой. Насколько я успел заметить, внешность для скардарцев типичная.

Дир – это не имя, завали Героссо Мелиню. Дир – это то же самое, что и фер – у Груенуа, сти – Молеуена или де – у меня, то есть указывало на благородность происхождения.

Вчера он не преминул рассказать, что его дальние предки были родственниками первого правителя Скардара. Фред к теме разговора похвастал, что и по его линии в каком-то колене имелись родственники императора, и даже у Клемьера что-то такое то же нашлось. Словом, поговорить им было о чем, а я сидел и скучал. Когда дир Героссо поинтересовался у меня, я удачно вспомнил чью-то шутку и заявил, что всех предков не припомню, но основателей своего рода знаю точно. Хотя с этого момента прошло несколько тысячелетий.

Что характерно, нисколько не соврал, потому что если уж не Адам и Ева не основатели моего рода, тогда уж вообще не знаю.

На этот раз разговор пошёл совсем о другом. Мелиню, усевшись за стол, понюхал вино из кувшинчика, поморщился, поднял руку и щелчком пальцев позвал служанку. И тут же задал нам вопрос:

– Ну и что вы надумали делать, господа?

– Пойдем работать грузчиками в порт – пожав плечами, заявил я.

Мелиню хохотнул, видимо представив нас за работой и заявил:

– Долго же вам придется трудиться. Сюда корабли чуть ли не раз в полгода заходят.

С этим он погорячился, но не так уж и далеко это от истины.

Подскочила дочь хозяйки, Стейла, метнув на Фреда быстрый взгляд и поинтересовалась, что угодно господам. Фред, скользнул глазами по её стройной фигурке, ответил ей томным своим.

Словом кобель, а ведь ещё своим родством с императорской

родней гордится, пусть и очень дальним.

И за столом с самого начала уселся так, чтобы Стейла постоянно была ему видна.

Заказав вина, и сразу предупредив, чтобы оно было не просто лучшее, а лучшее из лучших, имеющихся в этой таверне, дир Героссо не стал дожидаться, пока требуемое подадут на стол, сразу же заявив.

– Я к вам с предложением. Что вы думаете относительно того, чтобы посетить славный Скардар прибыв туда на борту не менее славного 'Морского Воителя'?

Да как тебе сказать? Мы все сидим тут и мечтаем, чтобы оказаться на тысячу-полторы морских лиг дальше от еще более славной Империи.

Тем более что предстоит не туристический круиз, а бой с многократно превосходящими силами противника, который спит и видит уходящие под воду верхушки мачт кораблей Скардара.

– С решением следует поторопиться. Не далее чем к утру шторм пойдет на убыль. Конечно, есть риск что нам не удастся прорваться, но… Суть в том, что изнердийцы славятся своей злопамятностью, так что, оставаясь в Нойстофе, вы рискуете ещё больше.

То, что шторм скоро должен был закончиться, я знал, сти Молеуен и фер Груенуа об этом мне уже сообщили, а у меня есть все причины доверять им обоим.

Принесли вина. Дир Героссо встретил Стейлу не менее красноречивым, чем у Фреда взглядом, не забыв проводить девушку глазами до самой стойки, для чего ему пришлось обернуться. Мелиню наполнил бокал, не забыв и об остальных, залпом осушил его, и, снова чуть поморщившись, пробурчав себе под нос что-то вроде того: если это лучшее из лучших, что же тогда говорить о плохом.

Затем встал, решительным жестом натянул шляпу на голову и тряхнул плащ, перед тем как пристроить его себе на плечи. То, что брызги воды полетели на сидящих за соседним столом людей, его ни мало не побеспокоило.

И, уже полностью одетый, произнес:

– Господа, я бы на вашем месте даже не раздумывал.

У причала, кстати, ждет шлюпка, чтобы переправить вас людей на борт 'Морского Воителя'. Мне известно, что среди ваших людей есть две дамы, одна из которых очень юная особа. Ничего страшного в этом не вижу, места на борту хватит всем. И поймите, наконец, что это ваш шанс, быть может даже единственный.

Уже выходя из таверны, Мелиню поймал за руку

пробегающую мимо с пустым подносом Стейлу, обхватил другой рукой за талию и впился в её губы долгим поцелуем. Затем отступил на шаг, продолжая держать за руку, и сказал с восхищением в голосе: хороша. Дальше Мелиню вынул золотой, вложил его в руку Стейле, двумя пальцами ей подбородок, и чмокнул губами уже в воздухе.

Кивнув нам на прощание, он исчез за дверью.

Что характерно, мать Стейлы всего этого тактично не увидела, согнувшись за стойкой. Боюсь, что золотой она все же заметить успела.

Что тут сказать: что позволено Юпитеру… Особенно когда за спиной Юпитера около тысячи земляков из экипажей кораблей Скардара.

Я с улыбкой наблюдал за всем этим. В этом весь Мелиню, в чем мне уже удалось убедиться. Совсем как фер Груенуа до нашего расставания. И так хочется увидеть Фреда снова таким, каким он был прежде.

– Ну что, господа, каково ваше мнение о недавно прозвучавшем нам предложении?

Для себя я принял решение, и теперь слово было за моими сотрапезниками. От судьбы не убежишь, и вряд ли она повернулась ко мне так, что стало необходимостью прятаться на острове от Изнерда.

Глаза сти Молеуена явно выражали такую мысль – конечно, я понимаю, что имею почти равный голос среди присутствующих за этим столом, но так не хочется принимать любое решение. И это плохое, и другое будет не лучше. Так что решайте сами, и я приму его любым. А вот как навигатор Клемьер замечательный, тут ничего не скажешь.

От Фреда я услышал то, что в принципе и готов был услышать.

– Де Койн, я думаю, что другие варианты будут ещё хуже. Да и где их взять.

Ну что ж, я и сам такого же мнения. Если бы можно было бы что-нибудь придумать, то мы бы уже придумали.

Интерес дер Героссо к нам понятен. Не хватает экипажа на 'Морском Воителе'. И полтора десятка бывалых моряков для скардарцев маленькая, но удача. И платить не надо, и драться будут с немалым энтузиазмом, спасая свои жизни.

А в том, что в нагрузку идёт один граф и две девицы, ничего страшного нет, и мне это понятно.

'Эх, попала белка в колесо, крутись, но беги. В конце концов, лучше попасть в Империю через месяц, другой позже, чем вообще никогда туда не попасть' – думал я, вышагивая к нашему

временному пристанищу, которое представляло собой пустой склад, любезно, всего за пару золотых предоставленному нам человеком, с которым мы собирались обменяться кораблями…

На сборы нам понадобилось около получаса. Вернее, на сами сборы много времени не потребовалось, но перед этим как отправиться к причалу, состоялся разговор.

Тема разговора понятна, вполне могло случиться так, что у людей фер Груенуа или Гентье были собственные планы на будущее и шли они вразрез с предложением, сделанным дир Героссо.

Таких людей не оказалось, хотя особого энтузиазма увидеть не довелось. Чтобы хоть как-то подсластить пилюлю я сказал, что жалование, в связи с последними событиями ни у кого не пропало и даже увеличилось на треть. И по приходу в Империю оно будет немедленно обналичено, в том случае, если такая возможность не сыщется ранее.

У причала в указанном месте шлюпок не было, но присутствовала пара человек в плащах с капюшонами. При нашем приближении один из них извлек из-под плаща фонарь и замахал им в воздухе. С 'Морского Воителя' помахали светом ответно, и через пару минут от его борта отвалила шлюпка.

Все три тримура Скардара, 'Божий Любимчик', 'Морской Воитель' и 'Гнев Мениоха' были одного проекта и выглядели практически одинаково, за исключением немногих мелочей, что сразу видны только глазу опытного моряка. Разве что 'Морской Воитель' несколько выделялся среди своих братьев-близнецов. Прежде всего, повышенной парусностью, о чем легко можно было судить по такелажу. Ну и несколько меньшим числом орудий, коих было тридцать шесть в отличие вооруженных сорока пушками 'Божьего Любимчика' или 'Гнева Мениоха'.

Вероятно, все это добавляло ему ход.

Часть своей команды 'Морской Воитель' потерял ещё до встречи с эскадрой Изнерда, да и в сражении с ней пострадал больше других кораблей.

Дир Героссо рассказывал, что изначально они вышли в плавание, имея на борту экипаж числом несколько ниже положенного, торопясь присоединиться к двум остальным кораблям эскадры.

По пути им посчастливилось захватить изнердийского купца, на который была высажена призовая команда. Будь на нем другой груз, рассказывал Мелиню, купца просто потопили бы, позволив экипажу усесться в шлюпки, благо берег было видно на горизонте.

Но торговец до отказа оказался загружен чушками меди, в

чем Скардар остро нуждался, поскольку медь всегда была предметом импорта и 'Морской Воитель' вполне резонно рассчитывал на неплохую премию.

Потом, уже в бою, был залп изнердийского корабля картечью в упор, что тоже проредило численность экипажа на борту тримура.

В общем, осталось только половина экипажа. Конечно, оба других корабля Скардара поделились людьми, но в разумной мере, и в итоге из положенных триста человек на борту 'Воителя' было чуть больше двух сотен.

Сложность в создавшейся ситуации для эскадры Скардара была ещё и в том, что Изнерд решил окончательно утвердиться в своем могуществе на море. Нет, до кораблей, имеющих на борту десант, и следующих к берегам Скардара дело ещё не дошло, но эскадры Изнерда рыскали в поисках своего единственного соперника по могуществу на море, топя и захватывая его торговые и военные корабли.

Помнится, слушая дир Героссо, я цинично подумал, что не того врага себе выбрал. Все же приятнее, когда твой друг силен и могуч. Утешало одно.

По рассказам Фреда Изнерд боялись, ненавидели, опасались, уважали, но никогда не любили. Прежде всего, за его надменность. И все симпатии в начавшейся войне у нейтральных стран были на стороне Скардара.

Разместившись в небольшой каюте, для чего нам пришлось немало потесниться, я вместе с фер Груенуа и сти Молеуеном поднялись на мостик, чтобы представиться капитану корабля дир Брунессо и остальным офицерам. Флаг командора, адмирала дир Колиньессо был на 'Гневе Мениоха', но понятно, что на борт 'Воителя' мы попали с его одобрения.

На мостике собралось всё командование кораблем. Дир Брунессо стоял в окружении офицеров, и что-то им говорил, изредка прерываясь, чтобы кашлянуть в большой платок, который держал в левой руке.

Мы скромно встали у борта, дожидаясь, пока закончится совещание и на нас обратят внимание. Последнее совещание перед выходом в море.

Вскоре последует приказ с флагмана, корабли снимутся с якоря и пойдут на прорыв. Я поймал себя на мысли, что не последнее совещание, крайнее, так будет правильнее во всех смыслах сразу.

Ветер уже заметно спал, волнение тоже успокаивалось, так что ждать, что изнердийские корабли попытаются ворваться в гавань, никто не собирался.

Наконец, когда офицеры корабля разошлись по своим местам, дошла очередь и до нас. Дир Брунессо выглядел как Мелиню, разве что на пару десятков лет старше. Вот только худоба его выглядела болезненной.

Я представился первым, своим настоящим именем. Вряд ли оно настолько известно в этом мире, что необходимо прятаться за придуманным псевдонимом.

Затем представился сти Молеуен, вслед за ним Фред.

Дир Брунессо пару раз сухо кашлянул всё в тот же платок, затем посмотрел на меня каким-то испытующим взглядом и сказал:

– Так вот вы какой, Артуа де Койн. Что ж, рад познакомиться с вами лично.

Наверное, мне не удалось оставить выражение лица невозмутимым, поскольку следующие его слова были такими:

– Мир не так велик, как мы об этом думаем.

Серело, когда на флагмане часто замигал фонарь. Сомневаюсь, что они уже изобрели азбуку Морзе, но распоряжение было понятным, и последовала команда на выборку якоря.

Глава 19 Принц конюшни

Корабли Скардара снялись с якорей, и пошли к выходу из гавани. Если здесь, в порту, волнение было в виде мелкой толчеи, то в море оно встретило длинными высокими валами успокаивающегося шторма. Ветер по-прежнему свежий, что позволит набрать ход, ещё высокие волны не дадут Изнерду стрелять прицельно, так что всё на нашей стороне.

Артиллерийские дуэли в эти времена – в достаточной мере дело случайности. Для того чтобы попасть гарантированно, необходимо подойти на расстояние, не превышающее дистанцию ружейного выстрела. А при таком волнении, когда и наши и вражеские корабли, переваливаясь с борта на борт, то и дело вздымаются на гребнях волн, попасть и нам и нашим врагам, будет крайне затруднительно.

Нам это и не нужно, цель у нас одна, оторваться.

Я стоял и думал о словах дир Брунессо. Их можно понимать так, что имя моё он слышал давно. Причем ещё до того, как судьба свела нас в Нойстофе. С одной стороны приятно конечно, что оно известно даже в той стране, о существовании которой я некоторое время назад даже не подозревал. А вот с другой стороны…

Представляю, что при этом говорилось. Хотя чему удивляться, событие нечастое, скорее из ряда вон выходящее. Безвестный барон, ещё и не урожденный, а императрица так молода…

И куда смотрели члены её рода? Ладно сама она, в силу своего юного возраста, но ведь они люди опытные и отлично понимающие, что чувства и долг – понятия несовместимые. А долг у неё один: процветание Империи.

Тем более что она сидит на покачивающемся троне, а это значит, что ей нужен человек, который сможет помочь, если и не лично, то могуществом своего клана.

Затем мысли метнулись дальше. Представляю, что сейчас творится в Дрондере. И сколько их, тех, что очень обрадовались моему исчезновению. Да и сама Янианна, действительно, она так молода. А я сейчас удаляюсь от Империи всё дальше и дальше, и сколько будет это продолжаться, неизвестно. Если, конечно, переживу всё это.

Усилием воли я заставил думать себя о том, что предстоит нам в ближайшие часы. Ведь если всё закончится здесь, то какой смысл переживать о том, что происходит в Империи.

Есть у нас шансы, есть, и шансы неплохие, думал я,

осматривая горизонт.

Нам ведь не нужно ничего, кроме того чтобы ускользнуть от кораблей Изнерда. Никакого ненужного геройства в данной ситуации не требуется. Просто уйти туда, в открытое море, чтобы скрыться в его дали.

Вот они, все семь вражеских кораблей, вытянувшиеся строем в кильватер. Вернее, шесть вытянулись в линию, и идут наперерез нашему курсу. Седьмой, критнер, укрылся за ними, мористее.

Мы строй тоже был линейным. Впереди шел 'Божий любимчик', следом флагманский корабль – 'Гнев Мениоха' и замыкал строй 'Морской Воитель'.

Вероятно, Изнерд был готов к такому исходу событий, иначе как бы он смог встретить нас уже в развернутом боевом строю.

Нет, наверное, не всё складывается для нас так благополучно, как мне мыслилось, изнердийские корабли явно опережали.

Наши корабли держали курс на чистый ост, магот, по местному, навстречу показавшемуся из-за гряды солнцу.

Определенно адмирал дир Колиньессо знал о существующем в ней проливе, по которому нам так и не удалось пройти на 'Мелиссе'. Без всякого сомнения, знали о нем и изнердийцы, по-прежнему идя пресекающимся курсом. Через пару часов все противник оказался достаточно близко, чтобы можно было разглядеть многие мелкие детали на его кораблях.

Дистанция для точной пушечной стрельбы ещё велика, и сейчас, при таком волнении, когда волны иной раз захлёстывают в открытые орудийные порты, никто не будет палить первым, выжидая более подходящий момент, чтобы уж наверняка.

Когда головной корабль Изнерда оказался почти по курсу 'Божьего Любимчика', на гафеле флагмана затрепетало два разноцветных флага. Смотри-ка, у них и флажный семафор в ходу, думал я, наблюдая за тем, как все три корабля Скардара, совершая 'поворот все вдруг', ложились на другой курс.

Несомненно, что командование скардарских кораблей заранее проиграло на карте все возможные варианты развития событий, поскольку чуть ли не одновременно с показавшимися на гафеле 'Гнева Мениоха' сигналами, дир Брунессо скомандовал:

– Право на борт. Курс…

Каким должен был стать курс, мне разобрать не удалось, языки похожие, но не настолько, чтобы понимать дословно.

После поворота корабли Скардара сами уже пошли наперерез строю противника.

Теперь всё внимание было приковано к парусам кораблей Изнерда. Парусники – не моторные суда, и каждый маневр связан с парусами, что со стороны хорошо заметно. И по тому, что с

ними происходит, можно предугадать действия.

Изначально корабли Изнерда явно нас опережали в скорости движения. Сомнительно, чтобы на них знали о наших планах, видимо просто так совпало, и совпало не в нашу удачу.

Изнердийцы, вероятно, решили продолжить бомбардировку стоявших у входа в гавань двух тримур Скардара, поняв, что погода меняется и шторм затихает. И они вытянулись в линию, чтобы продолжить то, чем они занимались до прихода непогоды. Вся тактика в эти времена и заключается именно в том, что корабли идут в кильватер друг другу, следуя почти параллельными курсом строю противника, сближаются до расстояния пушечной стрельбы, пытаясь обогнать линию враждебных кораблей, пересекая их курс и забирая у противника ветер. Отсюда и пошли линкоры – линейные корабли.

У нас они пошли, здесь возможно их и не будет. Здешние моря больше требуют маневренности, слишком уж богаты они островами и отмелями. А тактика морских боев, получается, сложилась такая же.

Вот только адмирал дир Колиньессо решил отойти от нее, и тримуры Скардара неслись наперерез противнику, разрезая ему строй.

По моим прикидкам 'Морской Воитель' должен был пройти за кормой замыкающего строй изнердийца, а две другие тримуры Скардара окажутся под огнем с двух сторон. Наверное, это очень рискованно, но дир Колиньессо знает, что делает.

Теперь Изнерд должен был что-то предпринять в изменившейся ситуации.

На мостике продолжали наблюдать за парусами изнердийцев, кто при помощи труб, кто и невооружённым глазом, благо расстояние позволяло делать это беспрепятственно.

Вполголоса переговаривались между собой Фред с Клемьером, дир Брунессо стоял, прижав платок ко рту, неотрывно смотря на приближающегося врага. Мелиню забавлялся тем, что на четверть извлекал клинок шпаги из ножен, вероятно, успокаивая нервы. Если маневр удастся…

Покинуть строй без приказа – это военное преступление, и некоторое время изнердийцы продолжали следовать линией, ожидая распоряжений своего флагмана. Наконец, на мачте одного из кораблей, несшей помимо флага Изнерда ещё и большой вымпел, взметнулся какой-то сигнал.

Офицеры на мостике 'Воителя' оживились, перебрасываясь фразами, что-то будет. Когда на кораблях противника начали исчезать паруса, и они стали менять курс, дир Брунессо подал новую команду, после чего долго не мог справиться с не

унимающимся кашлем.

'Здесь это не лечится' – подумал я, увидев, как он в очередной раз достал свежий платок, отправив прежний и покрытый алыми пятнами крови за борт.

После команды флагмана строй Изнерда начал рассыпаться.

'Морской Воитель' довернул немного влево и теперь почти под прямым углом шел в борт изнердийского корабля, того, что замыкал эскадру.

Маневр понятен, при таком курсе корпус 'Воителя' как мишень имеет минимальные размеры. Крайне сомнительно, что у изнердийца орудия заряжены книппелями, ведь против корабельных корпуса и мачт они малоэффективны, а он шел бомбардировать стоящий на якоре корабль. И времени на то, чтобы поменять снаряды, у него попросту нет.

'Сейчас будет залп', – подумал я, когда расстояние уменьшилось до критического.

Мелькнувшая в голове мысль совпала со вспышками на борту изнердийца.

Все восемнадцать пушечных портов, расположенных в шахматном порядке орудийных, на артиллерийской и верхней палубах, озарились огнем. Громыхнуло сразу же, дистанция была, что называется, в упор, и разрыва между светом и звуком почти не было.

Я успел заметить взгляды, устремленные на меня офицерами 'Воителя', не прямые, но всё же. Господа, мне хватает и того, что на меня смотрят мои люди, и я знаю, как много зависит, от поведения старшего. Я и сам бы смотрел на своего командира, и, если бы он излучал спокойствие, мне и самому было бы проще его сохранять. Это у вас просто интерес, как же он себя поведёт, тот самый де Койн.

А вот мужественно смотреть на врага необязательно, и я поднял левую руку, стряхивая правой ладонью несуществующую пыль с рукава камзола.

'Морской Воитель' принял чугун вражеских ядер достойно, лишь гневно скрипнув деревом, повстречавшимся с изнердийским металлом, да в парусах появилось несколько дыр.

– Право на борт – не прокричал, громко прохрипел дир Брунессо, бледный как смерть, но не от ужаса, и оба рулевых лихорадочно закрутили колесом штурвала.

Тримура прошла от изнердийца на расстояние пистолетного выстрела, и я разрядил оба ствола своего пистолета в сторону близкой кормы, где на мостике столпились офицеры врага, в блестящих кирасах и шлемах. Стреляли с обеих сторон, и рев обеих команд заглушал звуки выстрелов.

И вот тогда, когда 'Морской Воитель' поравнялся с кормой изнердийца,

дир Брунессо подал новую команду, после чего упал на колени, пытаясь унять рвущий его кашель.

С расстояния, что было между двумя кораблями, промахнуться не получится даже в такую погоду, и корму изнердийского корабля разнесло в щепки. Нет, он не начал тонуть, уходя кормой под воду, но управлять им стало невозможно. Такого, видимо, и добивался дир Брунессо, и получилось у него замечательно. Самого его, так и не сумевшего разогнуться, увели с мостика под руки, и командование кораблем принял Мелиню дир Героссо.

'Морской Воитель' продолжал следовать прежним курсом, чтобы не попасть под огонь правого борта лишенного возможности управляться корабля.

На палубе велись лихорадочные работы, канониры заряжали орудия и среди них мелькали Бронс, Мрост, ещё кто-то из наших людей. Остальные были среди абордажной партии, смешавшись с нею, одинаковые, как и экипаж 'Воителя', в таких же кирасах и шлемах.

По левому борту, в отдалении, громыхнуло раз, другой, затем ещё и ещё.

Это прорывались сквозь строй изнердийцев корабли Скардара. У них более сложная задача, огонь по ним велся с обеих сторон.

Нет, всё же в моем понимании скорость более предпочтительна, чем броня или мощность бортового залпа. Да и какая тут броня, медные листы бронепояса на уровне ватерлинии.

При повороте в сторону изнердийской эскадры 'Морской Воитель' находился дальше двух других тримур Скардара, но сумел достичь её первым и теперь уходил, прорвавшись, в морскую даль.

Вот из-за леса мачт рассыпающегося строя Изнерда показался 'Божий Любимчик', где же 'Гнев Мениоха'? Ведь по времени должен был показаться и он.

Так, вот и 'Гнев Мениоха', но что это? Вместо того чтобы продолжать следовать курсом в море, 'Мениох' вцепился бортами с одним из кораблей Изнерда. Какой, к дьяволу, абордаж, когда вокруг столько врагов, а волны бьют борта кораблей друг о друга с такой силой, что никакие кранцы не спасут?

Все выяснилось через несколько мгновений, когда яркая вспышка оказалась на месте скардарского корабля. Затем были клубы дыма, огонь на палубе взятого на абордаж противника… Мы же стояли и смотрели, сдернув с голов, кто шляпы, кто каски.

Почему адмирал дир Колиньессо принял именно такое решение?

Что там произошло? Его корабль получил сильные повреждения и он, зная, что жить кораблю считанные минуты, решил захватить врага с собой? Как теперь это узнать?

И оставалось только поклониться героям, принявшим такую смерть. Смерть не напрасную, потому что погоню продолжили всего три корабля Изнерда. Вернее четыре, но считать коутнер боевым кораблем…

На горизонте лежали в дрейфе два изнердийских корабля. Один из них с развороченной 'Морским воителем' кормой и другой, с повреждёнными близким взрывом парусами и такелажем. Они оба остались на плаву, но на починку им потребуется немало времени и вряд ли в ближайшее время они смогут продолжить погоню.

А на дне морском покоился 'Гнев Мениоха', захвативший с собой врага в вечный тлен.

Так оно всегда и бывает, мужество защитников отечества никогда не зависит от продажности или бездарности его правителей.

Положение по-прежнему оставалось критическим, врагов оставалось почти вдвое больше.

К тому же 'Божий Любимчик', с которым мы сблизились до расстояния плитинга, одной десятой морской лиги, начал сдавать.

Было хорошо видно, как на его палубе сновали матросы, пытаясь на ходу завести пластырь. Сам корабль всё чаще зарывался носом в волну. И это говорило о том, что 'Любимчик' получил серьезные повреждения, а экипаж пытается его спасти.

Вполне может случиться и так, что вскоре 'Морскому Воителю' придется в одиночку остаться против четырёх кораблей Изнерда.

Но теперь экипаж 'Воителя' посматривал на изнердийский флот как то даже по-философски, будто пытался представить на себе судьбу 'Гнева Мениоха'.

А я, я был горд, что оказался именно на стороне Скардара.

Волнение успокаивалось прямо на глазах, ветер в корму задувал по-прежнему свежий, и, будь 'Божий Любимчик' в порядке, мы просто шли бы прежним курсом, держа противника по корме.

Тем более что Изнерд не форсировал события, пытаясь приблизиться, что-то выжидая или на что-то надеясь. Видимо, то, что происходило с 'Любимчиком', было понятно им не меньше нас.

Наконец, наступила развязка. 'Божий Любимчик' приспустил паруса, вероятно посчитав, что устранить течь в корпусе на полном ходу не получится.

Двести метров, разделявших нас, не расстояние, и было хорошо видно, как на палубе суетились люди, вероятно собираясь покинуть корабль.

Этого на 'Воителе' ждали, и дир Героссо давно уже приказал приготовить корабельные шлюпки к спуску, ведь нужно спасать людей.

Так, а где моя кираса? Вот она, в нескольких шагах, лежит себе, дожидаясь своего часа. Я только лишь примерил её, приложив к телу. По уставу во время боя на мостике положено быть в ней. Но я-то смог себе позволить обойтись и без кирасы, как человек сугубо штатский, и, в общем-то, случайный.

Случись что с 'Морским Воителем', несколько килограмм металла не придадут телу положительной плавучести, решил я когда мы только выходили из гавани.

Теперь же другое дело.

Спасение людей с 'Божьего Любимчика' займет какое-то время и корабли Изнерда, безусловно, воспользуются ситуацией, когда и 'Божий Любимчик' и 'Морской Воитель' останутся практически без хода.

Взглядом я подозвал Проухва. Пусть поможет одеть, кираса – не бронежилет, и его помощь не помешает.

Для того чтобы переправить экипаж поврежденного корабля с борта на борт не требуется ложиться в дрейф, но ход придется уменьшить до малого.

А это даст Изнерду приблизиться до дистанции пушечной стрельбы. Возможно, дело дойдет до картечи, и кираса станет насущной.

Но что это?

Вместо того чтобы приказать убрать паруса, дир Героссо отдал команду выставить всё что можно. Такая возможность была, решив сравняться скоростью хода с 'Любимчиком', 'Воителю' пришлось приспустить часть своих. Но как же так?

Ведь 'Гневу Мениоха' достаточно было спустить флаг, признавая своё поражение и сдаться в плен. А плен, это ещё не гибель. И теперь, после его подвига, мы бросаем тонущий корабль вместе с его экипажем.

'Морской Воитель' уходил, отсалютовав оставшимся на смерть морякам 'Божьего Любимчика' залпом из кормовых орудий. Изнерду его не догнать, нет у него кораблей, способных сравниться с 'Воителем' скоростью.

Я стоял, облокотившись на планширь, глядя на бегущую за

бортом воду.

Пушечная пальба за кормой давно стихла, и на горизонте не было видно ни одного пятнышка паруса. Вероятно, Изнерд отказался от погони, трезво оценив ситуацию.

Красивый цвет воды, ярко сине-зелёный. В этом мире все краски ярче. Сейчас я уже к этому привык, и лишь иногда смотрел на мир прежним взглядом, любуясь его красотой. А настроение было самое поганое. Казалось бы, с чего?

Артуа, это чужая война, совсем чужая. Какое до неё тебе дело? Радуйся, что остался живым, что не получил ни царапины. Что целы все твои люди. Ищи во всем этом лимонад. Вот только делать этого совсем не хотелось.

Подошёл Мелиню, встал рядом, тоже обратив свой взгляд на воду. Помолчали.

Я все понимаю, Мелиню. Ты спас корабль, спас экипаж, и останься ты там, твой подвиг был бы напрасной жертвой. Не было у нас никаких шансов победить, ни малейших. Только понимание всего этого нисколько не прибавляет настроения.

– Я много раз бывал в Империи, Артуа, – начал дир Героссо, и, словно в доказательство, произнес эти слова на общеимперском.

– В столице, Дрондере, я не был, а вот в Гроугенте заходить приходилось часто. Красивый город, а какие там женщины! – и Мелиню снова замолчал.

Ничего удивительного, Гроугент – город портовый, и туда часто заходят корабли со всего света. И женщины потому и красивы, при смешении рас обычно так и бывает. Вот только нет у меня желания говорить с тобой на самую мужскую тему – о бабах. Извини.

Но дир Героссо заговорил совсем о другом:

– Мою родину много лет раздирают распри, ты не можешь не знать об этом.

Я молча кивнул головой, знаю.

– Так вот, четыре года назад к власти пришел Дом Сьенуоссо, во главе с Минуром Сьенуоссо. Возможно, он не самый идеальный человек и не самый лучший правитель. Но. Минур Сьенуоссо сумел крепко взять власть в свои руки, очень крепко. И то, от чего мы страдали, от чего почти потеряли былое могущество, наконец-то стало исчезать. Он сильный человек, Минур Сьенуоссо.

И слабость у него только одна, его единственный сын и наследник – Диамун. Он сейчас на борту 'Морского Воителя'. Вот только не спрашивай меня, пожалуйста, почему он здесь оказался. И ещё. Часть меня осталось там, с ними – дир Героссо махнул рукой куда-то за корму 'Воителя'.

Уже уходя, он добавил:

– Дир Брунессо очень плохо, и вряд ли он переживет следующую ночь.

'Морской Воитель' – корабль немалый, и потому кают-компания была на нем отдельным помещением. И готовили неплохо. К вечеру аппетит всё же разгулялся и ужин я оценил по достоинству.

За ужином присутствовал и Диамун Сьенуоссо, предмет нашего недавнего с Мелиню разговора, наследник скардарского престола. Молодой человек лет двадцати пяти, такой же черноволосый и носатый, как и большинство скардарцев, с довольно милыми манерами и располагающей улыбкой. Изредка я ловил на себе его взгляды, но, поскольку дальше взглядов дело не пошло, не стал напрашиваться с общением.

Вот только улыбался он, на мой взгляд, слишком часто. Все-таки, с тех пор, как ради его спасения погибли несколько сот человек, прошло не так уж и много времени, чтобы он вот так сидел, шутил, улыбался или ругал плохо приготовленный судовым поваром телячий миньон.

Я встал, поблагодарил за ужин, извинился, что вынужден уйти, и направился к выходу.

Обычно после ужина свободные от вахт офицеры остаются в кают-компании, чтобы провести вечер. Кто-то музицирует, для чего имеется местная разновидность клавесина и аналог гитары моего мира. Кто-то предпочитает игру в карты или просто поговорить о былом. Словом, занятия находят себе все. Может быть, сегодняшний вечер – не самое подходящее для развлечений время, но сидеть в каюте ещё тоскливее.

Я бы и сам с удовольствием остался, но не сейчас. Тем более, после ужина в каюте мы встретимся с фер Груенуа, он тоже вскоре должен закончить трапезничать.

Из своих странствий и приключений Фред привёз новую игру, в Империи ещё не ведомую. Мы уже успели сразиться с ним несколько раз, и ни разу удача в мою сторону даже не поглядывала.

Сама игра называлась тримсбок. Представляла она собой круглое, разграниченное линиями поле, с плоскими фишками как в го, и фигурами, имевшими отдаленное сходство с шахматными. Кроме того, присутствовали кости, и ещё можно было убрать с поля чужую фигуру, если она попала в одну из десятка полтора определённых комбинаций. Очень сложная игра, и, кроме того, я никак не мог понять самой её логики. Победить Фреда я даже не надеялся, но как способ избавиться на время от не самых радужных мыслей, она вполне меня устраивала.

Когда я уже подошёл к двери, Диамун вполголоса сказал несколько слов на незнакомом мне языке. Вернее, сам язык был мне незнаком, но это расхожее выражение знал. Знал благодаря Анри Коллайну.

Здесь тоже существовал подобный латинскому мертвый язык – тилоский, и множество афоризмов из него пользовались популярностью.

Анри Коллайн всегда поражал меня многими своими способностями: талантом к языкам, умением добывать информацию, классифицировать её, делая точные выводы и ещё многими другими вещами. Единственной его слабостью была любовь к прекрасному, тому, что ходит согласно местным традициям в юбках с подолами до самой земли и имеет так много приятных мужскому взгляду округлостей.

Так вот, то, что произнес Диамун, можно было перевести как 'принц из конюшни' или 'принц конюшни'. И об истинном значении выражения нетрудно было догадаться.

Я оглянулся на Диамуна и его взгляд показался мне насмешливым. Где же был он, и его насмешливый взгляд ещё так недавно, почему не смотрел он им при прорыве на корабли Изнерда? Как бы это хорошо действовало на матросов, которые бы глядели на него и думали: 'вот он, будущий наш правитель, вместе с нами. И ведь не боится ничего, ещё и улыбается. А ведь мог бы уйти, спрятаться внизу'. Что, было страшно подняться на мостик? А кому там не было страшно, ты мне покажи хоть одного человека, которому не бывает страшно никогда.

Я ведь увидел тебя только за ужином, в кают-компании. Ладно, это твоё личное дело, но что касается остального…

Непонятно, на что ты надеялся? На то, что я не услышу, или наоборот, услышу, или, услышав, не пойму?

'Почему это так? – думал я, направляясь к нему. – Почему люди, которых судьба вознесёт хоть немного, начинают относиться к тем, кто остался, по их мнению, внизу, таким образом? Ведь ничего же не меняется, кроме достатка или кусочка власти, а разве это имеет много значения? Ведь сегодня ты можешь быть олигархом, а завтра тебя будут гноить в тюрьме без всякой надежды на освобождение. Если человек добился всего сам, в этом случае он имеет право гордиться собой, хотя бы внутренне. Но в нашем случае ты всего лишь на всего сын своего отца,'.

На столе перед Диамуном стояла чашечка с коричневой бурдой, отдаленно напоминающей вкусом кофе. Он необычайно популярен в этих краях, этот напиток. Быть может это цикорий, в своём мире я о нем слышал. Говорят, он тоже похож вкусом на

кофе.

Но сейчас не до этого.

Опустив в чашечку палец, я им поболтал. Суррогат благородного напитка успел остыть примерно уже наполовину, что идеально подходило для моей цели.

Взяв чашку в руку, я вылил её содержимое на голову наследника, затем положил руки на стол, оперся на них и заглянул Диамуну в глаза.

'Если ты сейчас хоть что-то скажешь, я вобью твои слова обратно вместе с зубами'.

Меня трясло, и было абсолютно безразлично, что произойдет со мной через пару мгновений.

В кают-компании стояла абсолютная тишина, лишь за открытыми иллюминаторами скрипели корабельные снасти и слышался плеск волн.

Глава 20 Техника выживших

Отступив шаг назад, я оказался у открытого иллюминатора. Нет, это получилось случайно, и я не собирался покинуть помещение через него в том случае, если к выходу из кают-компании будет не пробиться. Не дождетесь.

Из иллюминатора приятно пахло морской свежестью и мне не удалось преодолеть соблазн потянуть её носом. Помнится, ещё год назад я мечтал очутиться на море, а теперь выходит так, что только и делаю, что на нём нахожусь. Впредь надо будет поаккуратнее со своими мечтами, с ними явно что-то не так.

О смысле услышанного в свой адрес выражения я узнал ещё в самом начале наших с Яной отношений.

Тогда мы с Анри оказались на рауте в доме одного графа, чьи пистолеты стали позже моим подарком к его, Коллайну, дню рождения.

Анри тогда не на шутку увлёкся одной красоткой, и уговорил меня посетить дом графа, поскольку ему доподлинно было известно, что она часто бывает там.

Наносить визиты без приглашения или заранее посланного уведомления здесь считается не слишком приличным, но у меня был знакомый, ещё один граф, Андригус Эликондер, который мог навещать этот дом запросто. Словом, все сладилось, и в компании Андригуса мы туда и отправились.

Яна тогда вместе с двором убыла в один из своих загородных дворцов на несколько дней, так что дожидаясь её возвращения, я убивал время как мог.

Предмета неземной страсти Коллайна в доме не оказалось, но Анри быстро нашел замену, принявшись очаровывать другую леди, и в этом он весь.

С заменой у Коллайна что-то не заладилось, чему я был только рад, поскольку она показалась мне всего лишь симпатичной пустышкой. Хотя вряд ли Коллайн рассчитывал вести с ней философские диспуты.

Тут как нельзя кстати Андригус предложил поехать в дом другого его знакомого, чему я даже обрадовался. Хотя атмосфера оказалась скучновата, но вино было превосходным, и мне хотелось избавиться от его излишков, подставив лицо ветру в быстро мчавшейся открытой карете.

До клубов здесь ещё не додумались, и знать развлекалась тем, что всю ночь переезжала из дома в дом, гостеприимно распахнувших двери по случаю многочисленных праздников, дней рождений, юбилеев, знаменательных дат и просто хорошего

настроения.

Раскатывающие по ночной столице кареты встречались, их пассажиры весело общались, бывало, что изменяли первоначальные планы и возвращались туда, откуда только что убыли, но уже с новыми гостями.

Случалось и так, что кому-то приходило в голову навестить свой загородный дом, и целая вереница карет, посчитав это удачной мыслью, выстраивалась за каретой хозяина. И все это было так почему-то знакомо.

Когда мы вместе с Анри и покидали дом, один из его гостей и обронил эту фразу.

Конечно же, я не обратил на неё внимания, тем более что мне не было понятно ни слова.

Анри же остановился как вкопанный. Помню, что в тот момент я торопил его, потому что Андригус ждал нас у кареты, а Коллайн перед этим всё ещё пытался что-то изменить в ситуации со своей новой знакомой, и мы задерживались.

– Открой же глаза, Анри. Поверь мне, это не та женщина, проснувшись с которой утром в одной постели, ты будешь иметь желание лечь вместе с ней вечером ещё раз – заявил я ему со свойственной мне прямотой, которая всегда у меня проявлялась после нескольких бокалов вина.

Довод показался ему убедительным, и мы покидали дом, раскланявшись с хозяевами. На выходе нас эта фраза и поймала.

Коллайн подошел к человеку, её произнёсшему, который стоял в окружении двух дам, держа их под руки. Затем о чём-то спросил его на незнакомом мне языке. Когда тот недоуменно повел лицом, сказал что-то ещё, такое же непонятное, но, несомненно, произнесенное уже на другом наречии. Реакция была аналогичная.

Следующий вопрос был на общеимперском:

– Извините, не знаю, как вас зовут.

Когда его собеседник совсем уж открыл рот, чтобы озвучить своё имя, Анри прервал его словами:

– Впрочем, не утверждайте себя, ваше имя написано у вас на лбу. Вы осел, и дети ваши тоже будут носить это имя.

Незнакомец побагровел, а Коллайн продолжил в издевательски-ленивой манере:

– Возможно, что я все же не угадал. Давайте я и дальше буду произносить имена, а когда вы схватитесь за свою шпагу, это будет знаком того, что я попал в точку.

Итак, начнем: баран, безмозглый тупица, человек с дерьмом вместо мозгов,– тут он на секунду оторвался от перечисления, сказав – извините дамы – затем продолжил:

– Бельнеуйский павиан.

Здесь он снова обратился к дамам:

– Вы знаете, бельнеуйские павианы отличаются особой тупостью

И затем уже к своему визави:

– Неужели до сих пор не угадал?

Тот стоял багровый как закат перед грядущим ненастьем. Достаточно дурацкая ситуация. Ведь схватись за шпагу, знак того, что немедленно хочешь ответить за оскорбление, получится так, что признаешь одно из имен своим.

'Это всё он не сам придумал – с гордостью тогда подумал я – Этому он у меня научился, когда присутствовал однажды при подобном разговоре. Вот только чего он на него так взъелся? Неужели из-за так неудачно начатого вечера? Понятно, что неудачное знакомство с дамами больше всего ранят мужские сердца, некоторые и знакомиться-то опасаются именно из-за этого. Но Анри ведь не таков'.

Вернулся Андригус, уставший ждать нас возле кареты, и с ходу принял сторону Коллайна. Андригус считает себя моим должником, и, наверное, это так, но совсем не в той степени, как он сам об этом думает.

К человеку, так и не выбрать себе имя, подошли его знакомые, дело сложилось, и было оговорено время и место.

Стать секундантом Коллайна мне не удалось, он выбрал себе Андригуса Эликондера и ещё одного графа, офицера кирасирского полка, нашего общего с ним знакомого. На все мои попытки выяснить, что же все-таки произошло, Анри уклончиво отвечал, что позже, позже.

Дуэль состоялась, и Анри легко одолел своего соперника, ещё и слегка поиздевавшись над ним, заставив того, в конце концов, во всеуслышание заявить, что слова его относились совсем не к тому человеку, о котором Коллайн мог подумать.

Анри Коллайн великолепный стрелок, но и со шпагой он давно уже состоит в самых близких отношениях, так что его легкая победа не стала для меня неожиданностью.

А вот чтобы узнать смысл фразы мне пришлось добиваться целую неделю. Наконец, он сдался, и мы здорово поругались.

-Ты представляешь себе, что теперь думают обо мне люди! – чуть ли не кричал я на него. – Оскорбили меня, и теперь все думают, что мне просто не хватило смелости, чтобы призвать этого осла к ответу!

– Тебе что, не хватает проблем, связанных со всем этим? – голос Анри тоже мало напоминал шёпот.

Коллайн имел ввиду мою недавнюю дуэль с Севостом,

'убийцей в чёрном', как называли его за глаза, и реакцию Янианны на это событие.

Конечно же, Яне донесли о случившемся во всех подробностях. И, зная её отношение к дуэлям вообще, я очень удивился, услышав слова:

– Жаль, что меня нет такой близкой подруги…

Я продолжал стоять, скрестив руки на груди, гордо задрав подбородок. Нет, сделал я это не намеренно, даже Яна однажды заметила, что, стоит мне скрестить руки на груди, как подбородок у меня задирается. Наверное, это часть моей физиологии, или, быть может, вазомоторики.

В кают-компании на ноги вскочили все. Без сомнения, находящиеся в ней люди получили хорошее образование и большей части из них понятен смысл фразы, как и сам смысл возникшего конфликта.

Ситуация же сложилась напротив, нехорошая. Сегодня утром, во спасение этого человека, что продолжал сидеть, растерянно вытаращив глаза и даже не пытаясь вытереть грязные потеки с лица, погибли люди. Много людей.

Не стало двух кораблей, наверняка одних из лучших на флоте Скардара, так как что попало за наследником не послали бы. Сам он сын их правителя, вполне возможно, и, что вполне возможно, вскоре станет им и сам.

Но, если вникнуть в суть, есть такое понятие как честь, и кому как не им знать об этом, готовым ради неё сложить голову хоть немедленно.

К наследнику престола кинулось пару людей из его окружения, которых так и хотелось назвать лизоблюдами. Они хлопотали вокруг него, что-то приговаривая, вытирая лицо и начинавшую светить плешью голову, салфетками. Больше всего они похожи были на нянек, уговаривающих хозяйского сына съесть ещё ложечку. И я не смог сдержать ухмылки.

Офицеры, присутствующие здесь тоже были людьми с достатком, но, по сравнению с раззолоченной свитой наследника выглядели просто бедными родственниками.

Сразу же почему-то вспомнилась картинка из уже далёкой прошлой жизни, когда на авиастроительный завод прибыла большая группа офицеров ВВС. Для них устроили экскурсию, чтобы они могли посмотреть на истребители-бомбардировщики, уходящие по контракту за рубеж в одну из далеких жарких стран. Хотя бы посмотреть, потому что в армии моей страны не было ни одного такого самолета. Среди них было и несколько человек из Росвооружения, организации, что и занимается продажей военной техники за пределы родины. Как же отличалась они от остальных

офицеров…

Холеностью лиц, тканью, пошедшей на их мундиры, манерой себя держать, наконец. И как они поглядывали на остальных, среди которых были даже генералы. Помню, мне тогда пришла в голову мысль, смогут ли они хотя бы поднять в воздух один из этих самолетов? Сомневаюсь, потому что летчиков-испытателей, тех, что стоят килограмм золота за килограмм собственного веса я тоже навидался, и они были совсем другими.

Диамун опять собрался открыть рот, и я непроизвольно посмотрел на сосуд, заменявший кофейник. Поначалу я хотел использовать его, но затем отринул эту мысль, поскольку коричневой влаги в нем значительно больше и вряд ли она успела остыть до требуемой температуры. Да и как проверить, лезть в кофейник рукой, вдруг застрянет. И что потом? Держать руку с надетым на неё кофейником, стараясь направить струйку из носика на его голову? Так в рукав натечет. С другой стороны, в ближнем бою можно было бы использовать кофейник как кастет.

А мысль не самая глупая, вновь усмехнулся я. Кают-компания – не то место, куда приходят при шпагах и пистолетах. Тем паче сейчас, когда вокруг на многие, многие лиги ни одного врага.

Так что вполне возможно, что придется вступить в рукопашный бой. Нисколько не сомневаюсь, что окружающих меня людей с детства учили боевым искусствам. Вот только сомнительно, что среди их наставников были мастера кунг-фу. Не те ещё времена, когда сила удара кулаком хоть как-либо влияет на степень заточенности клинка. У меня их тоже не было, мастеров, но кое-что я задолбил на уровне рефлексов. Пусть и времени после этого прошло достаточно. Ведь это как плавание или велосипед, можно потерять мастерство, но разучиться уже невозможно.

'Лучшая техника – это техника выживших'.

Так, по-моему, сказал знаменитейший японский мастер меча и катаны. Со своей техникой я давно уже определился, и она совершенна. Потому что в ней присутствуют только то, что запрещено даже в боях без правил.

Только и она не поможет, вон их сколько, если кинутся все разом…

Да ещё за вилки схватятся, те, что имеют солидные размеры при скромных двух зубчиках. Насмерть затыкают, ироды.

Я представил на палубе своё бездыханное тело, сплошь утыканное вилками, как ёжик иголками, и усмехнулся в третий раз. Нервы.

Мы все стояли и молчали, только были слышны тихие, с придыханиями, голоса людей, что занимались Диамуном. Они

что-то говорили ему, на чем-то настаивали, но в мою сторону даже не глядели.

Наконец Диамун, всё ещё выглядевший крайне растерянным, поднялся со стула и пошел по направлению к дверям. Уже возле выхода он приостановился, посмотрел на меня и сказал:

– Надеюсь, что вы с нами прибудете в Скардар.

А тон его голоса был таким, что как хочешь эти слова, так и понимай.

Когда дверь за ним захлопнулась, я сказал:

– Извините, господа. Считаю, что погорячился.

Больше всего мне не хотелось, чтобы мой голос действительно прозвучал извиняющимся. В конце концов, я приношу извинения только за то, что испортил им ужин, а не вовсе за то, что до сих пор нахожу правильным.

Перед тем как самому выйти из кают-компании, я ещё раз осмотрел всех, стараясь поймать их взгляды. В принципе, любого другого человека на моем месте я бы понял и не стал бы осуждать его поступок. Иначе к чему все эти разговоры о чести. Она либо есть, либо её нету, и тут выбор за каждым.

Взгляды были какими угодно, но явной агрессии не обнаружил никто. Кто-то старательно взгляд отводил, кто-то отвечал своим твердым, но не злобным, кто-то сделал вид, что занят только стоявшим перед ним блюдом.

Да ничего особенно страшного и не произошло. Помню, в нашей истории был случай, когда бывшего с визитом в Японии Николая II огрел саблей по голове местный полицейский. Скандал тогда замяли, хотя только случайность спасла императора. Именно после этого случая в великий и могучий попало выражение: 'японский городовой'. Вот только, убей – не помню, что стало с полицейским. По-моему, его сумасшедшим признали. А тут, подумаешь, кофе на голову. И я улыбнулся в четвертый раз, в глубине души очень надеясь, что улыбка не выглядит идиотской.

Затем глазами нашел фер Груенуа.

Пошли Фред, вряд ли тебе всё увиденное добавило аппетита.

В конце концов, Мириам нам в дорогу таких пирожков напекла, умудривших забраться на кухню таверны 'У морской дьяволицы'. Что удивительно, что сама хозяйка помогала ей стряпать, уж не знаю чем она её взяла.

И ещё есть у меня под настроение пара бутылочек весьма неплохого тускойского. Вино из нашей с тобой родины, из Империи. Где взял? Места знать надо.

Глава 21 Обычай викингов

Мы сидели с Фредом в каюте, и пили тускойское. Сти Молеуен, пригубив из бокала, извинившись, отправился спать. Вид он имел, надо сказать, не слишком счастливый, и это напрямую было связано с недавним конфликтом, произошедшим между мной и Диамуном.

Насколько я успел изучить характер Клемьера, он не любил острых ситуаций, тех, которых при желании и некотором напряжении возможно избежать. Фред напротив, отнесся ко всему произошедшему по-философски: что сделано – то сделано, и к чему теперь задним числом рассуждать о том, как мне было бы правильнее поступить в сложившейся ситуации.

Мы разговаривали с ним о многих разных вещах. Я рассказывал ему о событиях, случившихся за время его отсутствия в Империи, делился своими планами, сообщил Фреду о его месте в них и просил над этим подумать.

О Диамуне не было сказано ни слова, хотя мы оба понимали, что положение мое не очень.

Если ему не и хватит личного мужества ответить на оскорбление, то ждать теперь приходится любую гадость, уж на это он способен. Но пока дело до этого не дошло, не было смысла рассуждать на эту тему.

Но пару заряженных пистолетов я на всякий случай держал под рукой.

В каюту на огонёк заглянул Иджин дир Пьетроссо, и вот его визиту я искренне был рад.

Иджин командовал на 'Морском Воителе' абордажной партией, мы и познакомились то с ним, когда он отбирал людей в свою команду сразу по нашему прибытию на борт корабля.

Ему приглянулся Проухв и пришлось объяснить Иджину, что Прошка не просто мой человек, и что я привык его видеть рядом с собой в любой ситуации не дальше чем в паре метров.

Тогда дир Пьетроссо сказал в полушутку, что Его светлость, то бишь я, тоже может присоединиться к числу его славных парней.

Без проблем, был мой ответ, вот только тогда самому Иджину придется встать за мое левое плечо, туда, где у него сейчас Бридир, человек, что своей кошачьей грацией может поспорить с ним самим. А, поскольку, я привык видеть там Проухва, то ему, Иджину, придется сдвинуться ещё левее. Если Тридир займет свое привычное место, то нам станет мало места на палубе 'Воителя'.

Вот такой у нас состоялся разговор, после чего мы

прониклись взаимной симпатией. И, конечно же, не из-за темы состоявшегося разговора.

Когда дир Пьетроссо объявился в нашей каюте, он окинул нас взглядом с непонятным значением, затем сразу исчез, и я даже не успел сделать приглашающего жеста.

Мы переглянулись с Фредом, и продолжили рассуждать о военно-морских перспективах Империи. Только фер Груенуа по его мнению незаметно передвинул лежавший на столе пистолет, положив его так, чтобы при нужде было удобнее ухватиться за рукоять. Шпаги мы, не сговариваясь, повесили за перевязи на вешалку возле выхода из каюты.

Каютка тесная, и длинным клинком в ней особо не размахаешься, да и толку с этого будет немного: невозможно тут оборону держать, и сбежать некуда. А посему – наливай Фред, и жаль, что бутылок всего две. Выпьем и за судьбу нашу горемычную, и за тех скардарских парней, что геройски погибли вместе со своими кораблями.

Дверь скрипнула, и в каюту снова вошел Иджин, но на этот раз не один, а в сопровождении чуть ли не полдюжины бутылок с невероятно длинными горлышками, увенчанными большими пробками, которые были обёрнуты золотистой фольгой под серебристой проволочной сеткой. На что фер Груенуа протяжно протянул – о-о-о!

Со словами – не помешаю, господа? – Иджин расположил принесенные бутылки на столе и удобно уселся на освободившемся после ухода Клемьера стуле.

Не зря Фред так отреагировал при виде бутылок, вино оказалось отличным.

Несмотря на то, что вино приходится пить чуть ли не ежедневно, сомелье из меня по-прежнему никакой, но различить хорошее вино от очень хорошего, мне всё же удалось научиться. Принесенное дир Пьетроссо вино было по-настоящему превосходным.

Вино имело длинное сложное название, больше чем на половину состоящее из шипящих звуков, и после пары безуспешных попыток, я отказался от намерения произнести его вслух.

Не знаю, каков в нем купаж, винтаж, и букет, но имело оно приятный вкус, мягкое послевкусие, и что самое немаловажное, содержало достаточное количество углекислого газа. Достаточное для того, чтобы опрокинув содержимое бокала внутрь организма, сразу мог почувствоваться эффект присутствия алкоголя в крови. А именно этого мне хотелось тогда больше всего.

Всё последнее время у меня прошло в большом напряжении

безо всякой возможности выпустить пар, и тут подвернулся Диамун, драли бы его все черти, как морские, так и сухопутные. Алкоголь же был призван мною помочь мне расслабиться.

Уже втроем мы повторили тост за погибших в недавнем бою моряков, затем выпили за вечную дружбу народов Скардара и Империи.

Иджин долго выспрашивал у Фреда о подробностях нашего столкновения с Изнердом, дотошно допытываясь подробностей. Тот отвечал ему ничего не скрывая, да и что, собственно, было скрывать, не было там ничего такого, за что можно было бы стыдиться.

Затем разговор пошёл о событии в кают-компании.

Дир Пьетроссо заговорил о нем сам, сразу же высказав свое мнение о том, что теленок напросился сам.

На мой недоуменный взгляд Иджин пояснил, что телёнком наследника называют чуть ли не с самого младенчества. И кому, как ни Иджину знать об этом, поскольку он знаком с Диамуном с самого детства, они и родились с разницей всего лишь в два дня. Диамуна теленком прозвали в отличие от своего отца, которого за глаза величали быком. Величали за манеру держать себя, упёртость в отстаивании своего мнения и за привычку действовать напролом, не считаясь с последствиями. И ещё за любвеобильность, где он пользовался теми же методами для достижения взаимности.

Диамун, тот другой, своим характером он совсем не похож на отца, он телёнок, и этим всё сказано. Когда-то они даже дружили, Диамун и Иджин, но после одного случая, произошедшего несколько лет назад, их пути разошлись навсегда, заявил дир Пьетроссо, в очередной раз наполняя бокалы вином с очень трудным в произношении названием, но таким приятным на вкус.

На осторожный вопрос Фреда, почему Иджин не опасается рассказывать всё это нам, людям, в общем-то, посторонним, да и о его визите к нам наследнику престола донесут непременно, тот, не задумываясь, ответил:

– Семья Пьетроссо имеет не меньше прав на престол Скардара, это во-первых.

А во-вторых… – Иджин на мгновенье замолчал.

– Во-вторых, вполне возможно, что уже сегодня – он указал на сереющее небо, видимое из иллюминатора – мне придется повести своих ребят в атаку. В абордажных командах долго не живут, и кто знает, удастся ли мне этот день пережить. Но не будем о грустном, не для этого собрались.

Мы сидели ещё долго и меня, наконец, отпустило. Отпустило до того, что я просто сидел, расслабившись, даже не пытаясь

уловить тему разговора.

Иджин с Фредом пару раз обращались ко мне, но, завидя мою реакцию на свои вопросы, оставили в покое.

Затем, возглавляемые Иджином, мы прокрались на бак корабля совершить таинственный ритуал с носовым украшением 'Морского Воителя', что представляла собой фигуру облаченного в полный доспех бородатого воина, и ширине его плеч позавидовал бы любой мужчина.

Воитель опирался на длинный двуручный меч, в целесообразности которого при сражении на палубе корабля сразу закрадывалось сомнение. Но думаю, что при таких пропорциях фигуры, кинжал или короткая абордажная сабля в его руках смотрелись бы крайне нелепо.

Мы с Фредом повторяли за Иджином какие-то слова, обратившись лицом к воителю, затем выпили в его честь полные бокалы, причем этот ритуал пришлось повторить трижды.

Отвесив воителю земной поклон, мы удалились, переполненные значимостью только что совершённого действия.

Завтрак я проспал. А перед обедом, когда мне уже удалось частично привести себя в порядок, в каюту вошёл дир Героссо.

Обменявшись приветствиями, мы оба замолчали. Наконец, Мелиню критически осмотрев убранство каюты, промолвил:

– Понимаете, господин де Койн, после того как на борт корабля прибыл господин наследник вместе со своей свитой, а она у него немалая, нам всем пришлось серьёзно потесниться. Увы, 'Морской Воитель' не предназначен для подобных целей, это обычный боевой корабль.

Не нужно извинений, Мелиню, всё и так понятно. Вчера, после того, как стало очевидным, что погоня Изнерда затерялась где-то вдали, на палубу воителя повылезало множество броско одетых людей, слоняющихся без дела и без причины любопытствующих всем на свете. Им будет, что рассказать по прибытию на берега Скардара. Как же, благополучно вывернуться из такой ситуации, это ли не повод для гордости?

Нет, не теми людьми окружил себя Бирид, совсем не теми. Когда ему придется возглавить страну, именно они будут стоять за его спиной, занимая ключевые посты. И что они смогут ему дать? Вероятно, лишь непременные порции лести уверений в том, что очередное решение правителя полно мудрости. И если кто-то из современников не понимает этого, то потомки обязательно оценят и восхитятся прозорливостью человека, смогшего заглянуть сквозь грядущие века.

Я не сам сделал такой вывод, тут постарался дир Пьетроссо. Он дал краткую характеристику чуть ли не каждому человеку,

находящемуся в свите наследника и только о некоторых из них он сказал более менее добрые слова.

Утром, уже перед самым расставанием, перед тем как покинуть нашу каюту, Иджин поведал часть того, о чем вчера умолчал дир Героссо.

Наследник, с просьбы отца, возглавлял дипломатическую миссию, призванную склонить дружественное Скардару государство Дегензир на свою сторону в войне с Изнердом, сделав его союзником.

Не знаю подробностей, да и не интересовали они меня хоть в какой-либо степени, но миссия блестяще провалилась, союзника Скардар не получил. Это государство, Дегензир, приняло выжидательную позицию, ведь Скардар уже далеко не тот как бывало прежде, и все военные перспективы на стороне более могущественного Изнерда. Дегензир ограничилось лишь ничего не значащими уверениями в своей нерушимой дружбе и только. Диамун не нашел ничего лучшего, как послать на родину быстрый корвет с депешей отцу, мол, не смотря ни на что, добиться согласия не удалось, даже его дипломатический талант не помог. А это значит, что дело безнадежно гиблое.

Такое бывает, и мотивы Дегензира понятны, но наследник, вместо того, чтобы вернуться домой, где и так не хватало боевых кораблей, завернул по пути в славящееся множеством всевозможных развлечений государство, Манлийский Трентир, где и задержался на добрые пару недель. Уж не знаю, что он пытался обнаружить там такого, чего бы не хватало ему в родной стороне.

Обстановка к тому времени снова изменилась и отцу пришлось во избежание возможных неприятностей послать на выручку наследнику чуть ли не целый флот. В Манлийском Трентире флот прождал Диамуна всего неделю, после чего наследник отправился в обратный путь.

В водах, считавшимися безопасными, эскадра разделилась, и большая её часть пошла на юг, чтобы встретиться с основными силами.

Тут Диамун проявил великодушие, пересев с трехпалубного флагмана на более скромный 'Морской Воитель', который и должен был доставить его в Скардар, и на чьем борту он счёл возможным пренебречь личными неудобствами во имя родины.

Дальше им неожиданно повстречалась эскадра из семи кораблей Изнерда, был бой, а ещё позже мы встретились в Нойстофе…

Дир Героссо, перед тем, как сказать что-то ещё, задержал взгляд на паре пистолетов, лежавших на столе.

Не знаю, что он подумал, но на лице его не отразилось ничего. Следующие его слова были такими:

– Господин де Койн, мне вот что пришло в голову. Чтобы частично компенсировать неудобства вашего путешествия на 'Морском Воителе', завтраки обеды и ужины можно подавать сюда, в вашу каюту.

– Вы решили посадить меня под домашний арест? – напрямую спросил я.

– По крайне мере, вы же не прикажете сидеть мне в каюте безвылазно? Даже арестанты имеют право на прогулку по тюремному двору.

Дир Героссо заметно поморщился.

– Господин де Койн. После инцидента в кают-компании моё отношение к вам ничуть не изменилось, но вы же неглупый человек…

Очень хочется думать, что это на самом деле так. Но и ты далеко не глуп, и по интонациям моего голоса должен был понять, что это была попытка пошутить.

– Хорошо, господин дир Героссо. Я постараюсь не попасться наследнику престола на глаза, если именно это вы имеете в виду.

Дир Героссо удовлетворенно кивнул головой. Да уж, ситуация у человека. Не наблюдается у Мелиню особой приязни к Диамуну, но приходится держаться по отношению к нему лояльно, и никуда от этого не денешься.

Да и у самого меня такое положение, что не позавидуешь. Что-то будет по прибытию в Скардар.

Уже выходя, он сказал:

– Господин дир Брунессо скончался сегодня утром. Похороны через час.

Похороны командира корабля ничем не отличались от обычаев в подобных случаях других морских держав. Тело, зашитое в полотно из парусины, с вложенным в ноги ядром. Государственный флаг Скардара, покрывающий тело сверху, короткая молитва корабельного священника и холостой залп орудий после того, как тело покинуло борт корабля.

Я наблюдал за всем этим издали, лишь сдернул шляпу с головы.

Перед закатом на горизонте прямо по носу показались далекие мачты. Определить с такого расстояния принадлежность кораблей было невозможно и 'Морской Воитель' лег на другой курс, оставляя мачты по левому борту.

Полночи я провёл на верхней палубе, благо в это время она почти пустынна, помогая вахтенному офицеру скоротать время.

Черт бы побрал этого Диамуна. Пока он не предпринял

никаких шагов, но нет никаких сомнений в том, что последствия моего поступка будут для меня самыми тяжелыми. И это напрягало. Никаких заходов по пути в Скардар не планировалось, до него оставалось меньше недели пути. А это значит, что сойти с борта корабля до прибытия в скардаркий порт, у меня не будет возможности. Да ещё эти девочки, Гисса и Мириам. С Гиссой хлопот не было, малышка ещё, а вот Мириам…

Мириам – девушка красивая, а вокруг более двухсот здоровых мужчин, глаз да глаз нужен, и не потому, что я забочусь о её нравственности. У них всё серьёзно, у Проухва и Мириам, но попробуй другим это объясни.

Да и не в красоте дело. Дело во времени, проведенном в море, после которого любая женщина начинает казаться богиней.

Слышал я когда-то байку о том, что викинги брали на свой дракар женщину, страшную, как смертный грех. И вот гребли они себе гребли, и всё на неё поглядывали. А когда она начинала казаться им симпатичной, понимали, что пора на берег.

Заснуть мне удалось ближе к рассвету, но долго спать не пришлось. Буквально через пару часов я услышал сквозь сон звуки горна, играющего боевую тревогу.

Когда я, ёжась от утренней свежести, поднялся на мостик, почти рассвело.

На мостике, помимо вахтенного офицера, пары рулевых, и начальника парусной команды дежурной смены, был и дир Героссо со своим вновь назначенным помощником. Да все были здесь. И старший комендор, и дир Пьетроссо, и оба штурмана корабля, и еще несколько офицеров корабля.

Не хватало только Диамуна. Ну, он вряд ли раньше обеда соизволит проснуться, ещё позже меня лёг. Когда я под утро спать уходил, из адмиральской каюты, что он занимал, доносился шум, как будто там что-то праздновали.

Палуба 'Воителя' кишела снующими на первый взгляд как будто бы без дела матросами. Но это только на первый взгляд.

Орудийные порта были открыты и возле пушек возились канониры. С озабоченным лицом прошел корабельный лекарь в сопровождении двух приданных ему в помощь матросов. Сетки на палубой уже были натянуты. Это страховка от летящих сверху обломков корабельного дерева, что неизбежно случается при попадании ядер в такелаж.

На шканцах помощник Иджина выстроил абордажный отряд, среди которых попадались лица и наших парней.

Поднявшись на мостик и поприветствовав присутствующих на нем офицеров, я начал всматриваться в ту часть горизонта, к которой и было приковано общее внимание.

В тени высокого берега на таком расстоянии не очень хорошо видно, что там происходило, но было понятно – там шёл бой и бой нешуточный.

Вспышки орудийных залпов сменялись грохотом доносившегося через некоторое время звука. Бой вели четыре, так, нет, пять кораблей. Теперь, после того как два из них разошлись бортами, стало понятным, что кораблей именно пять.

Показался фер Груенуа, при паре пистолетов и шпаге, и со зрительной трубой в руке.

– Спасибо Фред, – поблагодарил его я, беря протянутую трубу.

Ага, вот так будет лучше, если созерцать поле сражения вооруженным глазом.

Пусть и не поле, но становится ясным, что два из пяти кораблей принадлежат Скардару. Это такие же тримуры, как и наша, на чьей палубе я находился. А вот их враги, не знаю, кто они, но явно не изнердийцы, имел счастье на них налюбоваться и запомнить обводы их кораблей.

Так, ближе к берегу был шестой корабль, он тонул, от его борта отходили шлюпки полные людей, и он не был тримурой Скардара.

Что ещё можно понять?

Вместе с 'Воителем' кораблей поровну, но одна из тримур держалась на плаву явно из последних сил. Грот-мачты у неё не было, а сама она имела опасный крен на правый борт. С этим он был и связан, крен, с рухнувшим гротом.

Это поправимо, вот только под огнем противника освободить корабль от упавшей мачты крайне затруднительно. Но нет, избавившись от кренившего его грота, корабль выпрямился, встав на ровный киль, только надолго ли? По-видимому, у него ещё и руль поврежден, слишком уж неуклюже он пытается развернуться, пытаясь набрать ветер оставшимися парусами.

Все ясно, и я протянул трубу обратно фер Груенуа. Наша помощь пришлась бы очень кстати, но у дир Героссо главная задача – доставить наследника в Скардар. Или всё же он решится? Поймав мой взгляд, Мелиню ответил достаточно красноречивым своим – при всем желании не могу, просто не имею на это право.

И я его понимал. Если наследник погибнет, опять в стране начнётся разброд, начнутся интриги, ведь Диамун не женат, у него нет детей а обстановка и без того достаточно тяжелая.

Претендентов на трон много, тот же дир Героссо хвастался своей родословной.

Да и Иджин упомянул, что его семья имеет не менее славные корни, чем у семейства нынешнего правителя Скардара.

Это сколько у них там таких, если на случайно встреченном мною 'Морском Воителе' целых два представителя семейств, что теоретически могут претендовать на престол?

А вот и дир Пьетроссо, с неразлучным Бридиром за левым плечом. Совсем ка мы с Прошкой.

Было бы славно к себе бы его переманить, но это бесполезно, ничем не уговоришь, когда родина в опасности, я даже начинать этот разговор не буду.

'Морской Воитель' проходил мимо сражения, и люди на погибающих кораблях вероятно уже отчаялись в том, что им придет помощь, когда на мостик поднялся Диамун.

Наследник скардарского престола был в блестящей кирасе, шлеме с роскошным плюмажем и с обнаженной шпагой в руке. И ещё его заметно пошатывало.

Едва оказавшись на мостике, он сходу напустился на дир Героссо.

– Там, – Диамун взмахнул шпагой, указывая направление, отчего пару офицеров метнулись в сторону, чтобы не попасть по разящий удар – гибнут наши братья.

Мы не имеем права пройти мимо, и не помочь им.

Золотые слова, вот только зачем так шпагой махать.

– Эй, ты! – На это раз его обращение было адресовано матросу, стоявшему за штурвалом.

– Курс… – Диамун замолчал, видимо соображая, каким должен быть курс, – прямо на корабли.

Он снова энергично взмахнул шпагой, удачно схватившись за нактоуз, чтобы не упасть.

– Ваше сиятельство, – начал было дир Героссо, пытаясь образумить воинственного наследника трона Скардара, – у меня есть приказ, согласно которому…

Но не тут то было. Диамун прервал его, заявив, что если дир Героссо немедленно не отдаст команды, то он снимет его с командования кораблём, а по приходу в Скардар представит перед судом за трусость, проявленную в бою.

Дир Героссо побледнел как мел. Затем срывающимся от гнева голосом продублировал приказ Диамуна рулевому и руки его при этом заметно дрожали. Такие люди не боятся судов и трибуналов, но когда их в лицо обвиняют в трусости…

А наследник продолжал бушевать, упрекая собравшихся на мостике в трусости и грозя всеми мысленными карами. Затем приказал немедленно открыть огонь, хотя дистанция до противника была не просто велика, она была огромна.

Я думал, что он закончит свою переполненную патетикой речь заявлением о том, что лично возглавит абордаж вражеских

кораблей, но ошибся. Вместо этого Диамун затребовал вина.

В тот момент он не вызывал во мне ничего, кроме чувства презрения. И ещё я был рад за Мелиню, рад, что тому хватило выдержки удержать себя в руках.

Глава 22 Мешок для ушей

'Морской Воитель' шел курсом на берег, где в его тени продолжалось сражение. Местное светило должно было вот-вот показаться из-за верхушек гор и получалось так, что светить оно будет прямо нам в глаза. Потом, потом мы подойдем ближе, светило поднимется выше, корабль начнет совершать какие-нибудь эволюции и это обстоятельство не станет таким критичным.

Диамуну принесли вина, и он осушил кубок, довольно немалый в размерах. Что двигало им, пьяная бравада, действительное желание помочь погибающим кораблям Скардара, что-то ещё? Наверное, это не столь важно, потому что ситуация для обоих скардарских кораблей сложилась воистину гибельная.

Тримура, та, что осталась без мачты, снова получила сильный крен, но теперь уже при помощи пушечного залпа атакующего его вражеского корабля. В таком состоянии даже ответного огня с неё не произвести, слишком уж жерла орудий задраны в небо. А враг разворачивался, чтобы нанести следующий удар, который, весьма вероятно, станет последним.

Другая тримура, атакованная сразу двумя кораблями, еще огрызалась выстрелами корабельных орудий, но ситуация сложилась для неё не намного лучше.

Ветер, вот что самое важное для парусника, всё зависит именно от него. И возможность совершить нужный маневр, и ход, и многие другие немаловажные вещи.

Именно с ветром у неё и были проблемы. Не знаю, как случилось так, что она его потеряла, но то, что это произошло, было понятно даже мне.

Паруса тримуры на мачтах безвольно полоскались в тщетной попытке набрать ветер полной грудью, а на вантах и реях можно было разглядеть многочисленные фигурки матросов, пытающихся что-то изменить.

У двух атакующих его кораблей противника положение было значительно лучше. Не пройдет много времени, и оба они подойдут на дистанцию пушечного залпа в упор.

Мы не успеваем, и вполне возможно, что 'Морскому Воителю' вскоре в одиночку придется вести бой сразу с тремя вражескими кораблями.

А там уж как повезет. Быть может 'Воитель' просто пройдет мимо, разряжая орудия во врага, а затем, воспользовавшись своим преимуществом в скорости, покинет место сражения. И в данной ситуации это было бы самым разумным решением. Нет,

самым разумным было бы просто пройти мимо, тем более для этого имеется очень веская причина.

Вот она, причина, сидит себе в кресле с кубком в руке, окруженная несколькими людьми из своей свиты и о чём-то разглагольствует. И чего это он так расхрабрился? Насколько я понял из разговоров о нём, никогда раньше Диамун особым героизмом не отличался.

Ну и прошли бы мы мимо, спасая надежду Скардара на скорое восстановление былого могущества. Зачем мне всё это надо, путь и симпатии мои полностью на их стороне.

У меня полно своих дел, моей любимой рожать скоро. Кто же мог знать, что всё так обернётся. Видимо, тот магнит, на который указывала Яна, что находится внутри меня и который притягивает все проблемы и неприятности, стал ещё сильнее.

Мне уже тысячу раз пришлось пожалеть о том, что отправился в Монтерно. Хотя где гарантия того, что останься я в Империи, всё было бы по-другому?

Я взглянул на дир Героссо, всё ещё стоявшего с бледным лицом и прикушенной нижней губой. Он рассматривал сквозь трубу развернувшееся перед нами сражение, и даже приказы отдавал, продолжая держать её прижатой к лицу.

Вот и последний приказ Мелиню отдал именно таким образом, и касался он орудий 'Воителя'.

Он приказал зарядить пушки правого борта книппелями, в отличие от противоположного борта, где жерла орудий приняли картечь. К этому моменту орудия к бою были почти готовы, в их стволы были забиты картузы с порохом, и оставалось лишь выбрать тип снарядов.

Вот именно такой приказ сейчас и поступил.

Книппели у Скардара весьма неплохи, и это нужно будет взять на заметку, в Империи таких ещё нет, этими вопросами я интересовался подробно.

На имперских кораблях пользуются другими, представляющими собой изделие из двух ядер, соединённых между собой цепью. В полете ядра разлетаются на длину цепи. Книппель предназначен только для вражеских парусов и снастей, в остальном от них толку очень мало. В сухопутных баталиях да, в случае флангового огня по наступающему строю пехоты, они бывают эффективнее картечи. Вот только дальность полета двойного снаряда в отличие от простого ядра мала, очень мала.

Книппели Скардара не такие. Они представляют собой две полусферы, вложенные одна в другую так, что образуется целостное ядро. Не знаю только, когда полусферы должны разъединяться, ещё в полете или уже ударившись о препятствие.

Вот сейчас мы это и увидим.

Вот что касается картечи…

В нашей ситуации это означает только одно, будет абордаж. И будет он именно после залпа картечью орудиями левого борта по палубе вражеского корабля. Других вариантов нет.

По моему разумению 'Морской Воитель' сначала атакует тот вражеский корабль, что пытается добить едва державшуюся на плаву тримуру, попытавшись ограничить его маневренность залпом книппелей из орудий правого борта. Затем пройдет дальше, взяв на абордаж следующий, предварительно проредив число его экипажа картечью. Затем возможны два варианта: дир Героссо высаживает на него десант и уходит дальше, занявшись следующим врагом. Или же будет находиться у его борта до тех пор, пока вражеский корабль не будет захвачен полностью. Но в любом случае абордаж будет, картечь нужна только для этого, ведь на перезарядку орудий в случае изменившихся планов уйдёт много времени.

Так что иди и геройствуй, Артуа, тут каждый человек на счету. Ведь именно для этого ты сбежал чуть ли не из-под венца?

На шканцах собралась абордажная команда, там находился и фер Груенуа, уже в кирасе и каске.

И я обратился к нему с вопросом: эти корабли принадлежат не Изнерду, ведь так?

Фред посмотрел на меня отсутствующим взглядом, каждый настраивает себя по-своему. Вот Иджин, тот даже улыбается, и вид у него чуть ли не довольный, как будто бы на пирушку собрался.

'Адреналиновый маньяк', обругал я его в душе. Нет, скажи ему об этом вслух, он даже не обидится, но откуда время, чтобы объяснять значение этих слов.

Наконец, взгляд Фреда приобрел осмысленное выражение:

– Нет, Артуа, это не Изнерд. Корабли принадлежат Табриско, и это говорит о том, что у Скардара объявился новый враг.

Табриско, Табриско, вот об этом государстве я что-то слышал, но сейчас вспоминать недосуг.

Вспомнилось мне другое, мой первый абордаж в компании с ним и был, с Фредом фер Груенуа, ещё на его первой 'Мелиссе'.

Мы атаковали борт пиратского корабля, и я заработал первый в этом мире шрам. Но тогда нас было больше, много больше, нам помогал экипаж ещё одного корабля.

А сейчас под рукой у Иджина десятков семь. Если учесть, что экипаж атакуемого корабля под триста человек, то получается не очень хорошее соотношение, как минимум один к четырем. Но это ещё ничего не значит, потому что люди дир Пьетроссо

профессионалы. Нет, и экипажу вражеского корабля приходилось держать в руках сабли и стрелять из ружей и пистолетов, но всё же каждый имеет свою специализацию, канонир он, марсовый или вовсе матрос-гальюнщик. Это на пиратских кораблях, вероятно, любой из экипажа и жнец, и швец, и на дуде игрец, жизнь заставляет. Так что не всё так плохо. Мало того, что нужно уметь пользоваться оружием, так необходима ещё и слаженность в действиях, чего у людей Иджина должно хватать. Да и наши парни, числом в дюжину, тоже чего-то стоят. И самое главное, в такой ситуации из кожи вывернешься, чтобы остаться в живых, потому что пощады не будет, и в плен никого не возьмут. Хорошая причина для собственной мотивации.

– Господин де Койн, – с самым весёлым видом обратился ко мне дир Пьетроссо.-

Вы решили сдержать свое слово, когда грозились составить мне при случае компанию?

– На 'Морском Воителе' так мало доступных развлечений, чтобы отказываться ещё и от этого – пришлось ответить мне, стараясь при этом держать выражение своей физиономии безразличной.

Не озвучивать же ему то, что у меня в голове – что война ваша мне по барабану, так же как и все ваши проблемы, и что подобных развлечений в моей жизни столько, что я с радостью отказываюсь от них каждый раз, когда это возможно.

– Я рад, – сказал Иджин, по-прежнему с весельем в голосе, но с совершенно серьёзным выражением глаз. – Возьмите это.

И он протянул рукоятью вперед короткий морской палаш, скорее даже тесак.

Вот за клинок спасибо, примерил я его по руке. В том, что нам предстоит, действовать им будет удобнее, чем шпагой и даже такая мелочь может спасти жизнь. И гарда хороша, помимо чашки имеет пару металлических дуг, одной из которых вполне можно пользоваться как кастетом. По сути, она и предназначена именно для этого.

– Спасибо, Иджин. Я вам после боя уши принесу, сколько им зарубить успею, – заявил я тоже с совершенно серьёзным видом.

Брови у дир Героссо удивленно поползли вверх. Затем он взглянул на Фреда и тот пожал плечами. В этот момент фер Груенуа удивительно напоминал Анри Коллайна, имевшего привычку после моих шуток делать именно так.

– Ваша светлость – я оглянулся на зов.

Прошка протягивал мне кирасу. Спасибо Проухв, без неё лезть на борт вражеского корабля очень глупо.

А вот каски не нужно. Не привык я к ней, и она вызывает

чувство неудобства, а это тоже многое значит. Всё всегда состоит именно в мелочах. Жаль, что мое увлечение в детстве хоккеем слишком быстро закончилось, не успел к шлему привыкнуть, сейчас бы эти навыки пригодились, усмехнулся я.

И ещё Ворона нет, одного из моих Диких, чтобы предложить мне мешочек с конским волосом. Если вложить волос в тулью шляпы, получилась бы хоть какая-то защита. Вероятно, только мы с ним вдвоём и знаем, что голова – самое слабое мое место, остальные лишь догадываются. Эти мысли вновь вызвали у меня улыбку.

Выражение глаз Прошки было каким-то отрешённым, и куда девалась присущая им когда-то наивность? И следов не осталось.

Он помедлил мгновение, затем спросил:

– Ваша светлость, может быть, пока ещё не поздно, мешок у Мириам взять?

– Какого дьявола он мне нужен, Прошка?

– Чтобы уши туда складывать.

Да уж. Тоже мне, зеркало души. Мне бы самому их кто-нибудь не отрезал. Мать вашу, кто бы знал, как мне не хочется принимать участие в том, что сейчас предстоит. И никуда не денешься.

Вон и Мириам, кстати, выглядывает осторожно из-за приоткрытых дверей, ведущих в надстройку, стараясь не попасться на глаза Диамуну и его свите. Наверное, это не всегда плохо – женщина на корабле. Особенно, когда она молода и очень симпатична. Потому что её видят парни, те, что сейчас отправятся в ад, на палубу вражеского корабля. И как можно на глазах женщины, к тому же красивой, вести себя не иначе, как человеку, которому и море по колено и до звёзд рукой достать, только руку вверх подними. Если смерть и красна на миру, то желательно, наверное, чтобы мир этот и состоял из таких вот красивых женщин, что вдохновляют на подвиги.

И сразу мысли бросились совсем в другую сторону, далеко, далеко отсюда.

Как там моя девочка поживает? Как она там без меня?

Единственная вещь, которую не займешь, не купишь и не обменяешь – мозги, и вот именно с ними у меня как раз туго.

Так, пару пистолетов на пояс, в широкие петли, ещё один, работы Гобелли, что на крайний случай, за спину пристроим, и длинный нож за голенище сапога, не помешает. Теперь попрыгать немного, плечами поводить, и телом подвигать. Как будто бы ничего не мешает и всё под рукой.

Ещё перчатки с длинными, почти по локоть крагами из толстой кожи, с рядами металлических клёпок в виде несложного

геометрического узора. Вот теперь точно всё, готов.

С мостика сошел Диамун, в сопровождении нескольких своих людей. Вероятно, его уговорили уйти в более безопасное место и это правильно. Не до него будет скоро, совсем не до него и не до его глупых приказов, домогательств и советов.

Перед тем как скрыться в дверях надстройки, он помахал всё ещё обнаженной шпагой в сторону противника. Тоже правильное действие, Диамун. Враги непременно увидят твой жест, что будет стоить им немалой доли мужества.

Вероятно, дир Героссо до последнего времени тянул с выбором решения, потому что от того момента, когда расчеты орудий начали тянуть вверх руки сигнализируя о готовности, и сближением до дистанции стрельбы, прошло не больше десятка минут. И их мне едва хватило на то, чтобы облачиться к бою.

С мостика прозвучали два двойных удара в судовой колокол, и корабль вздрогнул от залпа всеми орудиями правого борта.

Залп с 'Морского Воителя' по парусам вражеского корабля пришелся почти в упор, но разглядеть, как ведут себя скардарские книппели в полете, не получилось, помешал дым, который заволок весь вид на врага.

Встречного залпа не последовало, хорош дир Героссо как капитан, верно рассчитав время подхода и возможность получить ответный огонь – кораблю Табриско попросту не хватило времени на перезарядку. В ответ мы получили лишь несколько выстрелов. И, хотя одно из ядер умудрилось попасть в борт 'Воителя', погоды это событие не сделало. А вот врагу досталось неплохо, думал я, глядя на оставшегося по корме противника. Не критично, конечно, но впечатляюще. Паруса его за пестрели пробоинами.

Что особенно радовало, основное их количество расположилось на нижних, ходовых полотнищах парусов. Без хода он, конечно, не останется, но максимум того, что можно было сделать, мы сделали. Ну, почти максимум, потому что для этого нужно было лишить его одной из мачт, но такое книппелям не под силу.

А 'Морской Воитель' под всеми парусами продолжал нестись дальше, выбрав своей целью одного из двух видневшихся по курсу кораблей, того, что выглядел немного крупнее в размерах.

– Артуа, – вновь окликнул меня дир Пьетроссо и вид у него был самый серьёзный, теперь уже без всякого веселья.

– Артуа, понимаешь, после того, как меня с моими парнями высадят на борт, корабль пойдет дальше. Так что никакой поддержки не будет и наша задача хотя бы на время связать ему руки. Экипаж там большой, и шансов захватить корабль не так уж и много. Так что это почти верная смерть, Артуа.

Я всё понимаю, Иджин, всё понимаю. Но свой выбор я уже сделал и теперь поздно что-то менять. Но всё равно, спасибо за откровенность.

И я лишь молча кивнул головой в ответ, потому что бравировать не хотелось и ещё меньше хотелось шутить.

Дир Героссо тоже очень рискует, отправляя часть своего и без того немногочисленного экипажа на абордаж. Ведь если что-то пойдет вразрез с его планами, ему только и останется, что уйти в открытое море, бросив всех и вся. Потому что основная его задача остаётся прежней – доставить наследника в Скардар.

'Морской Воитель' заходил к корме корабля Табриско под острым углом к его левому, наветренному борту.

Если немногим раньше, при атаке первого корабля, ветер дул нам прямо в корму, и получался чистый фордевинд, то теперь, после совершенной 'Воителем' эволюции, наш левый борт тоже стал наветренным, и мы пошли почти в полветра.

Корабль противника поворачивал влево, желая произвести залп левым бортом. Правым не получится, не так давно, прямо у нас на глазах, он ударил им по едва успевшему поймать ветер кораблю Скардара.

Сейчас мне не совсем была понятна логика дир Героссо, ведь и орудия нашего правого борта ещё не успели перезарядить, и очень хотелось надеяться на то, Мелиню знает, что делает.

Словно услышав мои мысли, нос 'Морского Воителя' пошел вправо.

Теперь нам нужно сделать две вещи: дать залп по палубе противника картечью, и затем подойти к нему на расстояния броска абордажных крючьев.

Мы все сгрудились на носу, потому что идти на абордаж бортом о борт не следует, такелаж кораблей может спутаться, и уйдет много времени на то, чтобы это устранить. Так что задача дир Героссо ткнуться во врага носом, рискую остаться всего лишь без бушприта.

Противник, видя, что не успевает подставить заряженный борт, огрызнулся выстрелами погонных орудий, практически сразу после чего последовал наш залп картечью. Затем тримура резко изменила курс в сторону корабля Табриско и вот он, борт вражеского корабля. Противник все ближе, уже на расстоянии броска абордажных крючьев, и с обоих бортов палят из ружей и пистолетов, дистанция позволяет. Так, теперь ухватиться за то, что попадется под руку, сейчас борта кораблей сойдутся с грохотом и скрежетом. Последует удар и можно упасть, а времени на это совсем нет.

С диким рёвом на вражескую палубу посыпались люди из

абордажной команды Иджина, пытаясь отвоевать её часть для того, чтобы могли высадиться остальные. И им это удалось.

Вот теперь пора и мне. Прошка слева, справа Сотнис, человек такой же комплекции, Фред уже на борту с горящими золотом незнакомыми буквами названия на корме корабля.

Перехватившись руками за какую-то снасть, я оказался на палубе и сам, тут же выхватив оба пистолета. Клинок подождет, до него ещё дело не дошло.

Наша задача мостик. Там руль, там всё командование кораблем и именно оттуда приходят приказы. Это наша цель – захватить его и удерживать сколько получится. Потом, если очень повезёт, к нам придут на помощь.

Мы держались вдевятером: я, фер Груенуа, Проухв, Сотнис, Бронс, Оливер Гентье со своим братом Сигером, Мрост. Мрост успел получить ранение шальной пулей ещё при первом залпе книппелями, когда дистанция сократилась до того, что можно было стрелять из ружей.

Сейчас он был с наспех обмотанной какой-то тряпкой головой, из-под которой сочилась тоненькая струйка крови, но выглядел вполне бодро.

Ничего, скоро всё решится, ты уж потерпи, брат.

Мы напирали на спины находящихся перед нами парней Иджина, пытающихся

прорвать вражеский строй и спереди доносились яростные крики, проклятия и звуки металла о металл. В такой суматохе мало места для стрельбы, слишком уж тесно сомкнулись ряды нападающих и защитников корабля, и дело только за клинками.

Нам нельзя надолго задерживаться на месте, их много, они сомнут нас, заставляя пятиться шаг за шагом, пока мы не упремся в фальшборт, вопрос только во времени. И повезло нам только в том, что среди экипажа корабля не оказалось штатной абордажной партии. Так бывает, когда для нужд берут отряд солдат, иногда специально обученных боя на палубе корабля, а иногда и вовсе нет.

Время тает, и пробиться так, как было запланировано, у нас всё меньше шансов. С самого начала пошло не так. И залп картечью получился не самый удачный, и высадились не туда, куда рассчитывали.

Решение нужно принимать немедленно, и нужен какой-нибудь неожиданный ход, такой, что сможет разом повлиять на ситуацию. Причем нужен он срочно.

Вот только где его взять?

Глава 23 Четвёртый сын

Мысли лихорадочно крутились в голове, решение должно быть, по-другому не бывает. Возможно когда-нибудь потом, если это потом наступит, я буду думать о чем-нибудь совсем стороннем, мне внезапно вспомнится ситуация и решение возникнет в моей голове, возникнет ясно и отчётливо.

'Морской воитель' отваливал в сторону, и между бортами становилось все больше расстояния, отрезая нам путь к отступлению. И вот тут с его борта грянуло близкими выстрелами несколько орудий. Времени, чтобы их перезарядить, попросту не было, и это значило одно: из них не стреляли, в надежде на то, что представится именно такой случай, что представился сейчас.

Корпус 'Воителя' возвышался над водой выше корпуса табриского корабля, орудия, что хлестнули картечью, располагались на верхней палубе, расстояние до врага не превышало десятка метров и произошло это для всех неожиданно. И для нас, и для наседающего экипажа табрисцев.

На 'Воителе' опасались попасть по своим, и потому только часть картечи попала в табриский экипаж, остальная ушла дальше, к баку, но от неожиданности на несколько мгновений застыли все, и мы, и матросы вражеского корабля.

Не может здесь быть хитроумных решений, ослепительных идей и ярких озарений. Только наше мужество против мужества экипажей, защищавших свою жизнь.

Когда корабль воюет с кораблем, война несколько абстрактна, несмотря на потери с обеих сторон. Сейчас, когда мы лицом к лицу, когда эти люди воюют не с кораблем противника, а с нами, стоящими с оружием в руках в нескольких шагах, пришедшим к ним, на борт их корабля, чтобы убить. И пусть мы тоже правы, ведь мы полезли сюда не за золотом, не за тем грузом, что лежит в трюмах их корабля, а для того, чтобы спасти людей, тех, что были на кораблях Скардара, название которых я всё ещё не умудрился узнать.

Сейчас наши жизни были против жизней застывших на миг табрисцев, и ничто другое не имело никакого значения.

Через несколько мгновений с них схлынет замешательство, они поймут, что подкрепления с борта 'Морского Воителя' уже не будет, и вот тогда нам действительно придется туго. Если и есть шанс, то вот он, именно сейчас. Пройдет пару мгновений и всё, он растает, растает как снежинка на языке. Та самая снежинка, которую никто из этих людей вероятно никогда не видел, и даже не догадывался о её существовании.

Никогда в жизни я не орал так громко, расталкивая сгрудившихся передо мной воинов Скарадара, чтобы добраться до врага, пока он еще в секундном замешательстве. И молил только об одном, чтобы мои люди бросились за мной, бросились не раздумывая, потому что промедление есть наша смерть.

Выстрел с одной руки, с другой, теперь просто разжать руки, освобождая их от ставших уже бесполезными пистолетов. Теперь рвануть из ножен тесак, сходу сбивая устремленный в лицо выпад абордажной сабли табрисца. Рядом со мной возник Проухв, и мой собственный крик по сравнению с рыком Прошки показался мне тявканьем щенка.

Прошка, вооруженный двухлезвийным, больше похожим на секиру топором с короткой ручкой, ревел так, что передний ряд защитников отшатнулся. Ему вторил Сотнис, присоединившийся к нам, державший в каждой руке по тяжёлому палашу.

Вперед, и не оглядываться, чтобы узнать, поддержал ли кто-нибудь ещё нашу атаку, потому что для этого нет ни времени, ни смысла.

Ещё несколько шагов, ещё один табрисец отброшенный в сторону ударом клинка, и вот он трап, ведущий на кормовую надстройку, где расположен капитанский мостик. Трапов здесь два, это не катлас, но другой находится у противоположного борта, нам хватит и этого, туда не пробиться.

Понимая, что не успеваю уклониться от направленного в меня ствола пистолета, я рухнул на колени. Близким выстрелом опалило лицо, срывая шляпу, а сзади раздался чей-то вскрик. Теперь ткнуть снизу клинком тесака стрелку в колено, прикрытое длинным голенищем сапога, дальше не достану, и подниматься, подниматься на ноги, иначе затопчут свои же, бросившиеся за мной.

Меня обогнал Бронс, воющий на высокой ноте, в спину поддержал Оливер, помогая подняться на ноги, а впереди уже маячили широкие спины Прошки и Сотниса.

Вот и мостик, встретивший меня пистолетным выстрелом. Обожгло ногу, и я снова упал на колени. Затем вскочил, с ужасом ожидая, что сейчас подвернется нога из-за перебитой пулей кости, ведь боль в горячке боя приходит не сразу. Нет, этого не случилось, а рука уже рвала из-за спины двуствольный пистолет, мою надежду на крайний случай.

Грохнул близкий выстрел фальконета, но заряд ушел в небо, а успевший отклонить его ствол Гриттер, получил удар саблей в живот. Клинок сабли скользнул по кирасе, вонзаясь в бедро, и Гриттер рухнул на колени. Прямо через его голову я выстрелил в табрисца, целясь в лицо. И попал, черт побери, хотя в последний

момент кто-то толкнул меня в лечо. Уже в падении я развернулся, ища стволом цель, и только в самый последний миг сумел удержать палец на спусковом крючке. Это Фред толкнул меня, он единственный из нас имел шлем с острым навершием, и для того чтобы толкнуть меня, у него имелась веская причина, выстрел другого табрисца прошел мимо. Фер Груенуа с ходу упал на колено, сжимая в каждой руке по пистолету. Два выстрела слились в один, затем Фред прыгнул прямо с этого положения, держа в вытянутой руке клинок, который до этого держал в зубах, целя им во врага.

Вот и капитан табриского корабля, в горящей золотом кирасе, со шпагой и пистолетом в руках, и с искажённым лицом, а у меня остался ещё один заряд. Вот только выстрелил я не в него, правее и за его спиной Сотнис бился сразу с двумя офицерами. И снова я не промахнулся, хотя и выстрел на этот раз оказался не слишком удачным: пуля попала в плечо. Но Сотнису хватило и такой помощи. Быстрым выпадом он атаковал раненого мною, целясь в горло поверх кирасы, и тут ударил по предплечью второго своего оппонента, оставив того с обрубком руки.

А это уже Иджин со своими парнями, красиво работают, черт бы их побрал, сразу видно выучку вместе прошедших не один абордаж людей.

Иджин и занялся капитаном, убив его, на что ему понадобилось всего пару финтов и единственный удар, пришедшийся на узкую полоску шеи между кирасой и шлемом.

Всё, мостик наш, только надолго ли он нам достался? Табрисцев по-прежнему в несколько раз больше, и им не понадобится много времени, чтобы собраться с мужеством, и атаковать.

Но большая часть дела сделана, и, даже если мы все погибнем, смерть наша уже не будет напрасной, корабль остался без старших офицеров.

Среди оставшихся табрисцев офицеров ещё немало, они где-то там, на палубе, но былой боеспособности корабль иметь уже не сможет.

Что там у меня с ногой? Пуля прошла по касательной, и, пробив одежду, обожгла кожу. Ничего страшного, кровотечения почти нет, как нет причин беспокоиться на этот счет. Тем более, сейчас.

Ко мне подошел Иджин, без шлёма, с залитой кровью левой половиной лица. Кровь сочилась, заливая глаз, и он тер его ладонью. Второй глаз блестел всё ещё не остывшим возбуждением, оставшимся после ненадолго прерванного боя.

Вот ему точно нужна перевязка. Вряд ли мы продержимся

долго, но шансов с одним глазом продлить свою жизнь на несколько минут, у него значительно меньше. А жизнь – она такая замечательная штука, и сейчас это понимаешь как никогда хорошо.

– Мы сделали это, Артуа – Иджин провел вокруг себя рукой, указывая на валявшиеся на палубе мостика трупы офицеров, ещё недавно командовавших кораблем. – Нам бы продержаться еще немного, и тогда мы точно погибнем не напрасно.

Да ни черта мы ещё не сделали, если разобраться, мы только дали отсрочку 'Морскому Воителю'. Он остается практически в одиночку против двух кораблей Табриско, потому что оставшийся без главной мачты корабль не помощник, а тримура, потерявшая ветер, все ещё не может справиться со своими проблемами.

Пройдет немного времени, нас сомнут, и к ним присоединится этот, на чьей палубе мы сейчас находились.

Я извлек из кармана рулон тонкого полотна и начал обматывать им лоб дир Пьетроссо. На лбу у него было глубокое рассечение и по-хорошему сначала её необходимо заштопать. Ещё и продезинфицировать рану не мешало бы, хотя бы тем же уксусом, коль скоро других антисептиков нет. А вот уксуса достаточно, и где его только не применяют, начиная от того, что им охлаждают пушки и заканчивая тем, что пьют, хорошенько разбавляя водой.

Но и так сойдет, это всего лишь для того, чтобы подарить ему при удаче несколько лишних минут такой сладкой жизни.

– Столько проблем, Артуа, столько проблем. И все они из-за одного человека, ты знаешь о ком я.

После этих слов Иджин ткнул через плечо большим пальцем, указывая на 'Морской Воитель', что заходил в новую атаку на корабль, что уже успел пострадать от огня его пушек.

Какая разница, в ком причина, дир Пьетроссо. Ведь все мы, кто находится сейчас на мостике, ожидая атаку экипажа, добровольно сделали свою судьбу именно такой. И если мы полезли в эту заварушку, что может закончиться для всех одинаково, то должны держаться до конца.

После того, как я закончил бинтовать его голову, Иджин поблагодарил меня легким поклоном. Ну и к чему такие церемонии, дир Пьетроссо, достаточно сказать 'спасибо'.

Все, лицо от крови оттирай сам, мне ещё нужно успеть зарядить свой пистолет, и желательно оба ствола.

Очень давно, уже больше четырех лет назад, когда мне впервые в руки попал пистолет с кремневым замком, я смотрел на него весьма скептически, детская игрушка. Сейчас я уже так не думал. Сколько раз он спасал мне жизнь, этот вот пистолет, а

сегодня он помог Сотнису. Спасибо тебе Аманда, спасибо тебе девочка, и как замечательно, что я смог тебя отблагодарить. Тогда…

Подошел Прошка, отвлекая от воспоминаний, протягивая уже заряженный пистолет.

Тебе тоже спасибо, Проухв, лишним не будет. По-моему этот пистолет я видел в руках у капитана корабля, слишком уж он выделяется своей отделкой. Калибр тоже подходящий, в такой ствол оба ствола моего пистолета можно вставить, и кому-нибудь из табрисцев теперь точно не повезет, куда бы не угодила в него пуля.

И ещё спасибо тебе, Господи, за те несколько минут передышки, что ты нам подарил. Какой он, вкусный воздух, свежий, так бы дышал им и дышал. Правильно говорят, что перед смертью не надышишься.

Ко мне снова подошел Иджин, успевший размазать кровь по лицу бледно-розовыми потёками и произнес:

– Они зашевелились, Артуа, сейчас начнется.

Ну что ж, начнется – так начнется, теперь уже можно.

Мы стояли втроем, фер Груенуа, дир Пьетроссо и я. Стояли посреди мостика, а за нами вытянулись от борта до борта все оставшиеся у нас люди. Примерно трети мы лишились при прорыве, да и многие оставшиеся на ногах успели получить ранения в бою.

Сейчас враги покажутся, шум и звяканье оружия всё ближе.

– Как вы думаете, господин Пьетроссо, есть у нас шансы дотянуть во-о-н до того корабля? – и я указал рукой на парусник Скардара. Тот, что остался сейчас в одиночестве, потому что третий корабль Табриско бросился в погоню за 'Морским Воителем', справедливо посчитав его в создавшейся ситуации самым опасным. Спросил отстранённо, потому что это казалось таким нереальным.

Корабль, на палубе которого мы находились, лишь слегка изменил курс, управляемый стоявшим за штурвалом Мростом, и теперь шел на далекий берег, до которого вряд ли суждено нам было добраться, столько времени нам не выстоять. А как было бы славно посадить его на мель, после чего покинуть борт с чувством полностью выполненного долга.

– До 'Четвертого Сына'? – задумчиво протянул Иджин. Затем взглянул на паруса, на корабль, что назывался так странно, снова на паруса…

– Ну да. Если бы нам это удалось, если бы с него не открыли стрельбу, принимая за врага…

Иджин прервал мои размышления вслух отданной Мросту

командой:

– Держать прямо на корабль.

'Четвертый сын' ближе, чем берег, хотя невелики шансы дотянуть и до него. А если он ещё и начнет маневрировать, что, похоже, и пытается сделать, чтобы прийти на помощь 'Морскому Воителю'…

– Когда-то я сам ходил на 'Четвёртом сыне', капитаном там барон дир Гамесски. Опытный моряк, один из лучших капитанов на флоте Скардара.

'Чего же он тогда оказался в той ситуации, когда потерял ветер, – подумал я. – Хотя неизвестно, что этому способствовало, и, не зная всех обстоятельств, судить нельзя'.

Мы ждали табрисцев, как по команде припав на одно колено, потому что балюстрада из фигурных столбиков, отделявшая возвышенность мостика от остальной палубы оказалась плохой защитой против вражеских стрелков.

Когда мы сблизимся с противником в рукопашном бою, их можно будет не опасаться, слишком велика станет у них вероятность попасть в своих.

С кормы и бортов мостик защищают наращённые борта, защита корабельного мозга от вражеских снарядов. А вот со стороны палубы только декоративное ограждение, несколько вьюшек с намотанными на них канатами, да узкие невысокие ящики, прикрытые парусиной.

Раздался яростный многоголосый рев табрисцев, идущих в атаку, и сразу же выстрелил фальконет, расположенный у трапа по левому борту. У правого трапа фальконет был разряжен ещё тогда, когда мы бросились на приступ мостика.

Вообще-то фальконеты на мостике и стоят из тех соображений, чтобы можно было охладить пыл взбунтовавшегося экипажа, пытающегося туда попасть.

Но против нашей атаки они не помогли, а противника больше, чем нас, значительно больше, так что надежды на фальконеты нет.

Штурм начался, нашелся у них офицер, взявший командование на себя, распределивший задачи и сумевший поднять экипаж, посылая на смерть.

Неожиданно грохнул правый фальконет, вероятно, его успели зарядить, когда я отвлекся на Иджина и собственные мысли, и вот они, табрисцы, показались.

Их встретили ударами клинков, пистолетам и ружьям ещё не время, они понадобятся тогда, когда совсем не будет сил размахивать налитыми свинцом руками.

Появившиеся табрисцы орали, а сзади подбадривали криком

остальные, подпирающие их спины и ждавшие своей очереди оказаться на мостике.

Нет, они не были мастерами фехтования, простые матросы, но их было много, слишком много, и вот когда мы уже не могли сдерживать их натиск, отдавая палубу мостика шаг за шагом, захлопали выстрелы. Огонь оказался настолько плотным, что попросту отбросил атакующих туда, откуда они некоторое время назад и начинали свою атаку. Эта атака стоила нам чуть ли не половины наших людей, и большинство из них были убиты.

Я тоже должен был быть среди них, если бы не Сотнис, в последний момент успевший сбить руку с саблей, уже занесенную над моей головой. И это стоило ему жизни.

Спасибо тебе брат – думал я, припав на одно колено и лихорадочно действуя шомполом, заряжая пистолет человека, бывшего когда-то капитаном этого корабля. – Как можно отблагодарить человека, спасшего жизнь и самого погибшего при этом? И я не знаю.

Где же он, этот чертов 'Четвертый Сын'? Прошло так мало времени, а нас уже почти не осталось. И дай Бог нам выдержать ещё одну такую же атаку.

'Четвертый Сын' шел наперерез нашему курсу и, если он не пройдет мимо, если не примет нас за врага, одарив пушечным залпом, если примет решение высадить в помощь свой десант, то тогда, тогда, возможно, кто-то из нас останется в живых.

В отличие от Сотниса, Мроста, брата Оливера Гентье Сигера, и ещё многих отличных парней, принявших такую судьбу для того, чтобы спасти людей, которых они даже ни разу не видели.

Справа от меня послышался шум передвигаемого по палубе пушечного лафета. Это толкают одну из трех ретирадных пушек, установленных на мостике, ближе к трапу, чтобы хоть как-то ограничить проход.

Они толкают лафет на коленях, опасаясь попасть под огонь стрелков с палубы. Одному уже не повезло, пуля все же его настигла, заставив бросить пушку и схватиться за живот. Но дело они свое сделали, пушка у схода на палубу станет для атакующих хоть и небольшим, но неудобством.

– Командир – это снова Прошка и снова с пистолетами, теперь уже с парой.

Спасибо Проухв, мой правый локоть распух, и, что самое обидное не из-за ранения.

Я ударился им о балясину трапа, ещё в самом начале нашего штурма мостика.

Поначалу боль почти не чувствовалось, а сейчас локоть дергает острой болью при каждом ударе сердца и действовать

правой рукой всё труднее, а левой из меня фехтовальщик ещё тот.

С палубы раздался пронзительный свист боцманской дудки, это сигнал к новой атаке.

Табрисцы тоже отлично видят свое положение, и приближающегося 'Четвертого Сына'. Какое всё же странное название, надо будет обязательно спросить о нём, если получится.

Снова яростный рёв защитников корабля и неожиданно ответом ему стал пушечный выстрел. Это один из людей Иджина, который до этого лежал, ухватившись за живот, даже не делая попыток уползти вглубь мостика, нашел в себе силы, чтобы приподняться и вставить фитиль в запальное отверстие орудия.

Как славно получилось, и как вовремя это произошло, нападающие даже замялись на миг, не ожидая случившегося.

Этот штурм был ещё яростнее в отчаянной попытке экипажа покончить, с нами, наконец.

И вот тогда, когда всех нас прижали к кормовому борту, и мы теряли людей один за другим, послышался ещё один рёв, рёв десантирующейся на борт табрисца абордажной команды 'Четвёртого Сына'.

Мы сидели, уместившись на пушечном лафете, передавая друг другу бутылку с вином. Мы, это я, фер Груенуа и дир Пьетроссо.

Вино было удивительно гадостным на вкус, в чем мы единодушно сошлись, но что у нас вызывало только глупые улыбки. Изредка один из нас издавал нервный смешок, тут же подавляемый, мы остались живы.

Восемнадцать. Осталось только восемнадцать из тех семидесяти двух человек, что высадились на палубу табриского корабля. И два человека из них не выживут точно.

Наверное, улыбаться было не самое подходящее время, но так приятно было вдыхать полной грудью воздух, из которого ещё не выветрился запах пороховой гари, и понимать, что следующей атаки уже не будет.

'Четвёртый Сын' успел отойти от борта табрисца, оставив на нем полсотни человек, и устремился на помощь 'Морскому Воителю'. Бой ещё не закончился, против двух кораблей Табриско оставалось два корабля Скардара, да ещё один, наполовину затопленный, тот, что остался без грот-мачты.

Но никто из нас не сомневался в победе, и поэтому мы улыбались.

– Скажите, господин дир Пьетроссо, почему этот корабль имеет довольно странное название? – спросил я у Иджина, махнув рукой в сторону ушедшего 'Четвертого Сына', зачем-то

улыбнувшись в пустоту.

Болел локоть правой руки, болел так, что я не мог поднести горлышко бутылки с вином ко рту, поручив это ответственное дело левой.

Болели ребра под смятой кирасой, от которой я ещё не успел избавиться.

Жгла рана на ноге, оставшаяся после скользнувшей по ней пули.

Волосы слиплись от крови, а в голове до сих пор шумело от удара саблей, и мне очень повезло, что он оказался плашмя.

Но я сидел и улыбался глупой улыбкой, задавал глупые вопросы и вдыхал такой замечательный морской воздух, сладкий, как поцелуй любимой.

– Четвёртый сын, господин де Койн… – начал Иджин, перед этим приложившись к горлышку бутылки, после чего передав её Фреду. – Есть у нас такая притча.

Было у одного человека четыре сына. Когда они выросли, один из них стал великим учёным, и имя его стало известно по всему Скардару. Второй – влиятельным политиком, и к его мнению прислушивался сам правитель. Третий занялся торговлей, нажив огромное состояние. А четвертый, самый младший, стал воином, просто воином. И вот однажды они встретились, встретились, чтобы почтить памятью своего умершего отца. Встретились за столом, уставленным всеми возможными яствами и винами, и разговаривали. Вспоминали детство, отца, словом всё, о чем и говорят в таких случаях родные братья.

Они долго разговаривали в ту ночь, и каждый рассказывал о своих успехах, планах на дальнейшую жизнь.

Только четвёртый брат всё время молчал. И что ему было рассказывать?

О бесконечных дорогах, которыми ему пришлось пройти? О сбитых при этом до крови ногах? О службе в дальних гарнизонах, постоянной муштре, мечтах о паре глотков чистой холодной воды, когда до ближайшего источника далеко, а жара вокруг такая, что плавятся камни? И он сидел и молчал, слушая своих братьев.

Ночью на этот дом напали разбойники, много разбойников. И четвёртый сын встал против них один, давая возможность спастись своим братьям. Наверное, он был хорошим воином, потому что сумел убить их всех, хотя и сам получил смертельную рану.

Братья плакали, стоя на коленях вокруг постели умирающего младшего брата. А он умирал со счастливой улыбкой на лице,

потому что смог сделать то, к чему всё это время готовился – умереть ради того, чтобы жили другие. То, чего не смогли сделать его братья. Да и не должны они были этого делать, потому что это был его долг, долг воина, а остальные делают выбор по совести.

Помолчав, Иджин добавил, принимая от меня протянутую ему бутылку вина:

– Вот такая есть у нас притча о четвертом сыне.

Глава 24 Берег Скардара

Сражение было выиграно. После того, как 'Четвертый Сын' приблизился к 'Морскому Воителю', а затем и захваченный нами корабль с самым решительным видом направился к месту сражения, табрисцы дрогнули, спасаясь бегством. Их никто не преследовал, на гафеле 'Воителя' взвился трёхфлажный сигнал, приказывая кораблям следовать за ним. Сам он последовал к скардарскому кораблю, оставшемуся без мачты, чьё название было 'Скардарский лев', и чей корпус набрал столько воды, что его осадка вызывала сильнейшие опасения относительно его дальнейшей судьбы.

Совместными усилиями экипажей с этим справились, корабль остался на плаву.

Затем мы перевезли на берег пленённых табрисцев, отпуская их на волю. Где-то там, в глубине острова, носившего название Тьиньеру, прятался экипаж затонувшего табриского корабля. Никаких попыток найти их не предпринималось, к чему? Опасности они не представляют, а рабства в Скардаре нет.

Вернее, оно есть, но принявшее более цивилизованные рамки. Должники, те, что не могли выплатить долг, по решению суда, передавались на определённый срок своим кредиторам, а, поскольку они при этом лишились всех гражданских прав, то положение их становилось немногим лучше, чем у обыкновенных рабов. Обо всем этом мне поведал дир Пьетроссо, когда нам пришлось двое суток пережидать начавшийся шторм под прикрытием берега.

Ещё до того, как шторм начался, мы похоронили бойцов, павших при абордаже. Похоронили на берегу.

Редкая возможность для моряков, погибших в морском бою. Берег оказался на редкость каменистым, и выдолбить братскую могилу было трудным занятием. Мы даже пожалели, что не подумали об этом, когда отпускали табрисцев.

Очень жалко было погибших парней. Хотя прошло не так уж много времени с той поры, как я их узнал, но слишком уж много событий связывало нас. И больно было смотреть на Оливера Гентье, недавно нашедшего и уже успевшего потерять родного брата.

Затем начался шторм. И, хотя близкий берег прикрывал нас от не на шутку разбушевавшегося моря, волнение было сильным, пару раз даже срывало с якорей. Мы ждали, что с 'Морского Воителя', ставшего флагманом, последует приказ сняться с якорей, чтобы уйти в открытое море, где легче будет бороться с

непогодой, но его так и не последовало. Затем ветер переменился, волна стала много меньше и с 'Морского Воителя' наконец-то отошла шлюпка, где пассажирами были сти Молеуен, Мириам, девчонка, что звали Гиссой, и, как выяснилось позже, три человека из свиты Диамуна.

Ещё до начала шторма, готовясь к дальнейшему походу, 'Морской Воитель', 'Четвёртый сын' и 'Скардарский Лев' отправили к нам на борт часть своих экипажей, потому что было принято решение привести его в Скардар. Понятно, что прибывшие матросы не являлись лучшими на своих кораблях, их отбирали по принципу: на боже, что нам негоже.

Нет, эти люди не были отбросами, среди почти сотни, прибывших на борт, таких, на мой взгляд, не больше десятка, но в первую очередь всегда стараются избавиться от людей неудобных, неугодных и так далее. Словом таких, что, даже отведав шомполов, остаются при своем мнении, лишь стараясь его лишний раз не озвучивать.

Что же касается телесных наказаний, обычная практика во всех флотах этого мира, да и в прежнем, моем, разве было по-другому?

Командование захваченным кораблем Табриско, который по приходу должен был войти в состав Скардарского флота, было возложено на Фреда фер Груенуа, видимо по той же причине. И я ничуть этому не опечалился, с чего бы.

Фред – опытный мореплаватель, а в компании со сти Молеуеном, так вообще выдающийся, так я ему и заявил, но адмиральскую каюту занял сам.

Дир Пьетроссо остался на борту 'Интбугера', так именовался наш корабль, мотивируя это тем, что экипаж сборный, дисциплина никуда не годная, и при нужде он поможет её поднять.

Этому я тоже был рад, да и мотивы Иджина были понятны. Трудно находиться на одном борту с человеком, которого органически не переваривaешь, а тут такая причина, чтобы этого не случилось.

Из числа его людей, тех, что он повел на абордаж, осталось чуть больше десятка, и больше половины из них было ранено. Но они оставались при нем, хоть не намного, но увеличивая экипаж 'Интбугера'.

Всё время вынужденного бездействия фер Груенуа гонял новый экипаж, подготавливая корабль к переходу.

'Морской Воитель' в сопровождении 'Интбугера' должен был направиться к берегам Скардара при первых признаках того, что шторм затихает.

'Четвертый Сын' останется ждать, пока 'Скардарский Лев' починиться, поскольку 'Лев' в нынешнем его состоянии, будет только обузой.

Вот и замечательно, думал я, глядя на приближающуюся шлюпку.

Достичь Скардара, затем найти там попутный корабль, следующий в Империю, каких-то три недели плавания и закончится моя личная одиссея.

Беспокойство вызывал только мой конфликт с Диамуном и его возможные последствия. Но пока всё шло хорошо, и стоит ли беспокоиться ли заранее. Вся моя жизнь в последнее время настаивала на том, что так далеко заглядывать нет необходимости.

Три человека из свиты наследника Диамуна, прибывшие вместе со сти Молеуеном, Мириам и Гиссой, мне не понравились сразу. Я успокаивал себя той мыслью, что мнение мое далеко не объективное, просто на них я перенес свою неприязнь с Диамуна.

Они первыми поднялись на борт, постояли, дожидаясь, пока из шлюпки поднимут багаж, затем в сопровождении матроса ушли в отведенные им каюты. Места хватит, свободных кают достаточно, численность экипажа на борту минимум того, что необходимо.

Вот и Гисса, девочка весела, ещё бы, столько приключений, когда и страшно и интересно, а вокруг много добрых людей, и совсем не таких, как её прежние хозяева.

Когда вернёмся в Империю, надо будет постараться дать ей образование. Девчонка неглупа, старательна, и толк из неё обязательно будет.

Хотя какой там толк, не те сейчас времена. Выйдет замуж, нарожает кучу ребятишек, и весь мир её сомкнется до стен собственного дома, с редкими вылазками на рынок и единственным удовольствием посудачить с соседками.

Но она не будет ломать голову, чем накормить своих детей и во что их одеть, уж об этом-то я сумею позаботиться.

Так, Мириам. Определённо с ней что-то произошло, хотя она старательно пытается этого не показать. Только бы не то, о чём я сейчас подумал, только не это. Следом поднялся сти Молеуен и вид у него был какой-то виноватый.

Неужели всё-таки …

Так, спокойствие, Артуа, и не надо так смотреть в спины трём новым пассажирам, пока ещё не всё ясно.

Да что тут уже непонятного, не обманывай сам себя, не получится, слишком уж всё это на виду.

Мириам, девочка, не расплачься в объятиях Проухва, а, если

не сможешь удержать слёз, объясни их, пожалуйста, тем, что очень за него переживала, боялась потерять и очень, очень соскучилась. Прошу тебя, девочка, очень прошу.

Ему не следует знать о случившемся, именно ему, если это действительно случилось. Дай Бог, чтобы бы мне всё это показалось, но слишком уж въелась в кровь привычка предполагать самый плохой вариант из возможных.

И, для того, чтобы узнать правду, нужно поговорить с Мириам.

Уже в своей каюте, отослав Прошку под благовидным предлогом, я коротко сказал Мириам: рассказывай.

И она, захлебываясь слезами, давясь ими, рассказывала, рассказывала прерывающимся голосом. Это действительно произошло. Произошло, когда мы считали последние минуты своей жизни на палубе 'Интбугера'.

Люди Диамуна заволокли Мириам в его каюту, ну а дальше…

Я не хочу знать подробностей, как это было и сколько их было, не хочу. Потому что главное в том, что это было.

Я стоял и молчал, прижав её к себе и гладя по волосам. В конце рассказа Мириам вынула откуда-то ожерелье, которое Диамун дал ей, как он сам выразился, в оплату за услуги.

Ты только не говори ничего Проухву, девочка, хорошо? Не нужно ему знать об этом, ведь теперь уже ничего изменить нельзя.

Мириам только кивала головой, глядя на меня полными слёз глазами. Ненавижу женские слезы, но сейчас они были вызваны не тем, что на улице украли кошелёк, или даже рассказом о том, пришлось расстаться с любимым.

Выйдя на палубу, я обнаружил ожерелье зажатым в руке. Первым желанием было выбросить его в море, и я даже размахнулся для этого, но затем пришла новая мысль. Ты его ещё увидишь, Диамун, это ожерелье, и я очень надеюсь на это. Ожерелье было недешёвым, оно было дорогим, наверное, даже очень. Но разве это цена, Диамун? О настоящей цене ты узнаешь позже.

Грохнул пушечный выстрел, отвлекая от навязчивых мыслей.

Это 'Морской Воитель', снявшийся с якоря, и успевший поднять паруса, салютовал остающимся кораблям. На нём не стали дожидаться возвращения шлюпки, потому что это наша шлюпка. И вот теперь становится понятным, почему я не мог получить своих людей раньше, ещё до шторма.

Да и не хотелось, если честно, чтобы их привезли на корабль, на котором всюду оставались следы недавнего боя, кровь и трупы. Сти Молеуен пережил бы это легко, но дело не в нём.

Потом начался шторм, и переправить людей на борт 'Интбугера' стало невозможно.

Но даже если бы и смогли переправить их на борт сразу по окончанию боя, всё равно было бы уже слишком поздно. Какая же ты мразь, Диамун, ведь именно так ты мне отомстил.

Подошёл сти Молеуен, всё с тем же виноватым выражением лица. Ты ни в чём не виноват, Клемьер, ты всего лишь отличный навигатор. Даже если бы ты оказался тогда свидетелем происходящего и нашёл в себе мужества вмешаться, ничего бы не изменилось. Прости, но ты не четвёртый сын и никогда уже им не станешь. И оставь меня, пожалуйста, одного, мне хочется побыть наедине с самим собой.

Хороший всё же ходок 'Интбугер'. 'Буревестник', если перевести с табриского языка. Есть такие птицы, непревзойденные мастера планирования, достигающие иной раз в размахе крыльев почти четырёх метров.

'Над седой равниной моря гордо реет буревестник…' – вспомнились знакомые с детства строки. И лишь сейчас подумалось, что море бывает седым в шторм, когда гребни волн украшены пеной. Вот только равнины в этом случае не получается. Наверное, чтобы видеть море седой равниной, нужно быть на берегу, на высокой, высокой скале.

'Интбугер' шёл в полулиге за кормой 'Морского Воителя', причем шёл не напрягаясь. 'Воитель' – очень быстрый корабль, но 'Буревестник' даже не думал от него отставать. Когда на 'Воителе' прибавили парусов, положение не изменилось, мы по-прежнему легко держали дистанцию. Более того, при нужде нам удалось бы даже обогнать 'Морского Воителя'. И это при том, что на борту 'Интбугера' было на пять орудий больше. Славный корабль, очень славный.

Либо табрисцы превзошли Скардар в искусстве кораблестроения, либо случилось другое. Так бывает, казалось бы, одинаковый проект, строят одни и те же люби, из идентичных материалов, а вот выходит один, что летит как птица, в отличие от другого, что тащится как кляча на смертный одр. И это относится не только к кораблям, но и к другой технике. Хотя трудно назвать парусник техникой, они как живые существа, со своим характером, привычками, наклонностями и предрасположенностями.

Я отстоял на мостике почти до утра, спать не хотелось. Накануне вечером добросовестно попытался уснуть, разделся, прилег в постель, затем вспомнил заплаканное лицо Мириам, и сон как рукой сняло. Далась же она мне, ведь ничто меня с Мириам не связывает. Если разобраться, то и все проблемы из-за

неё, а ведь чувствую себя перед ней обязанным и понять причину этого не могу. Нет здесь логики, а то, что есть, непонятно.

Фред молчал, изредка поглядывая на меня, расхаживающего от борта к борту, и по выражению его лица было понятно, что и он всё знает. И понимает, для чего всё это было сделано. Но он молчал, и я был ему за это благодарен.

На мостик принесли трош, горячее, на грани того, что можно обжечься, вино, варенное с пряностями, медом, и чем-то ещё. Правда, здесь его называли лизгом, но от этого он во вкусе ничуть потерял. После троша внутри стало теплее, на душе легче, и я отправился спать.

За обедом в кают-компании присутствовали все три человека из свиты наследника. Имя я запомнил только у одного, того, кто выглядел немного старше двух остальных, имел несколько развязные манеры, небольшой шрам на левой щеке и взгляд прожжённого циника. Звали его Юстин дир Метрессу, и он являлся главным в этой троице, а задача остальных была во всём ему поддакивать и соглашаться.

Да уж, отважные люди, вся троица. Появились они на борту 'Интбугера' под предлогом того, что на 'Воителе' не хватает места. Это действительно так, так что под предлог не подкопаешься.

В кают-компанию с подносом вошла Мириам. Она улыбалась, но куда девалась её прежняя, чуть ли не детская непосредственность, так присущая ей раньше.

И Юстин дир Метрессу, старательно глядя куда-то в сторону, что-то сказал на незнакомом мне языке. Остальных два его спутника рассмеялись. Казалось бы, чего тут?

'Да уж, Артуа, сподобился же ты в своём зрелом возрасте переквалифицироваться в 'кухонного боксера' – подумал я вставая на ноги и направляясь к ним.

Подойдя к Юстину, остановился напротив его. Дир Метрессу вскочил на ноги.

Ты ведь этого хотел, моей пощечины? Ну так получи её.

Пощечина получилась дрянной, даже пальцы не обожгло, и в глазах дир Метрессу промелькнуло торжество. Но не от того, что пощечина получилась именно такой.

Ведь вы правильно рассчитали мою реакцию на произошедшее, решив, что я не выдержу, поступлю так, как только что поступил или, быть может, чуть иначе. Результат ведь всё равно будет одинаков: оскорбление, последующий вызов. А то, как ты владеешь шпагой, любезный Юстин, очень даже понятно. Вот только одного вы не учли. Вот этого, когда бьют в смутно белеющее лицо правой рукой, и сразу, без паузы, левой в печень. А теперь снова правой, снизу в подбородок. И опять

правой, но не в заманчиво открывшийся кончик подбородка, что приведет к долгому и глубокому ауту, а чуть выше, в нос. Чтобы хрустнуло под кулаком, чтобы брызнуло во все сторону. И теперь ногой в оседающее тело, вкладывая весь вес, выгибая стопу так, чтобы удар был пяткой.

Их ещё двое, и дай Бог, чтобы хватило на то, чтобы утолить ярость, бушующую внутри меня.

Меня поймали за руки, поймали свои, потому что всё, что я сейчас делаю неправильно, и всё это противоречит кодексу поведения благородных дворян.

Вот только согласно какого кодекса эта тварь сделала то, что она сделала?

Мне не заламывали руки, просто старались удержать их, что избавляло от необходимости делать переворот в воздухе, используя держащие меня руки как точки опоры.

Такую ситуацию мы давно уже проходили. Я напрягся, будто пытаясь освободиться, и сразу же почувствовал, как напряглись те, кто меня удерживал.

Затем полностью расслабился, получив в ответ такую же реакцию. А теперь рвануться всем телом вперед, и чёрт бы меня побрал, если бы это не помогло.

Эта уловка стара как мир, но работает безотказно.

Вот теперь два быстрых шага вперед ко второму из троицы, пытавшемуся вырвать шпагу из ножен. Сейчас. Раньше это надо было делать, да и вообще это дурной тон, заявляться в кают-компанию со шпагой.

Удар, ещё удар, и снова удар. Удар куда придётся, лишь бы вложить в него все силы, сколько у меня их есть. И теперь с приседанием опустить ступню ноги на его грудь, так удобно лежащую на палубе. Никогда бы не подумал, что хрип, вырвавшийся из него, покажется мне музыкой.

Но это ещё не конец дела, остался третий. Я выскочил на палубу вслед за ним, убегающим со всех ног. Куда же ты, ещё несколько минут ранее весь такой вальяжный, с небрежными плавными движениями.

Ты же выше меня на полголовы и на добрый десяток килограмм тяжелее, а на боку у тебя при каждом скачке дергается на красивой перевязи шпага.

Остановись, и мы поговорим с тобой как мужчина с мужчиной. Я понял только одно слово из того, что ты сказал в ответ на шутку Юстина. Одно лишь единственное слово, но звучит оно на всех языках почти одинаково и имеет одно единственное значение – шлюха. И ещё я видел, как вздрогнули при этом плечи Мириам.

Остановись и поговори со мной, принцем конюшни, путешествую инкогнито в обществе шлюхи.

Я бил кулаками по мачте, благо в этом месте вокруг её ствола был обмотан толстый канат. Обмотан в надежде на то, что при попадании в него ядра, он сможет поглотить часть удара. По мачте, на которую со скоростью обезьяны взобрался третий мой собеседник, с которым я так и не успел переговорить.

На канате давно уже оставались кровавые следы от моих кулаков, но я всё бил и бил, пока правая рука не перестала гнуться в локте.

Затем я уселся на палубу, прислонившись к мачте спиной, и долго сидел с закрытыми глазами…

Берег Скардара появился внезапно. Его ждали, ждали, что он вот-вот откроется и берег, наконец, открылся, показавшись из тумана, покрывавшего всю часть горизонта по курсу 'Буревестника'. И уже после этого с вершины мачты донесся запоздалый крик: 'Земля!'.

Я стоял на мостике вместе со всеми и неотрывно смотрел на берег. Что меня ждет там, на берегу? Там, куда я не так ещё давно стремился попасть.

Вряд ли много хорошего, вряд ли вообще что-то хорошее. В том, что наследник скардарского престола не оставит всё как есть, не было никаких сомнений. Оскорбили его самого, оскорбили его людей, причем в обоих случаях оскорбили действием.

А он не из тех людей, которые что-нибудь забывают, да и его окружение не даст этого сделать. Ещё и выбор средств Диамуна при этом полностью раскрывает его сущность как человека.

'Морской Воитель' всё так шёл же в полулиге впереди нас, и Фред, с каким-то напряжением во взгляде, на него поглядывал. Не беспокойся Фред, до той поры, пока мы не войдем в гавань Аббидоса, самого крупного порта Скардара и его столицы, не будет ничего. Сожалел ли я о случившемся? Конечно сожалел, нельзя ни при каких обстоятельствах терять над собой контроль, а я это успешно сделал. Но сожалел только об этом, а не о тех возможных последствиях, что неизбежно будут.

Глава 25 Паштет из соловьиных язычков

– Это точно поможет?

За последние полчаса я задал такой вопрос уже в третий или четвертый раз. Задавал я его Мидусу, худому старичку, с взъерошенной копной седых волос и пронзительным взглядом глубоко запавших глаз. Больше всего Мидус был похож на шарлатана, воспользовавшегося случаем поставить на очередном клиенте очередной эксперимент в надежде – вдруг чего и получится. А где же некая солидность, благообразность, ведь врач одним своим видом должен давать больному надежду на выздоровление. В нашем случае ничего такого не было и в помине.

Внешний вид лекаря был первой причиной моего вопроса. Вторая же заключалось в том, что локоть, под повязкой наложенной Мидусом поверх толстого слоя дурно пахнущей мази жгло, пекло, и дёргало пронизывающей всё тело болью.

– Поможет, обязательно поможет, господин де Койн. Вы же сами просили меня о том, чтобы вылечить вас как можно скорее.

Ну да, сам и просил. При абордаже 'Буревестника' я при падении как-то особенно неудачно ударился локтем правой руки. Прошло уже больше недели, а он продолжал меня беспокоить.

Происходило это так: я совсем забывал о больном локте, но стоило мне резко согнуть или разогнуть руку, как локоть взрывался острой болью.

И приходилось спасать выражение лица сильно закушенной губой, чтобы задавить болезненный вскрик ещё в самом зародыше. Ну а то, что глаза при этом закрывались, так у любого из нас такое случается время от времени.

Показывать свою слабость было нельзя. Если мне удалось счастливо избегнуть дуэли с Юстином дир Метрессу или одним из его спутников, прибывшим на борт 'Интбугера' вместе с ним, то это совсем не значит, что подобных предложений больше не будет.

Опухоль на локте спала полностью, от неё не осталось даже следа, и объяснить свой отказ от дуэли тем, что я почти не могу действовать правой рукой, не получилось бы.

Люди везде одинаковы, видимая рана, пусть и небольшая, вызовет значительно больше сочувствия и понимания, нежели то, что творится внутри, что не видно и трудно доказуемо.

Существовала ещё и вероятность дуэли на пистолетах, но вот этого мне хотелось меньше всего. Слишком много в этом случае зависело от случайности.

Мне не хотелось лежать с развороченным пулей животом, требуя в минуты сознания очередную дозу макового отвара, чтобы забыться, моля Всевышнего только об одном – поскорее бы всё это закончилось.

Нет, можно конечно, получить пулю в живот и в бою, но ведь это совсем другое дело, совсем.

Берега Скардара мы достигли только к вечеру, и высаживались на него уже в потёмках. 'Интбугер', кстати, в отличие от 'Морского Воителя', пришвартовавшегося к причалу, остался на рейде. На берег мы переправились в шлюпке, дав согласие на приглашение дир Пьетроссо стать гостями в его столичном доме.

Дом Иджина оказался размером с дворец. Да и глупо было бы предположить, что теоретический претендент на престол Скардара будет проживать в скромной кособокой хижине на самом берегу моря.

Хотя дом и впрямь оказался на берегу, а та часть окружавшей его стены, что смотрела на море, больше всего походила на крепостную.

Со стороны города всё выглядело значительно гостеприимней. Высокая кованая ажурная решетка, цветники, тянувшиеся от входных ворот к самому входу в дом, и смутно белеющие в саду в наступившей темноте фигуры каких-то статуй. Я даже журчанье струй расслышал, хотя самого фонтана его разглядеть не удалось.

Всю дорогу к дому Иджина мои спутники напряжённо поглядывали по сторонам. Их реакция понятна, в любой момент дорогу нам могли перегородить группа вооруженных людей с требованием последовать за ними.

Из этих соображений сти Молеуен высказал мнение, что нам лучше остаться на борту 'Буревестника'.

Да не лучше и не хуже, Клемьер. Нас всего десять, если считать вместе с женщинами, так что такой шаг ничего не даст. А вот то, что Иджин предложил воспользоваться своим гостеприимством, говорит о многом. И тебе самому не надоело находиться на борту корабля во время плавания?

Давай воспользуемся всеми теми благами, от которых успели отвыкнуть, коль скоро подвернулась такая возможность, а там будет видно.

В доме дир Пьетроссо мы устроились отлично, а на следующий день Иджин послал за Мидусом, уверив в том, что лекарь он превосходный и обязательно поможет. Может быть, это и на самом деле так, но вид у него был… скажем так, немного странный.

Лекарь заставил меня несколько раз согнуть и разогнуть руку, причем при двух последних движениях приложив к локтю ухо, затем что-то посчитал на пальцах, неотрывно глядя на меня. Не понимая логики его действий, я заявил ему, что гонорар он может запросить любой, если нужен аванс – тоже не вопрос, лишь бы лечение помогло и помогло быстро.

В ответ, прервавшись на несколько мгновений от своих подсчетов, Мидус заявил, что его этика не позволяет ему брать деньги авансом.

Приятно, конечно, что у него имеется такая этика, но не значит ли это, что лечение может и не помочь?

Нет, лечение поможет безусловно, заявил лекарь несколько другим тоном, видимо уловив в моем голосе иронию.

Но, для того, чтобы лечение начало помогать как можно быстрее, господину следует удалиться на некоторое время, чтобы он смог без помех приготовить необходимый бальзам.

Жаль, мне так хотелось увидеть, как он будет толочь в ступе мумифицированные лягушачьи лапки, сушеных жуков, какой-нибудь странно выглядевший корень с непроизносимым названием, и ещё пять-десять других ингредиентов, при этом завывая вполголоса над ступкой.

Нет, всего этого я был лишен, как и лишен возможности предположить хотя бы примерную цену лекарства.

Но на здоровье экономить нельзя. Этой мыслью я и укрепил свой не очень бодрый дух, выходя из комнаты.

После того, как таинство совершилось, мне пригласили на процедуру. Пригласил ассистент лекаря, молодой парень, во всем старающийся быть похожим на своего патрона.

Не печалься, юноша, когда ты станешь старше лет на сорок – пятьдесят, похудеешь до состояния сублимата, а на лице твоем останутся следы от многих тысяч разочарований, постигших тебя в жизни, всё произойдет само собой.

Пока же не стесняйся за свой здоровый румянец на всю щеку, всё это ненадолго.

Мазь оказалась очень мерзкой с виду и ещё она воняла. Не просто неприятно пахла, а именно воняла. И ещё, как оказалась, жгла. Жгла так, что казалась, вот сгорела кожа, затем спеклись мышцы с сухожилиями, и огонь принялся за сам сустав.

Моё терпение закончилось именно в тот момент, когда Мидус решительными движениями освободил локоть от повязки. Я ожидал увидеть что угодно, но локоть выглядел таким же, каким он и был до встречи с этим дьявольским зельем.

В тот момент я дал себе слово любыми средствами выведать у Мидуса рецепт, потому что нет смысла вгонять людям щепки под

ногти или дробить суставы пальцев молотком, добиваясь правды. Достаточно намазать этим зельем что угодно и затем лишь успевать записывать ответы на заданные вопросы. Очень гуманно, да и следов от пыток не остаётся.

Локоть почти не жгло, кожа на нем оставалась такой, какой она и была до экзекуции, и я осторожно несколько раз согнул руку в локте. Как будто бы всё нормально, но сделать то же самое резко, духу мне всё же не хватило.

Мидус, обратив внимание на мои манипуляции, заявил, что локоть следует пока поберечь. А вот послезавтра, после ещё нескольких сеансов, один из которых предстоит мне сегодня вечером, я могу себе позволить сгибать его как угодно и сколько угодно.

Для вечернего сеанса он оставил мне немного мази, здесь он ткнул пальцем в глиняный горшочек, а завтра с утра принесет свежего…, тут я чуть было не закончил за него фразу словами – жгучего дерьма.

Уже уходя, добавил, что скрежетать зубами, кусать губы и пучить глаза вовсе не обязательно, снадобье поможет и без этого. Словом расстались мы с Мидусом, души не чая друг в друге.

И ещё, молодой помощник его всё время важно кивал головой, подтверждая слова учителя.

Юнец, я сейчас тебе этим снадобьем под хвостом намажу, и ты возьмёшь карьер с места не хуже знаменитых аргхальских скакунов, а ржать при этом будешь ещё громче их.

Второй раз накладывать мазь на локоть мне пришлось уже глубокой ночью, потому что меня пригласили во дворец.

Пригласили к отцу Диамуна, Минуру дир Сьенуоссо, правителю Скардара.

От таких приглашений не принято отказываться, особенно когда его приносят лица, прибывшие в сопровождении почти десятка солдат, из которых только половина была рядовыми воинами.

Приглашение прибыло после обеда, когда мы уединились с Иджином в тени небольшого сада, росшего во дворе его дома.

Беседка, прикрытая от жаркого светила густо растущей зеленью, от струй расположенного невдалеке фонтана навевало приятной свежестью, разговор не должен был быть о чем-то серьёзном.

Всё подразумевало о нескольких минутах лёгкого бездумного разговора, когда не следует напрягаться, чтобы не произнести что-нибудь такое, отчего собеседник непременно вцепится в услышанные слова.

И всего этого лишил меня прибывший с приглашением

человек, от одного вида которого мне настроение безнадежно испортилось.

Фред, в сопровождении сти Молеуена, сразу же после обеда ушел в порт, чтобы попытаться найти попутный корабль, и я всей душой молил, чтобы ему сразу же повезло. Так что отправился я один, даже без Проухва.

Идти пришлось немного, так что кареты не понадобилось. А может она и не была предусмотрена, чтобы лишний раз подчеркнуть мой нынешний статус.

Если дом Иджина только походил на дворец, то этот, куда меня привели, им и являлся. Впечатляющих размеров, вот только мне и больше видеть приходилось. Сам дворец вплотную примыкал к площади немалых размеров.

Ага, вон и балкон имеется, такой же фундаментальный, как и само здание. При необходимости с него можно выступить с продуманной речью перед горожанами, жителями столицы и её гостями, объясняя тонкости текущей политики или зажечь пламенной речью подданных на ратный либо же трудовой подвиг.

С оружием я расстался сразу же, как только мы вошли внутрь.

Ждать аудиенции пришлось долго, но поскучать мне не удалось.

В роскошной гостиной, где мне предложили дожидаться встречи с первым лицом государства Скардар, имелось множество картин.

Их было так много, что занимали они на стенах почти всё свободное место. Пейзажей и портретов среди них оказалось мало, разве что пара морских видов, но картин изображающих морские бои в различных их стадиях, было полно. Что и говорить, Скардар – держава, славная прежде всего морскими традициями, так что пасторали увидеть сложно.

Вот на одной из картин сошлись два строя кораблей, и тот, что захватил ветер, был скардарским. Глупо было бы увековечивать на полотне грубый, иногда даже смертельный просчет адмирала, командующего флотом.

Следующая картина запечатлела абордаж. Видимо, изображённое на ней событие произошло в далёкие времена, поскольку корабли имели высокие надстройки на носу и корме, а в руках и атакующих и защищающихся не было ничего похожего на огнестрельное оружие, сплошные топоры, мечи и даже булавы. Ничего больше рассмотреть мне не удалось, потому что в гостиную заглянули три весело щебечущих молоденьких фрейлины и начался абордаж другого толка.

Нет, я, конечно же, допускаю мысль, что, увидев меня, кто-то из них внезапно влюбился, но чтобы все три сразу…

По их же поведению получалась любовь с первого взгляда сразу у всех троих.

Что ж, я был не против миленько пообщаться. Куда как интереснее, чем рассматривать картинки с изображением густо заросших волосяной растительностью мужичков, яростно лупцующих друг друга всякими смертельно опасными для здоровья предметами.

Да и света не мешало бы немного добавить, окна хоть и огромны, но полуприкрыты тяжелыми портьерами из бархата, и в гостиной царил романтический мягкий полумрак.

Эти блестящие глазки, зубки, нечаянно обнажаемые чуть сверх того, что требуют рамки приличий плечики, едва ощутимые прикосновения тонких пальчиков и достаточно красноречивые взгляды. Как это было мило, потому что сразу начинаешь чувствовать свою несравненную мужественность и неотразимость.

И ещё фразочки, произнесенные с придыханиями и самым томным видом: 'Ах, неужели всё это правда, Артуа, да вы настоящий герой!', или 'Господи, какой мужчина!', явно произнесённые не совсем к месту, но так волнующие мой слух.

Присутствуй при этом один мой хороший знакомый из прежнего мира, я непременно бы от него услышал: 'Артур, у этих телочек башню от тебя снесло. У всех троих сразу'.

Этим он мне всегда и нравился, своей непосредственностью в эмоциях и образностью речи.

К тому времени, когда я успел полностью проникнуться собственной неотразимостью и даже получить поцелуй, легкий, как прикосновение крылышек бабочки, на сцене появилось ещё одно действующее лицо.

К сожалению, лицо было мужским, принадлежало человеку слегка за сорок, выглядело холенным, обладало волевым подбородком и светлыми глазами с холодным прищуром.

Лицо извинилось перед барышнями, что вынужденно похищает меня, на что девушки отреагировали в прежнем ключе, с ахами и вздохами сожаления, и мы перешли в помещение, выглядевшее огромным кабинетом.

Предложив присесть, мой новый собеседник извинился уже передо мной за то, что вынужден был лишить такого приятного общества во имя скучного разговора, добавив, что господин Минур дир Сьенуоссо, владетель Скардара примет меня чуть позже, после того, как покончит с неотложными делами.

Причём Минура он назвал господином Ондириером, а 'чуть позже' затянулось на добрые пару часов.

Всё это время мы разговаривали, сидели и разговаривали о многих важных и не очень вещах. Но всё время как-то так

получалось, что мне приходилось отвечать на многочисленные вопросы, заданные им как будто бы между прочим.

Конечно, я старался быть вежливым, отвечая своим вопросом лишь на каждый его третий или четвертый вопрос.

А вопросы человека, представившегося Однором дир Мессу, были какими угодно: от положения дел в Империи и её внешней политики до моих планов в самое ближайшее будущее и устремлений на перспективу.

Вероятно, он хотел составить обо мне своё мнение, как весьма возможно и то, что Минур выслушает его перед разговором со мной, возможно даже с советами.

Но мне было плевать, плевать с высокой колокольни, каковым это мнение будет, и потому я отвечал, не особенно заботясь, как прозвучит та или иная фраза и много ли в ней будет смысла.

Наверное, дир Мессу это понял, и его лицо пару раз едва заметно скривилось. Разговор не смотря ни на что продолжался, и когда тема внезапно коснулась охоты, я предложил ему историю, произошедшую со мной перед самым убытием из Империи.

Эта история произошла в Стенборо, единственном моем имении.

Нет, другая собственность имелась, от виноградников вблизи Гроугента до перспективных угольных месторождений в провинции Монтенер, недвижимость в столице и даже верфь всё в том же Гроугенте, но поместье оставалось единственным. Это так, к слову, но именно в Стенборо вся эта история и произошла.

Я заглянул в Стенборо к Капсому, своему химику, работающему над эпохальными открытиями, которые должны были сделать революцию сразу в нескольких областях технической науки.

Конечно же, трудился Капсом над ними не один, к тому времени он обзавелся сразу тремя помощниками, которыми нещадно помыкал. Два его помощника были чуть ли не мальчишками, безропотно выносившими все его выговоры, разносы и нудные нотации. А вот третий…

Третий, человек по имени Мархсвус Бирдст, был примерно его возраста, то есть ближе к сорока, и успел уже состояться как учёный-химик. По крайней мере, сам он считал именно так. И вот ему, учёному в самом расцвете таланта, это опять его мнение, приходится терпеть выпадки человека, чьё мнение никогда не было для него решающим. Никогда. Это снова были его слова.

Суть их конфликта мне понять так и не удалось.

Вернее, как раз суть и была понятна, они не сошлись во мнениях, поскольку оба работали над одним и тем же проектом,

капсюлем-детонатором.

Вот в чем именно они не сошлись, так и осталось для меня тайной. Когда я попросил объяснить их хоть что-то, началось такое…

Когда один из них начинал доказывать свою точку зрения, сыпя непонятными мне терминами, второй делал страдальческий вид, морщился, крутил головой, всем своим видом показывая, что только мое присутствие вынуждает его выслушивать эту откровенную чушь.

Затем слово брал второй и ситуация повторялась. Причем оба поглядывали на меня, словно заставляя принять именно его сторону. Я же стоял с самым невозмутимым видом, почти успешно делая вид, что понимаю, о чем идет речь. Половина из слов мне вообще были непонятны. Наконец, дело дошло до того, что оба моих химика, исчерпав все доводы, перешли к прямой агрессии по отношению друг к другу. Оба небольшого роста и невзрачного телосложения, с красными от возбуждения лицами, они по очереди наскакивали грудью на своего оппонента.

Тут, надо сказать, некоторое преимущество имел Капсом, поскольку за время пребывания в Стенборо он успел набрать вес, в некоторых местах даже излишний, и важный вид. Колобок, одним словом.

Сейчас он совсем не походил на того человека, каким когда-то прибыл в Стенборо. Был он тогда насмерть перепуганным, и втягивающим голову в плечи от каждого внезапного звука или резкого движения.

Теперь его было не узнать.

Ещё бы, сейчас за его плечами два эпохальных открытия – изобретения капсюля, названного в его честь капсомом, и динамита, получившего название капсомит. А если учесть ещё и амальгаму, так вообще человек – уникум.

Правда, пока широкой общественности авторство его открытий были не известны, как и сами открытия, ещё не время, да и сделал он всё это благодаря моим подсказкам, но в этом ли суть? Ведь до того момента, когда о его открытиях узнают все, остались сущие темпоральные пустяки.

И здесь заявляется человек, который мало того, что имеет свое мнение, так ещё и имеет наглость на нём настаивать!

Человек этот, Мархсвус Бирдст, появился в Стенборо благодаря Геренту Райкарду, управляющему всеми моими делами в Империи. Он где-то о нём услышал, встретился, переговорил… и в итоге Бирбст оказался в Центре Исследований, Изобретений и Внедрения Новых Технологий. Так, на перспективу я называл свое имение Стенборо.

Мархсвус, в отличие от своего коллеги, был абсолютно не тщеславен, но как специалист Капсому нисколько не уступал.

И если бы Бирдст оказал в Стенборо раньше Капсома, нисколько не сомневаюсь в том, что и капсюль и динамит носили бы его имя, какой-нибудь бирдстамит или мархсвюль. Правда, для этого его бы пришлось уговаривать.

Но и он имел один пунктик в голове – вечный двигатель. Поскольку он был химиком, так и хочется сделать приставку 'ал' перед этим словом, да и все химики здесь такие, то и перпетуум, по его замыслу, должен был быть на какой-то химической основе.

При нашем первом разговоре с Марсхвусом присутствовал и Капсом. Он с весьма скептическим выражением лица выслушивал рассуждения Бирдста, всем своим видом показывая абсурдность его логики. Любому образованному человеку в Империи, говорило выражение его лица, известно, что создать вечный двигатель невозможно. А значит, что человек, посвятивший свою жизнь такого рода прожекту, ничего серьёзного представлять себе не может.

В общем-то, если принимать во внимание всякие там законы энтропии и термодинамики, так это и есть. Но если хотите создать действующую модель такого мобиля, так уж и быть, подскажу, заявил я Бирдсту.

Ничего сложного, занимательная физика для детей среднего и старшего школьного возраста. Да, это будет работать, работать вечно. Вернее, до той поры, пока не износятся материалы, из которых будет изготовлен ваш двигатель, поскольку как раз их вечных и не бывает.

Но предупреждая сразу, заниматься двигателем вы будете только в свободное время, посвятив все силы, энергию и талант тем задачам, которые я перед вами поставлю. И ассигнования на этот ваш проект будут весьма скудными. Согласны?

Махрсвус с воодушевлением покивал головой, а выражение лица Капсома приобрело крайне недовольный вид. Как же, ещё одно судьбоносное открытие и авторство будет принадлежать не ему.

Принцип работы такого двигателя, уважаемый Бирдст, состоит вот в чем. Тут мне на глаза попалось огромное краснощекое яблоко, висящее на яблоне на расстоянии протянутой руки. Я сорвал его, полюбовался и подкинул вверх.

Хотя закон всемирного тяготения здесь ещё не был открыт, но тем не менее, сработал он отлично, и яблоко упало в траву.

Так, и причём здесь яблоко, задумался я. Во-первых, это физика, а не химия, и открывать этот закон я не собираюсь, даже формулу не помню, а куда без неё?

Я вообще только одну формулу помню, Эйнштейна, и то, только потому, что она очень короткая. Но и здесь проблемы, в ней каждая буква обозначает что-то мне неведомое, да и рано им ещё её знать.

Сделав вид, что подбросил яблоко только для того, чтобы полюбоваться его полетом, я приступил к объяснениям.

Погода, господин Бирдст, вам поможет погода. К своим сорока вы уже обязательно должны чувствовать её изменения, какой-нибудь шум в ушах, головную боль или ещё что-то.

Причём здесь погода?

Сама по себе она может быть и не причём, но вот то, что перед её изменением меняется атмосферное давление, пригодится вам замечательно. Даже женское настроение меняется не так часто, и не с такой завидной регулярностью, как атмосферное давление.

Теперь перейдем к главному. Как вы узнаёте, что погода назавтра переменится?

Правильно, с помощью барометра. Стрелочка на нем показывает: сушь, вёдро, шторм, дождь, буря и так далее.

Вот эта стрелочка вам и нужна, она же движется практически постоянно. А заставляет это делать ртуть. Соберите конструкцию из множества подобий барометров, стрелочки станут рычагами, связанными с приводом, привод будет крутить какое-нибудь колесо, передавая усилие…

У такого механизма удивительно низкий КПД, он ничтожный, мизерный, но работать ваш двигатель будет вечно.

Причем здесь химия? Да кто знает, если разбавить ртуть касторовым маслом, может она будет лучше реагировать на изменение атмосферного давления, расширяясь и сжимаясь.

Ртути полно, бочками, вон в том сарае на отшибе, к нему я стараюсь даже не приближаться. Сама ртуть довольно безобидна, но пары её – сильнейший яд. Так что имейте это в виду.

А механическую часть вам мои механики помогут сделать. Они у меня даже карманные часы изобрели, не то что ваш перпетуум мобиле.

Такой вот у нас тогда состоялся разговор.

Я уж совсем было обратиться к учёным с проникновенной речью, о важности стоящей перед ними задачи, о том, что у них совсем нет времени на пустопорожние споры, как появился Пелай, управляющий поместьем. Не дойдя до нас нескольких шагов, он остановился, ожидая окончания разговора. Вид у него был очень озабоченный.

– Говори уж – обратился я к нему, когда мы остались наедине.

С этого момента наша охота и началась.

Моим соседом слева, если обратиться лицом на север, был барон Кресле. Несколько деревень, то ли четыре, то ли пять, и само поместье, бывший замок, переделанный для удобства жилья. Землицы у него было больше раза в четыре, а прямо через его земли протекала довольно крупная река, Сиура, разделяя владения почти пополам.

Сам барон Кресле был старше меня лет на пятнадцать, имел трёх сыновей и дочь, давно уже обзаведшихся семьями и живших отдельно. Все три сына служили по военной части, дочь, кстати, была женой офицера имперской армии. Вот такой небольшой оплот государства.

Барон был спокойным рассудительным мужчиной, несколько даже флегматичным, пока разговор не заходил об охоте. Вот тут он оживлялся и молодел буквально на глазах.

Охотником барон был страстным и дай ему волю, только этим бы и занимался. Ещё он был приятным собеседником, и мы не раз засиживались за разговором и бокалом бренди, к которому он охотно пристрастился.

Не знаю, как он узнавал, что я прибыл в свое имение, но на следующий день барон непременно осчастливливал меня визитом.

Мне он нравился, и своими манерами и особенно тем, что никогда не придавал себе вид настолько крутого человека, что даже лук от него плачет, что присуще почти всем дворянам.

Сам я у него в гостях ещё не был, и теперь решил воспользоваться давним приглашением барона. Причина была самая уважительная, где-то на принадлежащих нам землях поселился зверь.

Поначалу пропажи домашнего скота списывали на обычных волков, коих в Империи тоже хватает. Они и выглядели такими, как я и привык их видеть, и повадки были похожими.

Разве что они никогда не сбивались в стаи, чтобы пережить суровую зиму. Нет её в Империи, зимы. Пара сезонов дождей, длящихся по месяцу-полтора каждый, когда температура пускается градусов до десяти тепла по моим ощущениям, и всё. Остальное время лето, иногда довольно жаркое.

Однажды крестьяне из Кривичей, принадлежащей мне деревни, обнаружили мёртвого пастушка, явно убитого зверем. В стаде телят, что он пас, не досчитались одной головы. Останков телёнка на месте не нашлось, их обнаружили позже, в небольшой рощице, в паре лиг от того места, где нашли пастушонка.

Насколько я знаю, обычным волкам унести теленка не под силу. И получалось, что, либо волки угнали его в этот лесок, либо

зверь был значительно крупнее обычного волка.

Затем нашли мертвыми ещё двоих крестьян, косивших сено на дальнем лугу, и тела их были почти нетронуты, только разорвано горло. У соседа, барона Кресле, такие случаи тоже были, рассказывал Пелай. И скот пропадал, и людей находили с разорванным горлом.

Сейчас дело дошло до того, что люди стали бояться отходить далеко от деревни, не без причины беспокоясь за свою жизнь. В полях же работать нужно, да и уборочная на носу. Никого в поле не выгонишь, жаловался Пелай.

Вообще-то, помимо научного центра, в Стенборо существовал и ещё один, центр подготовки моих воинов. Тоже громкое название, поскольку в общей сложности воинов было у меня чуть больше четырёх десятков. Но занимались их подготовкой всерьёз, особенно теми, кого я принял недавно. Занимались ими Дикие, воины с большой буквы, когда-то служившие в Диком эскадроне, особом подразделении имперской армии, где были собраны лучшие бойцы. Всего у меня их было четыре человека, но каждый стоил как минимум трёх.

Так вот, не так давно они вместе со своими подопечными устроили на волков большую облаву. За неделю охоты, им удалось добыть около десятка волчьих шкур. Немало, если учесть, что волки бестии очень хитрые, а обнаружить их следы на бесснежье безнадежное дело. Специально обученных собак нет, а обычные псы только и могут, что хвост поджимать да жалобно скулить, учуяв запах хищника.

Как выяснилось позже, это не помогло, в ночь моего прибытия в Стенборо нашли мёртвыми ещё двух человек. Нашли где-то на границе между моих владений и владений барона Кресле.

Парень и девушка. Парень был из Кривичей, то есть мой, а вот девушка оказалась из деревни, принадлежащей барону. Только какой черт их понёс ночью в луга, и что же они не смогли подождать ещё несколько дней, когда бы всё уладилось.

Знал я об их любви, и об их встречах, Пелай мне и рассказывал. Вот только не те сейчас времена, чтобы просто заслать сватов, необходимо было решить вопрос с самим бароном Кресле.

Вот этим вопросом я и хотел заняться, быть может даже сегодня, крайний срок завтра. Потому что послезавтра нужно было уезжать в Дрондер, столицу.

Барону при последнем его визите в Стенборо приглянулось одно из моих охотничьих ружей. Одно из двух, что я имел, хотел сказать.

На мой взгляд, ничего особо выдающегося в нём не было, кроме богато отделанного ложа и сплошь покрытого инкрустациями ствола.

Но когда барон взял ружье в руки и приложил приклад к плечу, наведя ствол на воображаемую цель, было заметно, как изменилось его лицо.

Это понятно, иногда возьмешь оружие в руки и сразу чувствуешь, что это твоё. Наверное, похожие чувства испытывают женщины, примеряя к себе драгоценности.

С тем, как попало ружьем ко мне, связана отдельная история, но сейчас не об этом. Вот и пришла мысль мне в голову поменять ружье на невесту, когда Пелай поведал об истории этой любви.

А что, любовь – дело святое. Если же рассуждать цинично, то от всякой любви между мужчиной и женщиной рождаются дети, в эти времена много детей. И если бы мне удалось провернуть это дело, что было почти наверняка, барон не стал бы настаивать на том, что половина детей принадлежит ему, не собаками торгуемся. Хотя такие истории иногда случаются, и я об этом слышал.

Теперь производить такой обмен было слишком поздно.

Я отправился в гости к барону Кресле в сопровождении десяти человек.

Неразлучный со мной Прошка, оба Дикие, Ворон и Кот, Пелай, Шлон с Нектором и еще четверо новых лиц, взятых мною совсем недавно, так что запомнить их имена я ещё не успел. Отправился, подготовленный для долгой охоты, которая может затянуться на неопределённое время.

Барон Кресле мне нужен был потому, что во время преследования зверя существовала вероятность очутиться на его землях, и это нужно было согласовать.

Когда такая орда в пылу погони окажется на дозревающем ржаном поле, хозяина может возмутить. Кроме того, я надеялся, что барон примкнет к охоте, ведь его люди погибли тоже.

Как выяснилось, наделялся не зря, потому что охотничий отряд барона попался нам на пути к его замку.

Барон во главе компании из восьми человек, ехал к нам навстречу, и по поклаже, притороченной к лошадиным бокам, становилось понятным, что Кресле решил заняться этим вопросом всерьёз. Так оно и оказалось.

Военный совет был краток, и тут я полностью уступил мнению барона, охотнику очень опытному.

– Всё говорит о том, что орудует одиночка – заявил он. – Не пара волков, не самец с самкой, не самка, натаскивающая щенков, нет. Одинокий матёрый зверь, но я даже не сомневаюсь, что

именно волк.

Я видел его следы, следы волка.

Но размеры следов… – здесь Кресле даже покрутил головой. – Никогда ничего подобного не видел. Следы как минимум вдвое больше тех, что мне попадались прежде. И ещё, волки обычно избегают людей, стараются даже на глаза им не попадаться. Этот же… Он не охотится на людей, он просто убивает их при встрече, как будто мстит. Очень странное поведение для волка.

Он появился здесь не так давно, месяца три, не больше. За это время погибло девять моих крестьян, девять. Я знаю, что и у вас люди тоже гибли.

Мы ехали с бароном, впереди отряда, направляясь на север. Кресле объяснил, что логово зверя искать нужно именно там, и я ему поверил. Северные края наших владений упирались в невысокие горы, скорее сопки, покрытые густой растительностью, тянувшиеся насколько хватало глаз.

Действительно, если уж и прятаться зверю, так именно там, в распадках, заросших кустарником так густо, что черт ногу сломит. Или на склонах одной из гор, где больших и малых пещер та же чёртова уйма.

В своё время в горах долго работал нанятый мной рудознатец, но не нашел ничего интересного. А так хотелось заполучить золотой, или на худой конец серебряный рудничок в двух шагах от имения. Вспоминая о своих хождениях в тех местах, рудознатец только крякал, настолько они оказались непроходимыми. Это для людей горы непроходимы, зверю же то, что нужно.

Так что предположения барона о месте обитания зверя полны резона.

-И ещё, господин де Койн. Девушка, Гилосса, что погибла ночью вместе с парнем, была моей дочерью. Об этом знали только её мать и я. Моя жена, леди Виора, женщина замечательная во всех отношениях, но…

Я любил Гилоссу, любил не меньше остальных своих детей, но любил издали, не приближаясь. Наблюдал, как она подрастает, как проявляются черты моего лица, как она становится взрослой. В тайне от всех я давал матери Гилоссы деньги, давал достаточно, но сейчас мне кажется, как же этого было мало. Разве дело только в деньгах?

Барон Кресле замолчал.

Вы правы, барон. Когда это дело было именно в деньгах? Сейчас вы корите себя в том, что так и не нашли мужества признаться в отцовстве. Как вам, наверное, хотелось, когда вы наблюдали за своей дочерью издали, приблизиться к ней, обнять

её и всё рассказать.

Я ведь тоже могу упрекнуть себя в том, что не смог приехать парой дней раньше, и не предложил ружье в обмен на девушку, как оказалось, вашу дочь.

Конечно, вы бы не согласились, сочли смешным такой обмен, но мы могли бы договориться и по-другому. Глядишь, тогда бы им не было нужды встречаться тайно, ночью.

Но произошедшего не изменишь, и лучшее, что мы сможем теперь сделать, так это убить зверя. Убить хотя бы ради чужих детей, чтобы у их родителей не было того, что сейчас испытываете вы.

-Я не успокоюсь, пока не найду его, – продолжил Кресле, – сколько бы времени это не заняло.

Я тоже не успокоюсь, барон. До моей свадьбы ещё два месяца, и пусть всё это время я проведу в горах, я обязательно его найду. Найду ради людей, моих людей, что сидят сейчас в селах и боятся высунуть нос за их окраины. Найду, потому что именно в этом сейчас мой долг.

Я протянул барону ружье. Я и захватил его именно для этого, чтобы отдать. К дьяволу ружье нужно сейчас, когда девушка мертва, а мне самому оно никогда не нравилось.

Конечно, ружье не будет служить ему утешением, но, может быть, именно из него он убьёт зверя, что для него так важно.

Кресле взял подарок молча, понимая, что сейчас не время рассыпаться в благодарностях. Либо же говорить о том, что подарок дорог, а он не хочет чувствовать себя обязанным мне. Он только лишь кивнул головой, принимая подарок.

Мы встали лагерем в самых предгорьях, в замечательном дубровнике, где на краю поляны бил ключ с ледяной водой. Здесь и будет наш лагерь всё ближайшее время, потому что нет смысла лезть в горы верхом, они и пешком не слишком проходимы.

Первые дни прошли в напрасных поисках, попробуй, найди зверя там, где он чувствует твой запах за лигу, а ты даже не можешь обнаружить его следы.

Но он крутился где-то рядом, потому что по ночам тревожно бились в путах наши лошади, чувствуя запах волка. И лишь мой Ворон, выросший на свободе, в степях, где подобных тварей немерено, гневно храпел и ржал, требуя выпустить его на свободу.

Мы днями прочесывали заросли в надежде найти зверя, или хотя бы его логово, растянувшись цепью в пределах видимости, и держась по двое. Именно на этом настоял барон Кресле и снова в его словах был резон. Стояла редкостная жара, которая в густых зарослях чувствуется особенно сильно, от пота резало глаза, а

ноги гудели от усталости. Но мы ни разу не смогли увидеть его даже издали.

Несколько человек весь световой день сидели в засаде на высоких деревьях, скрывшись в их кронах, держа под рукой ружья.

Между дубравой, где мы расположилась лагерем и границей зарослей проходила узкая полоса земли, почти лишённой растительности и была легкая надежда на то, что стрелкам удастся увидеть зверя именно на ней.

Затем из имения Кресле привезли пару ягнят, которых мы использовали как приманку. Тщетно.

По вечерам мы обсуждали возможности поймать зверя в капкан, ловушку или заставить отведать его ядовитого мяса, а ночью опять просыпались от храпа и ржания рвущихся из пут лошадей. Он как будто бы издевался над нами.

Люди начали шептаться о том, что это не простой волк, а волк-оборотень, который может становиться невидимым.

Кресле зло фыркал, заявляя о том, что будь волк хоть трижды оборотнем, ему достаточно показаться на расстоянии выстрела, пусть даже и невидимым, он учует его носом и не промахнётся.

Одна ночь прошла спокойно, а на следующий день прискакали гонцы из деревни барона, рассказавшие о том, что есть ещё одна жертва, припозднившийся рыбак. Его нашли как и прочих, целого, не объеденного, только лишь с перерезанным горлом.

Когда в голову всё чаще начали приходить мысли о бесполезности наших поисков, мы повстречались, я и зверь.

Накануне вечером Шлон, наш всегдашний повар, пересолил кашу. Его друг, Нектор прокомментировал это тем, что Шлон, наконец, влюбился, что очень славно, поскольку ему давно хочется погулять на его свадьбе. Вот только непонятно в кого, мы здесь уже неделю, и за всё это время не видели ни одной женщины, задумчиво протянул Нектор. Никто его шутку не поддержал, слишком не до того было всем, чтобы шутить.

Утром мы завтракали остатками вчерашней пересоленой каши, и именно это привело меня к встрече со зверем.

Ещё вчера, за ужином, мы приняли решение сворачиваться, потому что в нашей охоте не было никаких перспектив, и этот день должен был стать последним в наших поисках.

За всё это время, проведённое здесь, мы не видели даже промелькнувшей тени звери, не нашли его логова, мы вообще ничего не нашли.

Вернее нашли, два чисто обглоданных человеческих скелета. Одного из них признали, по обрывкам одежды, по поясу и ножу, и

он оказался жителем Кривичей, пропавшим пару месяцев назад. Другой скелет так и остался неопознанным.

Следующий наш план был таким: где-нибудь поблизости от селений устроить засаду, где живцом был стать доброволец. На этом вчерне он и строился, наш план. Все подробности должны решиться на месте, и ещё предстояло решить главный вопрос – где его взять, добровольца. Никто из присутствующих желания не высказывал.

Мы с Кресле решили сообща сделать награду за смелость такой, чтобы кто-нибудь всё же счел возможным рискнуть.

Вот об этом я и думал, спускаясь на дно распадка, где весело журчал ручеёк, с пустой флягой в руке. День выдался особенно жарким, и вода в фляге после пересоленного завтрака кончилась на удивление быстро.

Я шел и улыбался, хотя ситуация к этому не слишком то и располагала. Просто я представил, что живец наш падет жертвой оборотня, и размер следующей награды придется значительно увеличить. Пара таких попыток и случится одно из двух: либо закончатся желающие рискнуть, либо у нас с Кресле не хватит денег. Любая ситуация становится смешной, если довести её до абсурда.

Всё так же улыбаясь, я наполнил флягу водой из ручья и уже представил, ка холодная вкусная вода скользит внутрь меня, когда поднял взгляд и увидел зверя.

Это действительно был волк, и он был не просто большим, он был огромным.

Очень светлая шкура и седина. Зрение обострилось до такой степени, что я мог свободно рассмотреть все волоски на его морде.

Верхняя губа зверя задралась, и показались клыки, на удивление белоснежные. Но не цвет клыков поразил меня, а их величина. Не может быть у волков, пусть и громадных размеров, клыки такой неимоверной длины.

Я стоял полусогнувшись, чувствуя, как закаменело тело, и рассматривал его, как будто пытаясь запомнить на всю оставшуюся жизнь.

Волк зарычал, и шерсть на его загривке поднялась дыбом. Рычал он тихо, но мне казалось, что его рык пробирает меня до самых отдалённых уголков.

Я стоял, понимая, что нож, висевший на поясе, не поможет, пистолет я не успею выхватить, а если и успею, то мне не хватит времени взвести курок.

Прошка дожидался наверху, и единственная моя надежда, похожее на рогатину короткое копье, было прислонено к

небольшому деревцу в паре метров сзади от меня. И ещё я понимал, что волк сейчас прыгнет.

По груди его забугрились мышцы, всё, сейчас будет прыжок, а мое тело по-прежнему как будто чужое, и налитое свинцом. И вот тогда мне почему-то вспомнился Годим, старик, с которым я когда-то встретился по пути в Дрондер. И то, чему он учил меня тогда, буквально за несколько минут до своей смерти.

Я зарычал нутром, бросаясь спиной к рогатине, прислоненной к дереву. Перед тем как упасть на землю, мне нужно было успеть схватить её, упереть древком в землю, и развернуть лезвие так, чтобы оно могло пройти сквозь ребра прыгнувшего на меня хищника.

Затем было бледное лицо Прошки, его вопросы ко мне, смысл которых я никак не мог понять. Потом появились остальные. Они о чём-то громко говорили, даже спорили.

Ещё потом я долго сидел в одиночестве, попросив никому ко мне не подходить. Очень не хотелось, чтобы они видели, как у меня дрожат руки.

Страха уже не было, но его взгляд…

Он был каким-то разумным, не было в нём тупой ярости или ещё чего-то, что должно было быть во взгляде зверя. Скорее насмешка. А может быть, мне тогда всё показалось.

Он действительно был огромен, этот волк. Его даже не стали волочить наверх, настолько он был неподъёмен, ободрав шкуру у ручья.

И я не стал делать из него чучело, хотя мне сказали, что именно так он будет смотреться наиболее впечатляюще. Шкуру выделали, оставив торчать клыки из пасти, и я постелил её в кабинете своего столичного дома перед камином.

Яна, время от времени бывавшая у меня в гостях, проходила мимо неё с лёгкой опаской. Потом мне удалось уговорить Яну на то, что я давно уже представил в мечтах, и выражение глаз её, при взгляде на шкуру, изменилось.

Взамен я получил известие о том, что отныне являюсь обладателем самого страшного секрета Империи, поскольку девушки её происхождения и её положения, на полу, на волчьей шкуре…

Я поведал своему собеседнику эту охотничью историю, сократив кое-какие детали, его не касающиеся, и напрямую к истории не относящиеся.

Во-первых, она, на мой взгляд, была достаточна интересна. Во-вторых от того же Иджина я слышал о водящихся на территории Скардара гигантских волках, по описанию очень похожих на убитого нами. Ну и в третьих, мне до чертиков

надоели его ненавязчивые вопросы, и чтобы избавиться от них, пришлось делать так, чтобы он слушал, не перебивая.

Затем в голову пришла другая мысль: что-то не на шутку я распустил язык, никогда раньше за собой такую словоохотливость не замечал. Что-то тут было не так. Вряд ли у них имеется что-то вроде скополамина, пентотала или любой другой разновидности 'сыворотки правды', но чем иначе я могу объяснить своё поведение? И как бы я его мог принять внутрь?

Разве что, общаясь с девушками, я выпил один бокал вина и пригубил из другого. Да и в компании дир Мессу позволил себе немного ещё.

Или сами девушки на меня так подействовали? В любом случае, где-то я слышал, для того чтобы преодолеть действие такого препарата как раз и необходимо говорить, говорить много и не по существу. Так что шутка 'молчал как Штирлиц на допросе', оказалась не про меня. Нет, наверное, это всё же заслуга девушек, они были такие миленькие, а я так давно не общался с девушками.

В общем, настроение у меня было довольно игривое, не смотря на то, что дир Мессу при Минуре несомненно является чем-то вроде начальника Тайной стражи, уж больно повадки у них одинаковы, если судить по Империи.

Да и чего собственно беспокоиться, как будто бы причин нет.

Если бы меня ждали какие-то неприятности, три к одному, что они бы уже произошли.

То, что предстояла встреча с местным фюрером, а именно так я назвал правителя Скардара после рассказа Иджина о любви Минура к долгим речам, тоже особенного беспокойства не вызывало. Да и интерес Минура ко мне понятен, ему непременно донесли обо мне все, что успели узнать.

Не знаю, насколько рассказанная мною история показалась интересной дир Мессу, по его лицу вообще трудно что-то понять, но сразу по её окончанию мы и отправились на встречу к отцу Диамуна. Правда и здесь по-простому всё не обошлось.

Когда мы прошли некоторое расстояние по широкому дворцовому коридору, ограниченному с обеих сторон фигурами рыцарей в полных доспехах, опирающихся на длинные двуручные мечи, дир Мессу внезапно хлопнул себя по лбу.

Затем сославшись на страшную забывчивость, связанную с многочисленными делами, он извинился и заявил, что этим путем покоев Ондириера мы не достигнем. Впереди ведутся ремонтные работы, и нам следует пойти в обход.

Обходной путь проходил через подземелье, мрачное, освещенное немногочисленными факелами и украшенное

многочисленными решетками. Пару раз мне даже послышались жуткие стоны, доносящиеся как будто бы сквозь каменные стены.

Впрочем и это настроение мне не испортило, ведь для того чтобы заманить в узилища дворца, вовсе не требовался такой сложный алгоритм действий и событий. Для того чтобы я здесь оказался, достаточно было вызвать дежурный наряд стражи.

Затем мы поднялись на два уровня выше и оказались снова на поверхности.

После чего мне снова пришлось немного подождать, теперь уже у двери, за которой скрылся дир Мессу. Наконец он вышел и молча указал на нее, заходи.

Минур дир Сьенуоссо, властитель и Ондириер Скардара, на фюрера не был похож абсолютно. Он походил на внезапно состарившегося лет на двадцать-двадцать пять своего сына, Диамуна.

Разве что манера себя держать отличалась, да ещё глаза. Такие же тёмные как у сына, но выражение у них было совсем другое.

Человека, который привык, что подчиняются малейшему его слову, жесту. В остальном они были похожи, ростом, комплекцией, отсутствием усов и бороды на лице. Даже привычкой тянуть вверх правый уголок рта. Разве что волос на голове у него было ещё меньше чем у Диамуна, что в большинстве случаев говорит о хорошем мужском здоровье.

С взгляда он и начал.

О тонкостях этикета мне подробно поведал Иджин, и с этим ничего сложного не было. Тем более что представил меня дир Мессу и мне осталось только изящно отшаркать ногами, сделать руками сложное движение более присущее мастерам кунг-фу и на пару мгновений застыть в полупоклоне, прижав шляпу в груди.

А вот дальше. Не знаю, чего он хотел добиться, вперив свой тяжелый взгляд, но почувствовал я себя не очень уютно.

Ответить ему твердым своим, но это всегда вызов, и к чему мне это? Упереть взгляд в пол – не дождешься, пусть твои подданные этим занимаются.

В моем мире достаточно много несложных и общедоступных методик, весьма при этом эффективных, чтобы отразить такой взгляд и даже одержать победу.

Вот только передо мной был не тот человек, чтобы я мог ими воспользоваться, и мне срочно пришлось придумывать ещё одну. Получилось нечто среднее между тем, что хотел увидеть он и тем, чего желал я.

Но получилось. Вот только очень хотелось зевнуть, и, наверное, это было нервным. Потому что бравируй, не бравируй,

но ничего хорошего от этой встречи я не ждал.

Хотя буквально днём назад Иджин заявил мне, в полушутку в полувсерьёз, что для него обычно, что, не будь конфликта между мной и Диамуном, я вполне мог бы получить награду Скардара, того же Белого Волка. Белый Волк, объяснил мне Иджин, представляет собой семилучевую звезду немалой величины, выполненную из золота, в центре которой имеется изображение волчьей головы.

Бывает она трёх степеней и самой высшей считается, никогда бы не подумал, первая. Не надо мне никаких наград, да и на награждаемых таким взглядом не смотрят.

Немного помолчали, и я смог, наконец, разглядеть комнату, в которой оказался.

Скромная в размерах, скромно обставленная и явно не предназначенная для приёма высоких гостей. А вот спрятать в ней абсолютно незаметно нужное количество людей было проще простого.

Хотя бы за этой ширмой, или за той резной панелью, либо в темном углу у меня за спиной. Имелся и такой, хотя света в комнате хватало. Крутить головой было невежливо, но именно его отражение виднелось в стеклянных дверцах бюро. Видимо недоработка. Или наоборот, всё продумано до мелочей.

Наконец, дело дошло и до слов.

Поначалу разговор шёл ничего не значащий. Дир Сьенуоссо поинтересовался здоровьем Её Величества Янианны I, о чём я и сам горячо хотел знать. Затем были ещё вопросы, частью о людях, большинство из которых оказались мне знакомы, частью я услышал незнакомые мне имена.

Для меня было новостью узнать о поветрии моровой болезни, случившейся в провинции Караскер, к счастью не обернувшейся эпидемией.

Поговорили немного даже о моде. Светский разговор, не более того.

Затем снова помолчали, что дало мне возможность пригубить из бокала, стоявшего передо мной на столе.

После этого Минур коротко звякнул в колокольчик, призывая слугу, вполголоса отдал ему распоряжение, ни одного слова из которого я не понял, и вот тогда он заговорил о том, для чего меня, наверное, сюда и привели.

– Как вы считаете, господин де Койн, сможет ли Империя открыто выступить на стороне Скардара в войне с Изнердом?

-Нет, – сразу же оговорился он, – Империи вовсе не следует послать свой флот или даже часть его к берегам Скардара, этого не требуется. Но вот, допустим, отправить его к Менисуайским

островам, чтобы вернуть их.

Менисуайские острова ещё в ближайшей истории принадлежали Империи, являясь её единственной колонией, это я знал.

Потом случилось морское сражение, его так и называли – Менисуайским, с флотом Тетлиньера, государства, никогда не являющегося дружественной державой по отношению к Империи. В сражении этом победителя не оказалось, хотя каждая сторона настаивала на том, что именно она взяла верх.

Как бы там ни было, Империя лишилась своей единственной колонии, и такой товар как хлопок стал предметом экспорта. Говорят, раньше его хватало, имелись даже излишки, позволяющие им торговать.

Время от времени вопрос о возвращении Менисуайских островов вставал на самом высоком уровне. Находились люди, достаточное весомые в масштабах Империи, чтобы его поднять. Их позиция была понятна, слишком много они потеряли, когда это произошло.

Вот только что это даст Скардару?

Ответ Минура на мой невысказанный вопрос не заставил себя долго ждать.

– В морском порту Кенгуйо, расположенном на самом крупном острове Менисуайо, находится морская база Изнерда, единственная в тех краях. Если бы Империя вернула острова себе, Изнерд был бы вынужден увести свой флот.

Так вот, господин де Койн, могли бы вы мне пообещать уговорить Её Величество сделать такой шаг? Ведь это в наших общих интересах, – многозначительно добавил он.

-Кстати, через два дня в Империю, под охраной, отправляется торговый караван. Представляете, две, максимум три недели плавания при попутном ветре и вы дома.

Всё это хорошо и замечательно, в моих планах на будущее присутствует и хлопок, много хлопка, вот только существует одна немалая проблема. Тетлиньер давний союзник Трабона, королевства, имеющего с Империей общую границу. И Трабон вполне может ввязаться в эту войну.

В последние несколько лет только искусство имперских дипломатов удерживает Трабон от войны с Империей. Мир между двумя этими странами настолько хрупкий, что Трабону вполне хватит такой причины, чтобы разбить его даже не в осколки, в мелкую пыль. И тогда Империи придется вести войну сразу на два фронта. Возможно даже и на три, поскольку неизвестно, как поведет себя Изнерд.

И как вы себе это представляете, многоуважаемый господин

дир Сьенуоссо?

Я вернусь в Империю, мы сыграем свадьбу, и после этого заведу разговор о вашей просьбе. Скажу: такой хороший дядька, так мне помог, и ещё я ему обещал. И всего-то нужно развязать войну.

Дело даже не в том, что императрица не принимает таких решений самостоятельно. Не сомневаюсь, если этот вопрос снова всплывет, найдется много господ, двумя руками проголосующих за то, чтобы послать флот к островам.

Одни сделают это потому, что много потеряли, другие наоборот, потому что много приобрели, и я так думаю, что не без вашей помощи, конечно же, как вас там, Ондириер. Вполне возможно, что в этой ситуации мнение императрицы, навязанное ей мною, будет решающим.

Империя – держава могущественная, и ей оккупация территорий не грозит в любом случае.

Возможно, Империи потерпит поражение в этой войне, и ей придется уступить часть своей земли. Но возможно и такое, что она сможет победить. Пусть её морской флот и не самый могучий в этом мире, но её сухопутные войска…

Вот только зачем всё это нужно? Нет, только не сейчас. Пять лет мира, всего пять лет. Может быть чуть больше. Или даже меньше.

В вашем мире ещё не нашлось человека, который сказал, что есть только два союзника, это армия и флот державы? Пусть эти слова были сказаны о моей родине, вот только родина у меня сейчас другая. И именно у неё только эти два союзника, а остальные так, к месту, по интересам.

Мне должно хватить пять лет, по крайней мере, на первые два этапа, задуманные мною. А всего их четыре. И первым этапом будет серьезная модификация того оружия, что имперская армия имеет сейчас.

Эти нововведения так просты и так эффективны, что я даже своих людей не могу пока вооружить так, как могу. Потому что возможна утечка, а мне нужно время на то, чтобы подготовиться.

И тогда и врагам Империи, и её друзьям останется только догонять. Догонять и не угнаться.

Да, я старательно не лезу в политику, и не лез бы дальше, если бы не одно. Женщина, которую я люблю – не дочь мелкого барона, седоусого капитана корабля или даже графа. И все её заботы, печали и тревоги – это и моя боль и печаль.

И мне нужно всего пять лет мира. Нужно именно мне, как бы глупо это не звучало сейчас. И я сказал:

– Нет, этого я делать не буду.

Ну что заставило тебя это произнести? Ты можешь наобещать всё, что угодно, всё. Взамен через два дня ты окажешься на борту корабля следующего в имперский порт. И через каких-то две недели при попутном ветре…

Возможно, ты больше никогда в жизни не встретишь этого человека. Но, даже если это и произойдет, тебе достаточно будет произнести всего четыре слова – 'у меня не получилось'. Ну и что заставило тебя произнести эту фразу?

Ведь вполне возможно и такое, что все события, о которых говорил Минур, произойдут и без того, что ты примешь в них участие.

Если Минур и испытал разочарование, на лице его ничего не отразилось.

– Это ваше окончательное решение, господин де Койн?

С самым решительным видом я кивнул головой. Решение окончательное, окончательней некуда. Мне не хочется быть пешкой в чужой игре, а сейчас получается именно так.

-Жаль, очень жаль, – сожаление в его голосе было искренним. – Почему то я считал, что мы договоримся. Ну что ж, в этом случае мне не остаётся ничего, кроме того как попросить вас задержаться в Скардаре на ближайшие пару месяцев.

-То есть, вы меня арестовываете? –

Я постарался, чтобы мой голос был весь пропитан иронией. А что мне ещё оставалось?

-Ну что вы, что вы? Как я могу так поступить? Вы же не просто граф Артуа де Койн, вы человек, в котором императрица Янианна души не чает. Более того, я прекрасно осведомлён о том, что не случись того, что с вами произошло в последнее время, вы были бы уже связаны с Её Величеством узами священного брака. Но понимаете ли в чём дело…

Минур встал, заставив меня тоже подняться, прошелся по комнате, заложив обе руки за спину. Прошёлся раз, другой, затем внезапно остановился и посмотрел мне в глаза.

Для этого ему не пришлось опускать или поднимать взгляда, мы были одного роста.

-Вы, господин де Койн, считаете, после того что произошло между вами и моим сыном, я могу оставить всё как есть? После того, как вы оскорбили его, пусть на ваш взгляд и по делу? Моего Диамуна, единственного сына и наследника? Причём отклонив единственную возможность исправить положение?

Нет, господин де Койн, так не бывает. Вам придется задержаться в Скардаре на ближайшие пару месяцев, хотите вы того или нет. Вероятно, вы задаётесь вопросом, зачем мне это нужно? Так вот, позвольте мне не отвечать. Считайте, что просто

мне так захотелось. Конечно, я понимаю, что это событие может вызвать возможные осложнения в отношениях между Скардаром и Империей. Но только возможные.

Вот вы утверждаете, что являетесь господином де Койном, возлюбленным императрицы и её женихом. Где гарантия, что вы не самозванец? Кто может подтвердить сам факт того, что именно вы де Койн? Ваш слуга? Очень важное свидетельство, не отрицаю, свидетельство, которому поверят все.

И почему вам взбрело в голову, что это не вы всего лишь час назад устроили пьяную резню в борделе, убив при этом бедную девушку, которую только тяжелая болезнь матери заставила пойти работать в этот вертеп? Не менее десятка свидетелей натаивают именно на том, что девушку убили вы. Или будут настаивать, если вам угодно.

И наконец, вы спешно покинули Империю чуть ли не накануне свадьбы. Вероятно, неотложные дела заставили вас так сделать. А может быть, вы совершили нечто такое, после чего просто вынуждены были сбежать из Империи?

Скардар всегда был дружественным по отношению к Империи. И потому мы доставим вас как преступника, в кандалах. Когда всё выяснится, мы принесём свои извинения за столь нелепую ошибку, и даже накажем людей, повинных в этом.

Минур замолчал на миг, отдыхая после своей проникновенной речи, затем продолжил:

– Согласитесь, любой из этих вариантов не сулит вам ничего хорошего, но их ведь ещё можно и объединить. Представляю, как будут рады ваши недоброжелатели, которых, как я знаю, в Империи у вас полно. И как трудно будет вам объясниться перед Её Величеством. Особенно за бедную девочку, убитую вами. И вот ещё что. Едва прибыв в Скардар, вы остановились в доме Пьетроссо, от которого за лигу пахнет заговором против меня.

-Это единственный дом в Скардаре, что предложил мне своё гостеприимство, – успел вставить я.

-Да что вы такое говорите? – изумился Минур. – Надо же так, именно этот дом является самым большим моим врагом. И как же всё совпало, просто невероятно!

Следующие слова он произносил ровным холодным тоном:

– Вы задержитесь в Скардаре на пару месяцев. Прежде всего, вы публично, я повторяю – публично извинитесь перед Диамуном, и, даже если он нанесёт вам пощечину, примите это как должное. Затем…

– Извините, господин Ондириер, но перед вашим сыном я извиняться не буду. Даже то, что Диамун ваш сын и наследник, не позволяет ему разрешать себе подобные выражения, и вы об этот

отлично понимаете. Вы можете обвинить меня в заговоре против вас, во всех нераскрытых в Аббидосе убийствах за последние полгода, ничего не изменится – извиняться я не буду.Прошу меня простить, но это будет так.

Самый тяжелый момент во всём нашем разговоре. Если сейчас Минур закусит узду и начнет настаивать на моих извинениях, это может далеко зайти, очень далеко.

Следующая минута была заполнена довольно тягостным молчанием Минура. Всё что хотел, я сказал, и остальное теперь зависело от реакции правителя Скардара.

Я даже не стал оглядываться по сторонам, присматривая вещи, что могут пригодиться в качестве оружия, если дело пойдёт совсем худо. Мои люди и так уже пострадали от того, что пошли за мной, а сколько их уже погибло… Так что самое время отвечать за всё самому.

Наконец Минур сказал:

– Мы ещё вернёмся к этому. Позже, но вернемся.

Следующая фраза Минура застала меня врасплох, я ожидал чего угодно, но только не её.

-Господин де Койн, вы не откажете мне в любезности составить компанию поужинать? Никак не могу отказаться от привычки есть перед сном.

Голос у него при этом звучал чуть ли не извинительно.

Нет, господин дир Сьенуоссо. После всего услышанного от вас, я решительно откажусь, хоть и голоден. По дороге в дом дир Пьетроссо загляну в какую-нибудь харчевню и поужинаю там. Не хочется в столь поздний приставать к слугам в доме Иджина с подобными просьбами.

Никаких особых яств на столе правителя Скардара не наблюдалось. Ни тебе паштета из соловьиных язычков, ни даже из голубиных почек. Холодная отварная телятина, нарезанная крупными ломтями, сыр, зелень, овощи, вино.

Колбаски, похожие на охотничьи, к которым, кстати, Минур даже не притронулся. Немного непонятной кашицы зеленого цвета в глубоком блюде, как оказалось, соуса, очень острого и непривычного на вкус.

За ужином скардарский Ондириер, как ни в чем не бывало, завёл следующий разговор. По его словам, мне не стоило скучать всё это время на берегу. Было бы весьма неплохо, если бы я на захваченном 'Буревестнике' присоединился к скардарскому флоту, которому в ближайшее время предстоит ряд морских сражений. Ещё лучше было бы, если на корабле будет развиваться имперский флаг.

Нет, отвечал я, у меня нет на это права. Да и зачем всё это

нужно? Ответа и здесь я снова не получил.

Не понимал я логики в словах и действиях правителя Скардара, а это случается, когда тебя играют втемную. Какой ему смысл задерживать меня здесь? По чьей либо просьбе? Но кто мог знать, что я окажусь именно в Скардаре? Что и кому это дает?

Когда я спросил, что помешает мне покинуть берега Скардара раньше установленного им срока, намекая на то, что попытаюсь сбежать, Минур ответил:

– Как это что? Ваше слово, де Койн, ваше честное слово. Насколько я знаю, в таких вопросах вы очень щепетильны.

Причем лицо у него приобрело удивлённое выражение.

И как всё это понимать?

Минур ел с аппетитом. Видимо, прислуживающие за столом люди отлично знали его вкусы, потому что он не давал им никаких указаний, поглощая то, что перед ним ставили.

Мне же поесть так и не удалось. Стоило только отправить в рот кусочек чего-либо, сразу следовал вопрос, на который обязательно нужно было отвечать. Не знаю, делал ли он это преднамеренно, но после пары таких действий я отказался от следующей попытки что-то проглотить и просто отхлебывал из кубка, наполненного напитком темного цвета, вкусом отдаленно напоминающего грушевый компот. Вопросы сразу же прекратились, и больше всего это походило на утонченное издевательство.

К дому Иджина я возвращался снова пешком, в сопровождении трех стражников, вооруженных короткими пиками. Настроение было препоганейшим, и почему-то больше всего на свете хотелось послушать музыку.

Нет, не ту, что сопровождала скромный ужин Минура.

А ту, на которой я вырос. И я шел, мыча себе под нос одну из этих мелодий. Иногда мычание переходило в слова песни. Сопровождающие меня стражники поглядывали с подозрением. Надо же, с виду абсолютно трезв, вот только мычит себе, добавляя слова на незнакомом языке. На вас мне тоже плевать, на вас, и на то, что вы обо мне думаете.

'…и я вернусь домой…' – шептал я себе под нос.

У меня теперь другой дом. В другой стране, в другом мире, под другими звездами. Но он у меня есть, и я обязательно в него вернусь.

Фред фер Груенуа ещё не спал. Не спали и Клемьер, и Иджин. Прошка вертелся неподалеку, со слоновьей грацией стараясь быть незамеченным.

Фред был в возбужденном состоянии.

-Я знаю, – махнул рукой в ответ на его сообщение о том, что

буквально на днях в Империю отправляется целая флотилия, и на одном из кораблей нам обязательно найдется место.

Знаю я об этой флотилии, вот только мне с ней не по пути.

Затем я сел писать письмо Яне. Письмо получилось длинным, и на это ушла почти целая ночь. Понятно, что письмо не единожды перлюстрируют и даже тщательно скопируют по его дороге в Империю, так что написать лишнего я позволить себе не мог. А сказать хотелось так много.

Понимаешь милая, я у тебя такой, какой есть. Но будешь ли ты любить меня, если я изменюсь и стану другим?

Глава 26 Её императорское величество

Утро началось так же, как и всё последнее время – с взгляда на пустующую половину постели. И она по-прежнему пустовала. Яна уже много раз представляла себе встречу с несостоявшимся мужем, как она будет смотреть, как себя будет вести, что говорить. Она устроит ему такой теплый и ласковый прием, что он надолго его запомнит.

'Если он еще жив, – мелькнула паническая мысль, – если он еще жив'.

Затем она вспомнила их встречу после его поездки на север, свою холодность, что чуть не кончилась для них разрывом. Да она была уверена в том, что про него наговорили, но всё же следовало дать ему шанс объясниться.

Потом была эта поездка на побережье, когда она молила всех известных ей богов, чтобы он не успел ещё уехать. И она вздрогнула, зябко передернув плечами, вспоминая, как тогда волновалась.

В общем, утро началось так же, как и всё последнее время.

Яна опустила ноги с постели, осторожно поставив их на пол. Обвела взглядом огромную спальню и прыснула от смеха, вспомнив, как он в ней заблудился. Заблудился в спальне! Какой же у него тогда был озадаченный голос!

Прыснула ещё раз, тут же схватившись за живот, в котором билась новая жизнь, напомнившая о себе очередным толчком.

Он был огромен, её живот. Доктора, слушавшие его через свои трубки, озадачено крякали и сообщали, что вполне возможно, у ее величества будут близнецы. И где он пропал, этот негодяй, сейчас, когда он особенно нужен?

Настроение опять испортилось, и она коротко звякнула в колокольчик, призывая служанок.

Сейчас их налетит целая куча, убеждающих в том, что она великолепно выглядит, и что все будет хорошо.

Затем весь день ей придется делать вид всезнающей, все понимающей и всемогущей императрицы, и вряд ли удастся хоть немного поплакать в укромном уголке. Да и где найдешь его во дворце, и кто её в нём оставит наедине?

Страшно, хотя все доктора в один голос уверяют, что все будет хорошо, и роды пройдут удачно. А до них осталось так мало сроку. И как бы соглашаясь с этим, в животе в очередной раз шевельнулся ребенок, её ребенок.

Как же он сейчас был нужен, Артуа! А его где-то носит. Была бы сейчас жива мама…

Она все понимала, и умела успокоить и приласкать. Отец всегда был суров, она даже побаивалась его немножко. И только после их смерти она поняла, что это была маска, маска, которую он вынужден был носить. Она и сама носит такую маску, носит с утра до вечера, и только с Артуа позволяла себе её снимать.

Яна почувствовала, как глаза её наполняются слезами. Артуа тоже умеет и пожалеть и приласкать. Да так, что иногда трудно понять, жива ли она ещё или уже нет. Это называется сладкой смертью, она знает.

Артуа. Первый раз, когда она его увидела, когда он вошел в бальную залу… Нет, первый раз был ещё раньше, и она говорила ему об этом. А он так и не спросил ни разу, когда же это произошло.

А как он на неё смотрел!

Она привыкла, что мужчины на неё обращают внимание, давно уже привыкла, но так смотрел только он. Такой интересный взгляд был у него, где восхищение перемешано с болью, такого она больше ни у кого не видела.

Сначала она даже не понимала, почему так, и только потом догадалась: так смотрят на то, чем восхищаются, но понимают, что получить не смогут никогда.

А как забавно он смущался после случая с Бобсом, собакой, которого он принял за чудовище, пытаясь спасти от него. Яна снова прыснула, чувствуя, как с ресниц слетели слезинки.

Перепады настроения в последнее время для нее стали обычны, как и тошнота, от которой один вид любого из блюд вызывал дурноту.

Дверь открылась, пропуская служанок. Все, нужно одевать маску, которую можно будет снять только вечером, перед сном, в постели, когда никто не сможет увидеть её слёз.

Сейчас начнется обычная рутина дел. И первым из них будет встреча с Кенгрифом Стоком, возглавляющим Тайную стражу. Сначала он сделает доклад о текущих делах, а в конце разговора извиняюще разведёт руками: нет, ваше величество, по-прежнему ничего не известно.

В конце длинного широкого коридора, заставленного с обеих сторон фигурами рыцарей в полных доспехах, показалась чья-то фигура, и у императрицы часто забилось сердце. Неужели это он, он всегда объявлялся внезапно после своих отлучек? А она в таком виде…

И пусть все вокруг говорят, что она по-прежнему прекрасна, но ведь зеркало-то не обманешь.

Нет, это не он, и как она могла ошибиться? Даже ничего общего нет.

Когда они обручились, Яна не носила кольцо с фениксом, он просил, чтобы пока никто не знал об их помолвке. И она надевала его на палец, чтобы полюбоваться целой Вселенной, заключенной в камне только тогда, когда никто не мог увидеть.

Такой забавный – подожди немного, пока я не стану очень влиятельным человеком в Империи. Как будто бы от этого много зависит.

Возможно, они бы всю жизнь так и оставались любовниками. Как поначалу все были против, когда она заявила о том, что сделала свой выбор, и никто не сможет повлиять на ее решение. Заявила в ответ на замечание герцога Ониойского, дяди, двоюродного брата мамы, сказавшего ей о том, что она слишком много внимания уделяет безвестному дворянину, да ещё и чужестранцу, намекая на их близкие отношения.

Мнение герцога значило всегда для неё очень много, после смерти папы и мамы, род герцога был чуть ли не единственным, на который она могла опереться. А от её рода, рода Кронделйлов, осталась только она одна. А сколько их, людей, спящих и видящих себя на ее троне?

Яна знала, что причиной смерти родителей была не вьенская лихорадка, их отравили и даже знала, куда ведут следы. Понимала и о то, что на месте Артуа должен быть представитель могущественного рода, имеющего в Империи

значительный вес. И как было тяжело выслушивать все это от герцога, настаивающего на том, что ей следует расстаться с Артуа.

Артуа, видя её состояние, и догадываясь о причинах, вел себя особенно нежно.

И его взгляд, в котором была боль, как будто в любой момент он ждал услышать что всё, им следует расстаться.

Затем был их обручение. Как она долго ждала его предложения, ждала, понимая, как много зависит не от неё. Он был таким робким, и все не решался его сделать.

Потом мнение герцога внезапно переменилось, хотя она так и не поняла, что стало причиной этого. Просто герцог перестал настаивать на том, чтобы они расстались.

Потом, потом был поездка Артуа на север, к вардам. Когда он уехал, Яна и поняла, что ждет от него ребенка. Это было так ново и непривычно. И с каким нетерпением она его ждала, чтобы сообщить эту весть!

Артуа блестяще справился с тем, что, в общем-то, должен был сделать герцог Иллойский, глава делегации. Герцог в своем письме так и написал, что в заключении мирного договора с вардами целиком заслуга барона де Койна. И это сделал человек,

о тщеславии которого в Империи ходили анекдоты!

Как раз в его отсутствие прибыл великий герцог Эйсен-Гермсайндра, и как много нового она узнала об Артуа. Того, о чем он ей никогда не рассказывал. И ещё он сказал о том, что обязан Артуа своей жизнью и своим счастьем. Герцог очень жалел, что не смог с ним встретиться.

Затем произошло то, после чего она чуть не потеряла Артуа навеки.

Яна снова вздрогнула, вспомнив, как увидела его лежащим на полу дворцовой залы с быстро расплывающимся вокруг него пятном крови. Его увезли, а ей было так плохо, что она боялась потерять своего ребенка. Два дня она металась в бреду, и едва приходила в себя, спрашивала: как он? Ей говорили, что все хорошо, что он пошел на поправку. Но она-то понимала, что сейчас, в её состоянии, никто не станет сообщать ей страшную весть.

Затем она сразу поехала в его дом, но Артуа уже не было. И если бы она опоздала хоть на день, отправившись разыскивать его…

Когда они всё же встретились, он сделал шаг ей навстречу, но затем застыл, и лицо его было такое холодное, как будто бы каменное. Потом был трудный разговор, а потом все стало так замечательно.

И ее императорское величество Янианна I всхлипнула, едва удерживая смех, вспоминая выражение его лица, когда он забрался с букетом необычных, но таких красивых цветов, через окно в комнату, где она спала. Какое растерянное у него было лицо, когда он обнаружил комнату пустой! Она смотрела на него, спрятавшись за занавеску, и не смогла удержать смех.

Вот и кабинет. Все, сейчас придет граф Кенриф Сток с еженедельным докладом. Затем отчет департамента финансов. Обед, после которого ей удастся немного отдохнуть. И в самом конце дня предстоит очередная встреча с Биндюсом Мейнтом, послом трабонского короля Готома.

Крайне неприятный человек, в последнее время ведущий себя всё более вызывающе. Понятно, что так он ведет по указанию своего короля.

А разговор опять пойдет о западной провинции Империи Сверендер. С Трабоном давно уже устоявшиеся границы, и откуда они извлекли на свет эту бумагу?

Посол Готома в последнее время перешел чуть ли не к прямым угрозам. У Трабона сильная армия, кто же спорит. И Империя сейчас не готова к войне, для нее не самое подходящее время. Да и отец всегда говорил, что даже самый шаткий мир все

же лучше, чем война.

Так что придется весь день носить на лице эту маску, ведь нельзя проявлять ни малейших признаков слабости, ведь и внутри Империи врагов тоже хватает.

Яниана вспомнила, что она чувствовала, когда до свадьбы оставались считанные дни, а его все не было. Не выдержав, приказала доставить для разговора барона Коллайна, одного из людей Артуа. С ним она была уже знакома, именно он предположил, где мог скрываться Артуа после их размолвки.

И опять она узнала о нем много нового. Барон уверил её в том, что в пропаже Артуа виноваты какие-то непреодолимые обстоятельства. В этом они согласились оба, Артуа притягивает к себе проблемы как магнит. Ну хотя бы весточку мог прислать, ведь он должен понимать, как она переживает.

Кто бы только знал, как она устала изображать всесильную и всемогущую императрицу. Как хочется прижаться к его груди, и на миг почувствовать себя маленькой слабой девочкой.

Дверь кабинета распахнулась, пропуская главу Тайной стражи.

-Здравствуйте, господин граф. Проходите и присаживайтесь. У нас с вами не так много времени.

Глава 27 Эй, моряк…

-Эй, моряк, ты слишком долго плавал.

Я тебя успела позабыть… – крутились в голове слова из песни, считающейся первым отечественным рок-н-роллом. Я стоял на мостике 'Буревестника', переименованного Фредом в очередную 'Мелиссу'.

После моего разговора с Минуром дир Сьенуоссо, правителем Скардара прошел месяц. За это время мне не пришлось увидеть ни самого правителя, ни его сына, Диамуна. Нельзя сказать, что это обстоятельство печалило меня хоть сколько-нибудь. Я был бы рад вообще никогда в жизни их не повстречать, ни одного, ни второго.

Мне всё же пришлось дать Минуру слово, что я останусь, останусь в Скардаре. Хотя меньше всего мне хотелось именно этого. Взамен я получил корабль, на палубе которого сейчас и находился, и разрешение самому набрать экипаж.

Корабли в Империю ушли уже давно, через три дня после нашего разговора с Ондириером и по времени они должны были прибыть.

На борту одного из них была Мириам, и девчонка, что звали Гиссой. С ними отплыл и Чонк. Чонк был матросом на той 'Мелиссе' Фреда, что повстречалась мне ещё в Агуайло. Он пострадал при абордаже 'Интбугера', оставшись без правой руки почти по локоть. Тяжело мужчине в самом расцвете сил остаться калекой, особенно если единственной твоей профессией, является профессия моряка, да ещё и в эти времена.

Но ничего, парень, доберёшься в Гроугент, встретишься с Герентом, ведущим все мои дела и передашь ему письмо. В нем всё подробно описано, и насчет твоей дальнейшей судьбы, и относительно судьбы двух этих девчонок.

Твоя основная задача сейчас состоит в том, чтобы приглядеть за ними во время плавания в Империю. А там…

А там всё у вас будет хорошо. С капитаном корабля я переговорил лично, золота он получил достаточно, но ты всё равно приглядывай, головой за обеих отвечаешь. Чонк в ответ кивал головой: все, мол, и так яснее некуда, и лишние слова ни к чему. Согласен, но чтобы как зеницу ока!..

Теперь ты, Мириам. Я очень надеюсь, что все твои неприятности уже позади и впереди у тебя будет всё хорошо и отлично. Когда прибудете, вас увезут в столицу, Дрондер. Жить будете в моём столичном доме, и занятие вам найдётся. Знаешь, какой он красивый, мой столичный дом?

Ты даже представить себе не можешь, насколько. Вот в нём и будете жить, дожидаясь нас с Прошкой. Мы здесь тоже долго не задержимся, чтобы он себе не напридумывал, местный сатрап.

Вернемся с Прошкой, сыграем вашу свадьбу, но жить в моём доме будете, никуда вас не отпущу, сразу предупреждаю. Нарожаешь ему кучу детишек. Сынков, таких же дылд бестолковых как он, и дочек, умненьких и симпатичных как сама. Заслужила ты тот кусочек счастья, что каждому человеку положен, да не всем достаётся.

Так, я же обещал Прошку бароном сделать… Ладно, после возвращения разберёмся. Всё, всё, давай я тебе слёзы вытру и в щёку поцелую. Попрощайся с Прошкой и на борт пора, корабль скоро отходит.

Мы стояли и смотрели вслед уходящим кораблям, идущим туда, где больше всего на свете хотелось оказаться.

Прошка, с глазами пса, ни за что обиженного всегда таким добрым хозяином, так он переживал расставание с Мириам. Фред с Клемьером, обсуждающие парусное вооружение корабля, увёзшего нашу надежду на скорое возвращение. Гриттер, стоявший на одной ноге, и опирающийся на костыль. Такой молчаливый в последнее время Оливер Гентье, недавно потерявший брата. Бронс, не получивший во время абордажа ни царапины, хотя всё время был впереди всех. И Трендир. Трендиру в самом начале боя крепко досталось от кого-то из табрисцев по голове. Он пришёл в сознание уже после того, как на 'Интбугер' высадилась помощь с 'Четвёртого сына'.

И это было всё.

Первые несколько дней после ухода кораблей, дома Иджина я не покидал, для экскурсий по столице Скардара не было настроения. Была и другая причина, локоть. Лекарь исправно продолжал навещать меня с очередной порцией бальзама в сопровождении всё того же помощника-юнца. Каждый его визит я ждал с неизбежностью узника, к которому каждый день приходит палач, чтобы устроить очередную пытку. А вечером меня ждала очередная экзекуция с мазью, которую я устраивал себе сам. Наконец, на четвертый день, когда я успел обнажить локоть и вставить зубы в уже образованные ими в нижней губе ямки, он заявил: все.

Взяв меня за кисть, будто здороваясь и попросив расслабить руку, он резко дёрнул её на себя. Уже с раскрытым для крика ртом я сообразил, что нет её, боли.

Всё ещё не веря, я несколько раз согнул, разогнул руку в локте, нанес несколько ударов в воздух, затем выполнил подобие выпада.

– Сколько? – спросил я у лекаря, и получил в ответ не самый дружелюбный взгляд.

Да ладно дедуль, сейчас я полностью приду в себя, и тогда уже отблагодарю как положено. Принесу свои извинения, что не верил, что сомневался в твоем искусстве врачевателя. А тебе юнец, я всё же бальзамом кое-где помажу, как и обещал. Потому что только твоему учителю позволено смотреть на меня так, как ему захочется.

Ему сейчас многое позволяется, даже обругать, если такое желание возникнет.

Кто бы знал, как я сомневался в его умении. В том, что вообще возможно вылечить руку без всяких последствий.

А теперь… и я с удовольствием крутил рукой в локте, сгибал её, разгибал…

Затем выпытал у лекаря размер гонорара, удвоил его, расплатился и проводил до ворот, беспрестанно благодаря и делая комплименты его таланту.

Видимо даже перестарался, потому что Мидус вздохнул с облегчением, когда мы, наконец, расстались.

Деньги у меня были. Пусть я и не получил на грудь собачьей головы, или какой-либо другой награды, но денежный приз за захват 'Буревестника' нам выплатили, и он оказался довольно внушительным.

И я, наконец, смог расплатиться со своими людьми. И даже не стал экономить на том, что людей почти не осталось. Посчитал сумму, что я был бы должен выплатить, вернись мы в Империю в полном составе, и разделил её на количество оставшихся в живых. Так, по-моему, было справедливо.

После ухода лекаря я разыскал Иджина, склонившегося над толстенным фолиантом и предложил ему сразиться в учебном бою. Настроение было прекрасным, вот уж воистину говорят, что главное – это здоровье, а остальное сложится само собой.

Иджин охотно откликнулся на мою просьбу. Но даже то, что я проиграл ему три схватки из пяти, настроение нисколько не испортило. Не то чтобы он был искуснее меня в фехтовании, просто я всё время ждал подвоха от своей правой руки. Ждал, как оказалось, напрасно.

В это время из прогулки по городу вернулся Фред, и на лице его явно читалась какая-то забота.

Когда я узнал причину, настроение испортилось мгновенно – Фреда спровоцировали на дуэль. Причем спровоцировали грубо, сильно толкнув в плечо, когда они вдвоём со сти Молеуеном выходили из какого-то третьеразрядного кабака, куда они заскочили на минутку в надежде выпить по случаю небывалой

жары чего-нибудь холодненького.

Когда я предлагал Фреду уплыть в Империю на одном корабле с Мириам, он попытался отшутиться:

-Давай представим следующую картину, Артуа. Когда ты будешь представлять меня Её величеству – ты не забыл ещё о своём обещании? – что ты скажешь императрице? Это тот человек, который бросил тебя в тяжёлую минуту?

Конечно, логика в его словах была, но… Но последствия того, что он останется вместе со мной, нетрудно было себе представить. Можно не сомневаться, что в отношении моей персоны, Минур дал соответствующие указания. Но что касается моего окружения…

Также не сомневаюсь, что и сам фер Груенуа отлично понимал создавшуюся ситуацию. И я даже не стал настаивать, потому что делая это, ты ставишь под сомнения его честь. Все мы заложники обстоятельств, и сейчас они сложились именно такими.

Дуэль фер Груенуа выиграл, причем выиграл блестяще, немало поиздевавшись над человеком, бросившим ему вызов и получив взамен лишь царапину на правой руке.

И я, несмотря на все его возражения, старательно перебинтовал ему руку, перед следующим нашим выходом в Аббидос. Причем сделал это так, что вся кисть правой руки оказалась под толстым слоем бинтом.

Господа, если у вас возникнут какие-либо вопросы, адресуйте их сразу ко мне. Потому что мой спутник не в состоянии ответить на них сейчас.

Сидеть же безвылазно в доме дир Пьетроссо, это тоже давать повод для всяких гнусных выводов, и мы вам его не дадим.

Еще была проблема с Клемьером, но мне легко удалось убедить его в необходимости пока не покидать гостеприимный дом Иджина. Сти Молеуен легко пошел на это, не хуже других понимая, что как боец он не очень, и это ещё мягко сказано. Редко когда у человека бывает множество талантов, о себе не говорю. Но в моем случае всё с лихвой перекрывается недостатком мозгов.

Затем мне ненавязчиво дали понять, что 'Интбугер', в скором времени 'Мелисса', должен войти в состав скардарской эскадры, и мое присутствие на его борту необходимо. Начались заботы другого плана, и прежде всего, встал вопрос с экипажем корабля.

В разговоре с Минуром я настоял на том, что наберу его сам. До конца не отдаю себе отчет, что мною тогда двигало, но почему-то казалось, так будет лучше.

И нужно нам было не менее трехсот человек. Служить

матросом в те времена на военных кораблях всегда было не сахар, и в этом мире ситуация сложилась точно такая же. И методы были примерно одинаковыми: матросов вербовали, поили пьяными, чтобы увести на борт корабля. А на борту всё, есть капитан – первый после бога, и любое неповиновение каралось очень строго.

Да это был сброд, настоящий сброд, навербованный по кабакам. И, чтобы понять это, достаточно было одного взгляда. Но мы смогли найти их, найти достаточное количество человек, чтобы полностью составить экипаж корабля.

И снова мне здорово помог Гриттер. Уж не знаю, что он там пел, расхаживая на костыле по всем тавернам Аббидаса, но люди, после его рассказов, все подходили и подходили. Невероятно, думалось мне, что человек с такими задатками как он, занимает то место, которое сейчас занимает.

Конечно же, перебирать мне приходилось, но экипаж был укомплектован полностью. И самое приятное, командиром абордажной партии ко мне пришел Иджин дир Пьетроссо. Когда я спросил у него, как ему это удалось, он ответил:

-Ты знаешь, никаких проблем с этим не возникло.

И я сразу вспомнил слова Минура, наверное, все дело было именно в этом.

Иджин привел с собой полтора десятка человек. Среди них оказалось несколько тех, с кем мы и брали корабль. Остальные были офицерами, и, почти все, родственниками дир Пьетроссо. Именно в них мы больше всего и нуждались.

'Рассадник крамолы – думал я, глядя на них, вспоминая Минура и улыбаясь.

-Да и плевать. И Минуру удобно. Он, наверное, даже мечтает об этом: собрать всех своих врагов в одном месте. Удобнее будет прихлопнуть при нужде. И я весьма доволен'.

Сам же Иджин мотивировал свой поступок тем, что в моем обществе скучно ему не бывает.

Это уж точно, Иджин. Ты ещё не раз пожалеешь, что связался со мной, настолько тебе не будет скучно.

Первым долгом я отменил телесные наказания. Увидел, как одного из матросов наказывают линьками, подошел, отобрал их и выбросил за борт.

Нет, не от доброты своей душевной. Это как раз та категория людей, что любой добрый поступок воспринимает как слабость.

К тому времени мы уже вышли в море, и я приказал выстроить всех людей на шкафуте. Прошел вдоль строя, заглядывая в глаза…

Они были разными, эти люди, бородатыми мужиками в годах,

и совсем юнцами, на чьих лицах пробивался первый пушок. И смотрели они по-разному. Кто-то смотрел угрюмо, мол, лишь крайняя нужда заставила меня вступить на палубу этого корыта. Кто-то чуть ли не с вызовом, всяких за свою жизнь видывали.

Попадались и те, в чьих взглядах просматривался чуть ли не восторг. Это уже работа Гриттера, не знаю, что он им наплёл. И такие взгляды были у самых безусых. Эх, молодость, молодость. Вам бы ещё у мамкиной юбки сидеть, да девчонок лапать, чтобы замирало сердце да дух перехватывало от жажды ещё не изведанного, но уже такого желанного.

Прошелся перед строем, раскинувшемся от борта до борта в несколько шеренг, ещё раз, остановившись посередине.

– Наказание у нас будет только одно, – заявил я, выразительно посмотрев на рей, на ноке которого обычно и прилаживают верёвку с петлей, чтобы перекрыть доступ к кислороду. – И, очень надеюсь, что до этого дело не дойдет. А вот спокойной жизни не ждите, её не будет.

Не будет, потому что мы действительно должны стать экипажем, экипажем боевого корабля. Мы должны понять, что отныне наши жизни зависят друг от друга, и совершенно неважно, кто из нас чем занимается. Так что предстоит нам учиться, учиться долго и упорно. И запомните слова одного великого человека, их в этом мире ещё никто не произносил: тяжело в учении – легко в бою.

А самым страшным наказанием должна стать не петля, а то, что с этого корабля спишут на берег.

Вам же, господа офицеры, тоже необходимо понять. Это не их, это вас нужно наказывать линьками, если на вас смотрят неуважительно, что-то бурчат в ответ и не галопом отправляются выполнять распоряжения. Значит, вы делаете что-то не так, значит, вы не можете стать для этих людей авторитетом, и отсюда следует, что для кого-то первый поход на 'Мелиссе' так и останется единственным.

Учебные тревоги стали для экипажа такой же обыденной вещью, как сигнал на обед. Днем ли ночью, неважно. И приходилось появляться на мостике, обряженным в кирасу и шлем. Это было важно, люди должны были видеть, что учения обязательны для всех, невзирая на чины и лица. Что никто не спит, когда по кораблю объявлена учебная тревога, и когда остальные сломя голову несутся к положенным им постам.

Находились и те, кто роптали. Такие люди находятся всегда, даже когда всё хорошо и замечательно, такая уж натура у некоторых и никуда от этого не денешься. Но экипаж на глазах становился именно экипажем…

'Эй, моряк, ты слишком долго плавал…'.

Вот же привязалась, черт бы её побрал.

За кормой 'Мелиссы', в кильватере, следовал захваченный нами изнердийский корабль. Большой, пятидесяти четырёх пушечный корабль, который мы взяли на абордаж и вели теперь в Аббидос.

С этим нам повезло.

'Мелисса' шла под всеми парусами, стремясь как можно быстрее достичь эскадры Скардара, курсировавшей где-то у мыса Инстойл, что в южной части

Бирейского моря.

Среди офицеров 'Мелиссы' был один человек, Хойхо дир Моссо, как я понял, глаз Минура на корабле. Вопреки всем ожиданиям, дир Моссо оказался на редкость приятным типом. Он отличался редкостным чувством юмора, исправно тащил вахты и у Фреда, наконец, появился достойный соперник в игре, которую он привёз из дальних странствий.

На его вахте все и произошло. Был обед и только что подали первое блюдо, когда в кают-компанию вошел вестовой, который и сообщил, что господин дир Моссо просит господ офицеров подняться на мостик. Обед – это святое и дир Моссо не стал бы тревожить по пустякам, и потому мы спешно покинули кают-компанию, дружно оторвавшись от тарелок с супом, едва успев опустить в них ложки.

Парус. Марсовый сумел разглядеть слева почти на траверзе парус, скрывавшийся в полосе дождя. Шторм закончился пару дней назад, но море всё ещё не успело успокоиться, хотя стрелка на барометре упорно лезла вверх.

Мы впились подзорными трубами в пространство по левому борту. Сомнений быть не может, дир Моссо не ошибся, это – изнердиец, такой же одинокий, как и мы. Враг тоже видел нас и даже успел изменить курс, нацелясь носом на 'Мелиссу'. И теперь предстояло сделать выбор: принять бой или уходить, воспользовавшись тем, что наш корабль должен иметь преимущество в скорости.

Все смотрели на меня. Так, трехмачтовый двухпалубный корабль, несколько крупнее 'Мелиссы' в размерах. То, что он боевой, сомнений никаких нет. А значит, при таких размерах, он должен иметь преимущество в количестве орудий и в численности экипажа. Только что он здесь делает, в одиночестве? Ладно мы, у нас своя задача и свои обстоятельства.

Всё, решение необходимо принимать немедленно. Надо же с чего-то начинать, и чем он плох для начала, этот изнердиец?

Вот эти слова я и сказал Фреду, хлопнув его по плечу:

действуй.

Ветер, главное ветер, ветер – это всё. И Фред не подвел. Как же мне всё-таки везет, с людьми, что встречаются на моем пути.

После пары часов лавирований на границе досягаемости вражеских пушек, фер Груенуа смог вывести 'Мелиссу' с кормы противника. Залп левым бортом, к сожалению не совсем удачный, рулевое управление изнердийца не пострадало.

Еще пара часов работы для рулевых и матросов, находящихся на реях, и новый залп, на этот раз более удачный. 'Громовержец', а именно так перевел его название фер Груенуа, остался без пера руля. Еще час лавирования, когда мы неудачно подставились под залп противника, наделавший в парусах немало дыр. Наш ответный залп книппелями почти в упор, оставивший бизань противника без косых парусов, с помощью которых он пытался управляться. Короткое совещание, после которого решено было брать врага на абордаж. Дир Пьетроссо настаивал на этом, утверждая, что его команда подготовлена достаточно хорошо. Фер Груенуа тоже был за абордаж, а сти Молеуен, как обычно, принимал любое решение, всем своим видом показывая, что его дело – карты, лоции и астролябия. Решение было за мной, и на этот раз я хлопнул по плечу Иджина – действуй.

Правда, перед тем как фер Груенуа мастерски подвел нос 'Мелиссы' к корме вражеского корабля, были ещё залпы картечью обеими бортами по его палубе.

Слишком уж удачно всё складывалось, чтобы попытаться просто его утопить.

Прошку на абордаж я не отпустил. Мириам нужен не мертвый герой, а живой мужчина. Сам не пошел тоже, не тот случай.

Но справились и без нашей помощи.

После яростной получасовой атаки, экипаж 'Громовержца' сдался. Я хлопнул по плечу теперь уже снова фер Груенуа – иди, принимай капитуляцию – и спустился себе в каюту. Казалось бы, всё сложилось так удачно, мы сумели захватить корабль выше рангом, и 'Мелисса' при этом пострадала незначительно, а настроения не было совсем. Мне необходимо быть в Империи, Янианна должна уже родить по всем срокам, накопилось много неоплаченных долгов, с которыми самая пора рассчитываться, а я морским разбоем развлекаюсь.

Восторженный рев был слышен даже в каюте, ну что там еще? Бочки с вином обнаружили среди трофеев?

Так своего полно, и больше нормы никто не получит. Разве что двойную, в честь победы.

Дверь каюты распахнулась во всю ширь, и появился Иджин. И выражение лица у него было донельзя довольным.

'Маньяк адреналиновый', – подумал я, рассматривая улыбающегося Иджина.

На щеке глубокая царапина, кираса смята в нескольких местах, правая нога выше колена наспех обмотана платком с проступающей сквозь него кровью, а всё туда же. Доволен, как будто счастье свое на изнердийском корабле нашел, которое уже много лет ищет и уже не надеялся отыскать. И всё же, я ему немного завидовал. Это и называется счастьем, видеть его там, где другие даже внимания не обращают.

– Сколько человек полегло? – Спросил я у него, уже раскрывшего рот для того, чтобы произнести какую-то новость.

– Сорок шесть – ответил вместо дир Пьетроссо вошедший вслед за ним Фред.

Это же чуть ли не пятнадцать процентов экипажа получается, о раненных даже спрашивать не хочется. И это в первом бою!

Так, не буду своей кислой миной людям праздник портить, вон они как радуются.

– Говорите уж, – махнул я рукой, видя их нетерпение.

Золото. 'Громовержец' шел в сопровождении двух кораблей на соединение с изнердийской эскадрой, и последний шторм разбросал корабли. Увидев 'Мелиссу', изнердийцы не смогли преодолеть соблазна, слишком уже легкой добычей она им показалась.

Нет, трюмы 'Громовержца' не были забиты золотом, он вез некоторое количество на насущные нужды флота, провизию, ремонт, чтобы расплачиваться им в портах заходов. Еще он вез награды, награды изнердийским офицерам. Но и это было ещё не всё. Среди плененных оказался адмирал, шедший на 'Громовержце', чтобы вместо внезапно почившего в бозе прежнего командующего возглавить эскадру.

Ирония судьбы, мы ведь тоже шли на соединение, вот только что золота у нас нет, разве что люди.

Удачно. И главное, теперь не возникнет проблем с тем, чтобы пополнить экипаж.

Гриттеру теперь не будет необходимости заливаться соловьем, это успешно сделают за него матросы. А что, на провианте на 'Мелиссе' не экономят, бить не бьют, да ещё при удаче можно и золотом поживиться.

И пусть нашего всего четверть от добычи, остальное пойдет Скардару, но даже при таком раскладе получается вполне. Вот только погибших людей было жаль…

…-Эй, моряк, ты слишком долго плавал! – Вот же привязалась, якорь ей в клюз поперек штоком.

Я стоял на мостике и смотрел на расплывающиеся в сумерках

паруса 'Громовержца', следовавшего в кильватерной струе.

Глава 28 'Следую своим курсом'

-Мне бы хотелось, чтобы сначала свое мнение высказал господин де Койн.

Голос дир Митаисса, адмирала, командующего скардарским эскадрой, был наполнен усталостью, он был прямо пропитан ею. Наверное, даже слишком пропитан. Всё-таки в нем должна звучать уверенность в победе, как в предстоящем сражении, так и во всей войне в целом.

Но присутствующие в кают-компании флагманского корабля старшие офицеры эскадры не хуже дир Митаисса об истинном положении дел, так что лишняя бравада была ни к чему.

Скардар войну проигрывал. Проигрывал медленно, но неуклонно. И дело было не в сидящих здесь людях, в их бесталанности или в отсутствии должной степени мужества. Нет, как раз с этим всё было нормально.

Просто экономика Скардара давно переживала спад, и это отражалось на всем. Падало производство товаров, росли цены на продукты питания…

Военный флот, то, чем Скардар всегда гордился, стремительно ветшал.

Нет, время от времени со стапелей сходили новые корабли, но уже в ничтожном количестве, что погоды уже не делало. Ко всему прочему, Скардар – страна на три четверти гористая, и древесина дуба, необходимая для обшивки военных кораблей, давно уже стала предметом ввоза, потому что собственные дубовые рощи были изведены на нет.

И тех, что оставались, уже не хватало.

Торговый флот, а Скардар гордился им не меньше военного, вынужден был по большей части отстаиваться в портах.

И те редкие караваны, что ещё продолжали ходить, отправлялись под усиленной охраной боевых кораблей, отрывая тем самым так необходимые единицы от того, для чего собственно, они и были предназначены в первую очередь.

Словом, происходило всё то, что и происходит в подобной ситуации с любой другой страной, и ничего нового Скардар в этом плане не придумал.

А после того, как к Изнерду, вечному сопернику Скардара в могуществе на море присоединился Табриско, положение стало совсем уж угрожающим.

Винить во всем этом Минура, нынешнего правителя страны, было нельзя.

Спад в экономике страны начался ещё задолго до того, как он

пришел к власти. Вполне вероятно, что он хотел для свой страны всех благ, не могу себе представить человека, которому нужна власть ради власти. Хотя, говорят, бывают и такие. Власть в кризисные времена должна быть жесткой, возможно даже жестокой, иначе не поможет ничто.

Можно судить и по истории моей родины. В разные времена были разные правители. Кто-то не сумел отметиться ничем, кто-то не оставил в памяти последующих поколений ничего, кроме исторических анекдотов. Но были и другие. И не важно, как их называют теперь, Грозным, Великим или даже Палачом, все они смогли добиться того, что страна поднималась до уровня мировых держав. И происходило это за тот краткий период, что установлен природой – одна человеческая жизнь.

Минуру, кроме тяжелой ситуации в стране, не повезло ещё и с другим: Скардар – это не та страна, где привыкли, что ей единовластно управляет один человек. Исторически так сложилось, что управлением в Скардаре всегда занимался круг людей, входивших в совет, вече, президиум, палату общин, лордов… Да назови это как угодно, сущность от этого не изменится.

И все решения принимались ими коллегиально.

После того, как Минур взял власть единолично, он мог объявить себя кем угодно: императором, тенью Создателя на земле, кайзером или касиком, ничего бы этого не дало. Слишком много было людей, претендовавших на вновь образованный трон, и считавших, что занять они его имеют не меньшее право.

И принимаемые Минуром крайние меры роняли ему популярность, которой он и так не обладал. Возможно, всем претендентам на его место следовало плюнуть на старые распри, взаимные обиды и объединиться вокруг Минура.

Но этого не происходило, и в результате ситуация была такой, какой там её и имели…

Собрались же мы на борту 'Доблести Скардара', трехпалубного корабля, имевшего на своем борту восемьдесят четыре орудия, вот для чего.

Эскадра Скардара, курсировавшая вдоль берега, состояла из восьми кораблей класса 'Доблести Скардара' и четырнадцати тримур, имевших в среднем по сорок пушек на борту. Еще имелось семь коутнеров, которые можно было рассматривать только как вспомогательные корабли, поскольку серьезного веса в морском бою они иметь не будут.

По сути, это была сводная эскадра Скардара, собравшая в себе почти половину имеющихся в наличии кораблей. Лучших кораблей и наиболее боеспособных.

Шторм только что закончился и все мы ждали одного: из бухты, вход в которую можно было увидеть через зрительную трубу в том случае, если хорошенько приглядеться, в самом скором времени должны были показаться корабли Изнерда.

Сегодня мы их не ждали, завтра такое тоже было маловероятно, но решение нужно было принимать уже сейчас: принять бой или уходить к скардарским берегам Скардара. Положение усугублялось ещё и тем, что на соединение к изнердийской эскадре шло на соединение одиннадцать вымпелов. И ни один из этих вымпелов не нес корабль классом ниже скардарской тримуры.

Вероятно, Изнерд ждал их, не торопясь высовывать нос из бухты. А зачем? Вскоре придет подкрепление и тогда соотношение сил будет значительно благоприятнее.

Но и сейчас оно явно было не в нашу пользу. И если по численности кораблей Изнерду мы практически не уступали, то по количеству стволов – значительно.

Тринадцать трехдечных, восемнадцать фрегатов, парочка коутнеров и несколько посыльных кораблей, которых смело можно не принимать в расчет.

Тысячу триста семьдесят два наших орудия против тысячи восьмисот пятидесяти вражеских. Разница почти в пятьсот стволов. И это если ещё не принимать в расчет калибры.

Конечно, при подсчете изнердийских пушек была погрешность в паре десятков в любую сторону, но погоды это уже не делало…

Мы, 'Мелисса' и еще две тримуры прибыли к мысу Инстойл Бирейского моря ещё несколько дней назад. По пути нам встретился пакетбот, идущий в Скардар, который и подтвердил, что эскадра продолжает курсировать в указанном нам месте.

'Отчаянные парни', – думал я, глядя на скрывающийся в морской дали кораблик. – 'Восемь пушчонок, корыто шагов в пять шириной и всего-то преимущества, что неплохой ход. И не боятся же в одиночестве ходить там, где так легко встретить корабли противника'.

Как в воду посмотрел, подумав о легкой встрече.

Мы шли строем уступа, только что изменив курс поле приказа, поступившего с тримуры 'Четвертый Сын', несущей на гафеле вымпел флагмана. Замыкал строй 'Скардарский Лев', вышедший в море после ремонта в том сражении, в котором и мне недавно посчастливилось принять участие.

Дул свежий попутный норд-вест. Конечно, ветра в местной розе ветров имеют другие названия, но пользовался я теми, что мне были привычны. Наверное, с годами все будет иначе, но

сейчас это был именно норд-вест, и задувал он именно в спину.

'Слева полборта на горизонте паруса!' – крик впередсмотрящего застал меня, Иджина, Фреда, и Клемьера на мостике. С нами был и дир Хойхо дир Моссо, умудрившийся несколькими минутами ранее выиграть у Фреда в тримсбок, игру, в которой тот считал себя непревзойденным мастером. Надо сказать, сей факт весьма ранил самолюбие фер Груенуа, что отразилось на его лице.

Лицо его стало выглядеть ещё забавнее после вопроса Хойхо, который произнёс его с самым невинным выражением:

– Господин фер Груенуа, вы много путешествовали. Быть может, во время своих странствий вы познакомились ещё с какой-нибудь занятной игрой, поскольку я овладел тримсбоком достаточно хорошо для того чтобы понять, что соперников у меня уже нет?

Затем Хойхо сменил на своем лице невинность на задумчивость:

И вряд ли они появятся в ближайшие пару десятков лет.

Фред запыхтел, лихорадочно обдумывая достойный ответ.

Мы с Иджином только что закончили нашу ежедневную битву на абордажных саблях, и в этой войне у каждого из нас были свои счеты. Когда Иджину надоедало проигрывать на шпагах, он предлагал сразиться саблями. Я, в свою очередь, делал обратное, когда надоедало проигрывать мне.

И мы стояли, желая услышать ответные слова Фреда, после чего собираясь переменить одежду, насквозь пропитанную потом.

За игрой Хойхо и Фреда всегда было очень интересно наблюдать со стороны и вот почему. Во время партии оба они имели обыкновение обмениваться по отношению друг к другу репликами, иногда даже очень колкими. Думаю, что окажись на их месте два любых других человека и все партии заканчивались бы одинаково: вызовом и последующим звоном стали. Но в их случае такого не происходило, да и быть не могло. И потому их противостояние стало для нас не наскучивающим развлечением, позволяющие убить время на переходе к эскадре. Плелись даже изощрённые интриги, позволяющие устроить им очередную встречу за доской для игры в тримсбок. И когда, наконец, это происходило, в кают-компании собирались все свободные от вахт офицеры.

Причем являлись они как будто бы не для того, чтобы поприсутствовать на очередной дуэли колкостей, аллегорий и тонких намеков на ущербность оппонента в чем-либо. Нет, каждый из них появлялся в кают-компании как будто бы случайно, а затем под благовидным предлогом оставался.

И вот, когда мы все затаили дыхание в ожидании, а Фред уже открыл рот, чтобы озвучить свой ответ, с мачты и послышался крик матроса, увидевшего далёкие паруса.

Паруса могли принадлежать кому угодно, и потому колокол забил боевую тревогу. Затем в воздух взметнулись сигнальные флаги, предупреждавшие

'Четвертого Сына' и 'Скардарского Льва' о том, что они и сами вероятно уже успели заметить. И лица обоих сразу же изменились. Выражение лица фер Груенуа приобрели то, что и положено командиру боевого корабля, а Хойхо стал выглядеть человеком, которому можно доверить командование в случае гибели в бою командира корабля.

На дистанции что нас разделяла, понять можно было только то, что встреченных нами кораблей пять, а класс их примерно соответствует тримурам.

Шли они в бакштаг, вытянувшись в линию, и держа курс на зюйд.

'Так, – прикидывал я – их положение для нас благоприятное. Если это враг, достаточно будет взять четверть румба влево, и тогда получится пройти у них по корме. А вот им, чтобы лечь на более удобный курс относительно ветра, придется совершать сложные эволюции'.

Опасения вызывал только 'Скардарский Лев'. Он и раньше не отличался особой быстроходностью, а после наспех сделанного ремонта, ничего не приобрел, даже потерял.

Но это мои рассуждения, рассуждения дилетанта. А что скажет дир Гамески, возглавляющего нашу маленькую эскадру?

И я посмотрел на 'Четвертого Сына', что нес вымпел флагмана, желая увидеть на нем сигнал. Сигнала не было, и пока это означало только то, что ситуация не понятна. Вполне возможно здесь встретить и вражескую эскадру, и скардарские корабли. С вероятностью пятьдесят на пятьдесят, фифти-фифти, или полбочки на три ведра, усмехнулся я.

Мы продолжали следовать прежним курсом, все более сближаясь с ещё неопознанными кораблями.

-Изнерд! – произнесло сразу несколько голосов с самыми разними оттенками, от

констатации факта, до сдерживаемого волнения.

Сам теперь уже вижу, тоже мне новость. И я в очередной раз взглянул на 'Четвертого Сына', а Иджин с Фредом с каким-то непонятным ожиданием во взоре взглянули на меня.

'Ну и чего он медлит'?

Флагманский корабль по-прежнему не давал никаких сигналов.

Мне он нравился, дир Гамески, вот только на совещании перед выходом моря, давая указания, он почему-то все время поглядывал на меня. Как будто бы я должен был опровергнуть их, или внести какие-нибудь изменения.

Мне рассказывали, что матросы хвастают перед своими знакомыми тем, что они с 'Мелиссы'. Слышал и о том, что им как будто бы даже завидуют. Вот только я-то здесь причем? Собственно, от меня только и требуется, что с самым важным видом разгуливать по мостику, держа на лице мудрость. Остальное делают фер Груенуа, сти Молеуен. Да тот же Иджин, умудрившийся из всякого сброда сколотить такую абордажную команду, да ещё за такой малый срок, что просто диву даёшься.

И вообще, как хорошо не принимать решений, от которых всё зависит, а следовать тем, что приняты вместо тебя человеком, взявшим на себя ответственность, а затем ответившим за их последствия.

Всё, медлить больше нельзя, решение нужно принимать сейчас, потом будет поздно. Заодно удостоверюсь в том, что Иджин смотрел на меня не в надежде услышать свежий анекдот.

Я взглянул на мачты 'Четвертого Сына' чтобы в очередной раз убедиться в том, что там ничего не прибавилось, и бросил через плечо:

– 'Беру командование на себя', 'Построение в кильватер', 'Следуй за мной'.

Фер Груенуа отрепетовал команду сигнальщику и ещё до того, как флажки успели подняться на фалах до конца, на остальных кораблях взметнулись ответные, подтверждающие о том, что команда принята.

Вот так всегда и бывает, приходится делать то, что больше всего не хочется.

Корабли Изнерда взяли вправо, ровно столько, сколько позволил им ветер, не переставший быть нам попутным. Строй их распался, и уступом теперь шли они. Как же много все зависит от ветра, и как удачно, что сейчас он нам помощник, а не враг.

-Господин фер Груенуа. – подозвал я к себе Фреда.

Нужно было объяснить ему, чего я хочу, а вот выполнить мои соображения ему будет легче, факт неоспоримый.

Иджин метнулся с мостика на палубу, принявшись раздавать распоряжения своим орлам. Его люди засуетились, разбирая ружья. Ружья понадобятся, пули из них летят не на многим меньше чем ядра из пушек, а по дороге сюда парни сожгли бочки пороха, тренируясь. Я еще о расходе свинца не говорю.

Теперь мы шли строем кильватера: 'Мелисса', 'Четвертый Сын', а замыкал строй 'Скардарский Лев'.

Оглянувшись на 'Четвертого Сына', я обнаружил, что с его мачты исчез флагманский вымпел, а на 'Мелиссе' своего не было.

'Надо будет у них взаймы попросить', – усмехнулся я.

Мы шли, целясь в разрыв между вторым и третьим кораблем в строю Изнерда.

Перед самым сближением на дистанцию пушечного огня корабли Изнерда взяли влево, подставляя нам борта с многочисленными жерлами орудий.

Пора, и я отдал очередную команду.

Все три наших корабля тоже взяли левее, и 'Мелисса' устремилась между третьим и четвертым кораблем. Теперь 'Четвертый Сын' должен был пройти между четвертым и пятым изнердийцем, а 'Скардарский Лев' по корме замыкающего строй.

Ничего выдумать было не нужно, я просто скопировал действия адмирала дир Колиньессо, покоившегося сейчас на дне вместе со своим 'Гневом Мениоха'.

Только сейчас его место заняла 'Мелисса', а место 'Морского Воителя' – 'Скардарский Лев'.

Правда, тогда изнердийцев было семь, да и в абордаж нам ввязываться нежелательно. Так что сейчас у меня были другие планы.

С помощью Прошки я облачился в кирасу, не забыв надеть шлем. Слишком часто в последнее время достается по голове, да и к шлему привыкать нужно, и когда, если не сейчас?

Я застыл, глядя на приближающиеся корабли Изнерда.

'Только бы все удачно обошлось, только бы обошлось…'

Самым мудрым решением было бы уклониться от боя, пройти у вражеских кораблей по корме, и ветер этому благоприятствовал. Но тогда бы они непременно бросились бы в преследование, а оторваться мы не смогли бы, у 'Скардарского Льва' не тот ход.

И пришлось бы тащить их за собой до самого соединения со скардарским флотом, отбивая выпады. Потом бы нам помогли, или изнердийцы, увидев соотношение сил, ушли бы сами, превратившись из преследователей в убегающих.

И что подумали бы люди? Нет, они бы ничего не сказали, пять против трех – это серьезно, но что бы подумали?

'Только бы все обошлось'.

Вот борта изнердийских кораблей окутались дымом, затем послышался грохот от выстрелов…

Господи, это скоро станет привычным, стоять с несгибаемым видом, когда больше всего хотелось спрятаться от закрывающих собой полнеба летящих в тебя ядер. Казалось, что все они летят прямо в меня.

И какой музыкой послышался мне наш ответный залп, так бы

слушал её и слушал.

Одно из ядер угодило на мостик, сметя на своем ходу фальконетов у левого борта. Затем ядро ударилось о фальшборт, отскочило от него и подкатилось прямо под ноги.

'Хорошо не бомба, – подумал я, катая его ногой – судя по весу сплошной чугун'.

Следующий наш залп, уже левым бортом. Залп получился настолько слитным, что корпус 'Мелиссы' заметно содрогнулся, и палуба попыталась выскользнуть из-под ног.

'Нужно послать людей в трюм, – мелькнула новая мысль. – Из-за сотрясения вполне возможно могла появиться течь'.

Я взглянул на Фреда, собираясь сказать ему об этом, но тот сообразил ещё раньше меня, уже отдав распоряжение.

'Мелисса' прошла строй изнердийцев, оставляя их по корме. Грохнули две ретирадные пушки, установленные на мостике, затем, с некоторым запозданием, выстрелила третья.

Так, вот и 'Четвёртый сын', и с первого взгляда сильных повреждений на нем не видно.

Следом показался 'Скардарский Лев'. Его свалило в сторону, неужели что-то с рулевым управлением? Нет, как будто бы нет. Он лишь довернул, чтобы разрядить орудия, установленные на корме.

Черт бы их побрал, они что, тремя орудиями изнердийца желают потопить?

Любое изменение курса – потеря хода, и только 'Мелисса' может себе это позволить. Для нас сейчас главное – уйти как можно дальше, чтобы успеть перезарядить орудия.

На одном из кораблей Изнерда, что шел замыкающим, показался дым, и он был не от пушечных выстрелов, черный и потянувшийся вверх.

Что там могло загореться? Совсем непонятно, и даже труба мне не помогла.

Мы прорвались. И прорвались удачно. Изнердиец, что шел в строю четвертым, получив с обоих бортов по залпу от 'Мелиссы' и 'Четвертого Сына', стремительно начал крениться на левый борт. Да и замыкающему строй досталось изрядно.

'Мелисса' убрала часть парусов, пропуская остальные корабли вперед. При нужде ей легко удастся набрать ход, настигнув, а затем и обогнав и 'Сына' и 'Льва'.

Ну а мы пока будем играть в догонялки, если изнердийцы попытаются преследовать нас. Будем прикрывать отход.

И не попытались даже. Трое из них легли в дрейф и только два пошли в нашу сторону, чтобы пресечь попытки добить тонущий корабль.

Да не очень то и нужно. Все что нам нужно – благополучно соединиться с эскадрой, потому что в её составе от нас будет значительно больше пользы. Больше чем в том случае, если мы все тут падем в неравном бою, прихватив с собой на тот свет равное, а то и большее количество изнердийцев.

Потому что у Скардара нет союзников, и каждый корабль у него на счету.

-Господин фер Груенуа. Существует возможность просемафорить им с расчётом на то, чтобы они нас поняли?

Тот, коротко посовещавшись с дир Моссо, утвердительно кивнул головой, да.

-Тогда будьте добры передать им: 'Следую своим курсом'.

Фред, на мгновенье задумавшись, улыбнулся, вторя Хойхо дир Моссо.

Вот и отлично, они меня поняли. Надеюсь, поймут и изнердийцы.

'Следую своим курсом' – это не потому что, мы, прорвав их строй, продолжаем им следовать. Нет, здесь дело в другом.

Это очень скорбное сообщение. Его вывешивают тогда, когда проходят мимо гибнущего корабля, но не могут ему помочь. Потому что задача, стоящая перед проходящим мимо несоизмеримо важнее. Это я и хотел сказать изнердийцам, мол, мы и рады вам помочь в спасении, но увы, дела, дела.

Пронзительно засвистела боцманская дудка и по вантам с обезьяньей ловкостью полезли матросы, пора было догонять свои корабли…

Через несколько дней мы благополучно соединились со скардарским флотом, переждали шторм, и вот теперь я стоял перед собравшимися на совещание офицерами в кают-компании 'Доблести Скардара'.

Обычно на совещаниях первым слово предоставляется самому младшему по чину среди присутствующих офицеров. Я таким себя не считал, да и не являлся им. Но думал я совсем о другом.

Слишком далеко всё это зашло, слишком далеко.

И теперь я не могу бросить все, и уйти. Пусть война и чужая, но мой уход уже можно будет считать дезертирством. Тем более в той ситуации, что сложилась в войне Скардара с Изнердом.

Я придумаю себе миллион оправданий, но каждый раз, услышав выражение – 'крысы бегут с тонущего корабля' – буду втягивать голову в плечи из-за боязни, что речь идет обо мне.

Вероятно, узнав о моем бегстве, кто-то сочтет такое решение мудрым, кто-то просто пожмет плечами, но именно те, чьим мнением я больше всего дорожу, подумают именно так.

Я взглянул на Иджина дир Пьетроссо, и тот едва заметно

кивнул головой – ничего не изменилось, Артуа.

Господа, я здесь не самый умный, наверняка вы об знаете о такой возможности и вероятно обсуждали то, что я вам сейчас предложу.

Но мой план уже полностью готов, и что самое главное, есть исполнители, исполнители, от которых зависит всё.

Пару дней назад, когда мы штормовали, и Фред услышал о нем, он только крякнул и посмотрел на меня, но не сказал ничего.

Я ещё раз обвел всех взглядом:

-Господа, я хочу предложить вам следующее…

Глава 29 Ночная атака

-Господин дир Пьетроссо, каким богам мне следует помолиться, чтобы ветер, наконец, подул в нужном нам направлении.

Иджин стоял рядом со мной на мостике 'Мелиссы', и также как и я каждые пару минут поглядывал на трепыхавшийся золотистый флаг с изображением вставшей на дыбы лошадки.

-Я уже сделал это, не пропустив никого, господин де Койн, – незамедлительно ответил он.

Нам очень было нужно, чтобы ветер поменял направление и подул в сторону берега, что стало бы одним из слагающих факторов удачного завершения дела.

Конечно, даже в том случае, если ничего не изменится, всё начнется этой ночью, откладывать больше нельзя. Главное, чтобы он не задул с берега.

Потому что в скором времени к Изнерду подойдет эскадра, и преимущества, которого у нас и так не было, полностью обратится в сторону врага.

Существовала дилемма, которую на совещании решить не удалось. Если бы мы снялись и пошли навстречу к подходившей изнердийской эскадре, основной флот вышел бы из бухты и последовал вслед за нами. Делить скардарский флот тоже было бы глупо. Любой его половиной мы не смогли бы запереть изнердийцев в бухте, равно как и победить флот, несущийся сейчас сюда на всех парусах.

Встретиться же к с объединенной эскадрой в открытом бою – отличная возможность пасть смертью храбрых всем сразу.

План, который я предложил, предварительно обсудив его в деталях с дир Пьетроссо, был прост как всё гениальное. Конечно же, не потому, что придумала его такая гениальная личность как я. Просто подобный случай был в моем мире, и вот он то и пришел мне в голову, когда я размышлял о создавшейся ситуации.

Изнердийский флот, спокойно стоявший на якорях в бухте, необходимо было сжечь. Сжечь и всё тут, и одной проблемой в этой войне станет меньше.

Корабли Изнерда как будто специально встали так, что загорись один из стоящих на внутреннем рейде гавани кораблей, пламя перекинется на соседний.

Не сомневаюсь в том, что изнердийцы предполагали о таком варианте развития событий. У входа в бухту на якорях стояли несколько трехпалубных кораблей, и любому входящему

предстояло пройти между их бортами. А если всё готово к залпу и остается лишь подать команду…

Но. Стояли они не вплотную друг к другу, чтобы при изменении направления ветра не навалиться на своего соседа. Ночь, темно, в качестве брандеров будут использоваться небольшие корабли, даже по сравнению с двухмачтовыми критнерами чуть ли не крохи. А если ещё и свежий попутный ветерок, черт бы его побрал, чтобы они могли набрать хороший ход и прорваться к центру бухты…

Вторая волна брандеров, займется стоявшими у входа кораблями, и чья задача будет заключаться в том, чтобы запереть изнердийский флот в гавани, поджегши их.

Еще буде десант на берег, который должен высадиться по нашему с Иджином плану уже после того, как пройдет атака брандеров, чтобы раньше времени не обеспокоить врага. И если все пройдет удачно…

Но существовали и парочка проблем.

Первая, бухта с труднопроизносимым для меня названием Итликонкигуаль, была расположена на владениях Доинстройла.

Доинстройл – держава, стойко державшая нейтралитет, но развернувшееся сражение на её территории вполне могло подвигнуть к вступлению в войну. На стороне Изнерда, конечно же, чтобы урвать потом от скардарского пирога свой кусочек.

Мудрая позиция, чего уж там. Какой смысл было лезть в войну сейчас, когда исход её еще не вполне ясен?

Но если разобраться, чего собственно опасаться Скардару? Если Доинстройл всё же вступит в войну, это лишь ускорит проигрыш Скардара. А если все пройдет удачно, он трижды подумает, прежде чем в неё вступить.

По крайней мере, все мы надеялись именно на это.

Вторая проблема была куда более большей, в том числе и для меня лично: все, кто должны были привести брандеры в гавань, шанс выжить имели самый минимальный.

Фер Груенуа, активно принимавший участие в обсуждении плана вместе со мной и Иджином, когда мы остались наедине спросил – зачем мне, мол, все это нужно? – и я долго обдумывал ответ.

Однажды точно такой же вопрос, в ситуации, чем-то напоминавшей сегодняшнюю, мне задал Анри Коллайн.

Тогда я попытался ответить, но так и не смог сделать это убедительно. Не уверен, что мне удалось это сейчас.

-Согласись, Фред, план не такой уж и плохой, – сказал я, на что он кивнул головой, соглашаясь.

-И, если для нас всё обернется удачно, будет несколько иная

расстановка сил, как на доске в твоей любимой игре тримсбок.

И снова он кивнул головой, лишь добавив:

-Ты начал говорить слово 'мы', когда речь заходит о Скардаре.

Я отмахнулся рукой, не суть.

-Так вот, я предлагаю неплохой, кстати, одобренный тобой план, и допустим, его принимают. А затем я наблюдаю со стороны. Если все пройдет хорошо, то с удовлетворением кивну головой: ну а я, мол, что говорил? Если же дело провалится, что ж, подумаю над этим, проанализирую, сделаю выводы, и в следующий раз мой план будет значительно лучше.

Фред, это мой план, я хочу убедить людей в том, чтобы они ему последовали, и как ты сам думаешь, где должно быть мое место в нем?

Фер Груенуа опять кивнул, только на этот раз не сказал ничего.

Вот с этим планом я и выступил перед собравшимся на борту 'Доблести Скардара' командованием флотилии.

План был подробным, мы вместе с Фредом и Иджином занимались им все те дни, что штормовали. Как нам показалось, мы предусмотрели в нем все, что только возможно.

Но самое главное, мы нашли людей для его выполнения и их почти хватало. После одобрения плана недостающие люди нашлись. Возможно, этот вопрос так легко решился потому, что слова 'патриотизм, и 'долг' не стали ещё ругательными, что произойдет позже.

Возможно из-за того, что все принимающие в нем участие добровольцы должны были получить награды. Награды золотом или в виде знаков отличий на грудь, неважно. Важно было то, что людей теперь хватало.

И мы с Иджином стояли на мостике 'Мелиссы' и молили небеса о том, чтобы ветер подул с моря на берег, а небо нахмурилось.

Внезапно дир Пьетроссо улыбнулся и не смог удержать смешок.

После моего вопросительно взгляда он сказал:

-Ситуация, Артуа. Мы стоим и молимся о том, чтобы ветер подул с моря.

Тогда мы полезем в это пекло, и сто к одному, что нам не удастся выбраться из него живыми. Если же ветер задует с берега, да еще станет сильным, нам придется убираться отсюда, потому что времени ждать больше нет, эскадра на подходе. Но ведь тогда мы останемся живы!

И он хохотнул снова.

Я пожал плечами:

-Знаешь, Иджин. На моей родине говорят: дураков не пашут и не сеют – они сами рождаются, и урожай всегда неплохой.

Невдалеке отирался Прошка, стараясь попасться на глаза. Проухв, мы уже говорили на эту тему, нет и ещё раз нет. В любой другой ситуации, но не сейчас. Ты мне давно уже почти как брат, и мне без тебя придется тяжело, но…

Пловец я хоть и не чета топору, но всё же доплыть до берега надеюсь. Проухв, за то время, что мы вместе, ты научился очень многому, в чем-то и меня превзошёл, но пловец из тебя!.. Так что ты меня на берегу будешь ждать.

-Артуа, пора! И хранят нас все боги!

Голос Иджина прозвучал ровно, и все-таки на последнем слове чуть дрогнул. А может быть, это мне показалось.

В этом мире у меня только одна богиня, имеющая стройную хрупкую фигурку и прозрачные крылышки за спиной – богиня Удачи. И я не мечтал тогда о том, чтобы она мне улыбнулась, но очень надеялся, что и не повернется спиной.

Я занял место за румпелем утлого суденышка, имеющего пару десятков шагов в длину. Его основательно разгрузили, убрав все лишнее для того, чтобы он мог быстро пройти четыре морские лиги. Затем уложили на палубу груз, от которого сильно воняло дегтем, смолой и скипидаром. Много уложили, вполне достаточно для того, что, когда все это вспыхнет, огонь мигом перекинется на изнердийский корабль. Правда, до него еще предстояло добраться.

Моя цель – флагман. Но это при удаче, а так сойдет любой из тех, что находятся в глубине бухты. Всего у нас пять брандеров, и задача трёх из них прорваться в гавань. Еще два должны поджечь корабли, охраняющие в ход. На одном из двух, критнере, которым пришлось пожертвовать – Иджин.

Его задача самая трудная, ведь первых непременно заметят, и, когда его критнер будет подходить к своей цели, уже объявят тревогу. Хотя и в центре гавани тоже будет не сахар.

Экипаж у Иджина самый большой, а сзади на буксире – шлюпка. На моем кораблике находилось всего четыре человека, Бронс с Трендиром да Оливер, и шлюпки нам не нужно, до берега придется добираться вплавь. Вдоль обоих бортов были приготовлены абордажные крючья, потом заниматься ими будет некогда.

Ветер все же переменился, и пусть он дул не на берег, но здорово посвежел, что было очень даже хорошо. Мы шли первыми, и успели развить неплохой ход.

По корме, почти вплотную шел еще один точно такой же, как наш кораблик, а чуть левее и дальше виднелись ещё один.

Остальных было почти не видно, проглядывались лишь смутные тени.

Пока все шло хорошо, вот только ветер все чаще срывал с гребней невысоких волн россыпь крупных капель и забрасывал их на палубу. Не размокнем, даст Бог, скоро вообще купание предстоит, но имелась жаровня с углями, за нее я и опасался. Зальет, чем тогда наш груз поджигать? Кремнями с кресалами нас снабдили так, что хоть лавку открывай, но попробуй под вражеским огнем искру высечь. Орудийного огня в тесноте бухте опасаться будет нечего, легко и в свои корабли угодить, и опасаться его стоило разве что на подходе. А вот ружейного огня не избежать.

Следить за жаровней был приставлен Оливер, и мы, наверное, успели сотню раз все обговорить, он мужик ответственный, к тому же отлично понимал, что основное это не прорваться в гавань, а сделать то, ради чего мы и полезли дьяволу в пасть.

Темный берег приближался прямо на глазах, скорость была приличной, и промахнуться мимо входа в бухту я не страшился, слишком много огней светилось на находившихся в ней кораблях. К тому же на берегу, в глубине бухты имелось селение, где, не смотря на глубокую ночь, горели несколько огоньков.

Нам не удалось миновать незамеченными стоявшие у входа в бухту корабли, паруса предательски белели даже в ночной мгле, но помешать они уже не успели. Послышались частые удары в корабельный колокол, все, это тревога, теперь держись Иджин, держись.

Вот он, флагман изнердийской эскадры, он выделялся своими размерами даже среди своих соседей, тоже имевших по три батарейных палубы.

Ветер задувал нам справа, флагмана развернуло носом к ветру, и заходили мы к нему под острым углом. Опускать паруса было некогда и некому, и нам необходимо было на ходу успеть зацепиться за врага абордажными крючьями.

Когда расстояние до флагмана оставалось не так много, я немного повернул румпель влево и заорал в полный голос: давай!

Заорал на родном языке, но Оливер меня понял, сорвав с жаровни покров, и глубоко погрузив в нее сразу два факела. Подходить к изнердийцу нужно было с уже запаленным грузом, потому что потом будет поздно, на его борту виднелись люди и в руках у них блестели стволы ружей.

Бронс с Трендиром стояли с крючьями наготове, и я бросился к ним, ухватив еще один крюк. Наконец, уже перед самым бортом врага, на палубе брандера показался огонь.

'Надо было раньше поджигать – мелькнула в голове

запоздалая мысль. – Не успеет толком разгореться, потушат, и все наши усилия пропадут даром'.

С палубы изнердийца раздались первые выстрелы, затем с мостика грохнул фальконет, угодив зарядом в корму, откуда я только что спрыгнул. Кричал Бронс, крутя над головой крюк, и примериваясь к броску. Страшно выл Оливер, держа в каждой руке по кошке, Трендир рычал сквозь плотно сжатые зубы, и что-то орал я.

Когда брандер ударился о корпус изнердийского флагмана, на ногах не устоял никто. От толчка Бронса бросило в разгоревшееся пламя, и он закричал уже от жара огня. На коленях я добрался до него, потянул за ноги и перекинул за борт. Оливер вскрикнул, пуля попал ему в спину, в тот момент, когда он переваливался через фальшборт. Но мы успели, успели зацепиться за борт флагмана, а брандер был уже весь охвачен огнем.

Удар пули я почувствовал, когда греб под водой обеими руками, чтобы как можно дальше удалиться от изнердийского корабля, и он пришелся в левое плечо. Вода поглотила большую часть энергии пули, но и той, что оставалось, хватило, чтобы я заорав, успел пару раз хлебнуть морской воды.

И пришлось всплывать, потому что весь воздух вышел с моим криком и кашлем.

Когда я показал голову из воды, первым, что увидел, был горящий корабль, и он не был флагманом. А что наша цель? Флагман горел, горел так, что сразу становилось понятным, его уже не потушить.

И снова я заорал, на этот раз от радости. И плевать, что меня могли услышать, да и кому я был сейчас нужен, у них у всех сейчас была одна задача, спастись самим.

Я плыл, уже не пытаясь скрыться под водой, потому что всем сейчас было не до меня, и не до тех парней, которых я не видел, но которые тоже пытались достичь берега.

Вот с грохотом рассыпался на огненные куски флагман, щедро одарив ими стоящие вблизи корабли. И я скрылся под водой, потому что было бы очень обидно получить по голове одним из таких кусков.

Изнердийский флот горел, огонь перекидывался с одного корабля на другой. Несколько изнердийцев попытались спастись, выйдя из бухты, для чего снимались с якоря и понимали паруса. Но в тесноте гавани паруса вспыхивали от близкого жара, и уже затем огонь добирался до палубы.

А от выхода из бухты слышалась частая орудийная пальба, это приблизившийся флот Скардара стрелял по стремившимся

покинуть бухту кораблям, лишая их такой возможности.

А я все не мог сообразить, где же он, левый от входа в гавань берег, на котором меня должен ждать Прошка. Руки и ноги наливались свинцом, левое плечо рвала на части дергающая боль, а я все греб и греб.

Вокруг сновали шлюпки со спасающимися изнердийским моряками, и на одну из них меня даже пытались поднять. И мне пришлось отбиваться от тянувшихся ко мне рук, что-то мыча при этом, чтобы меня приняли за сошедшего с ума от всего этого ужаса и оставили в покое.

Уже потом, когда берег казался таким близким и таким недоступным, когда я с трудом боролся с глубиной, тянувшей меня вниз как магнитом, меня подхватили чьи-то руки.

'Прошка – сумел я их опознать, эти руки – Прошка, посмотри, мы сделали это. Мы это сделали!'.

Прошка помог мне выбраться на берег, и мы долго брели вдоль него, уходя все дальше и дальше. И никому из изнердийцев не было до нас дела, потому что каждый из них был занят самим собой, переживая своё чудесное спасение.

Мы брели в сторону далекого мыса, где по плану должен был высадиться наш десант.

Но он не будет атаковать оказавшихся на берегу изнердийских моряков, потому что сейчас это были не враги, а люди, благодарившие своих богов за то, что им удалось спастись в этом огненном аду, и до ничего другого им не было дела.